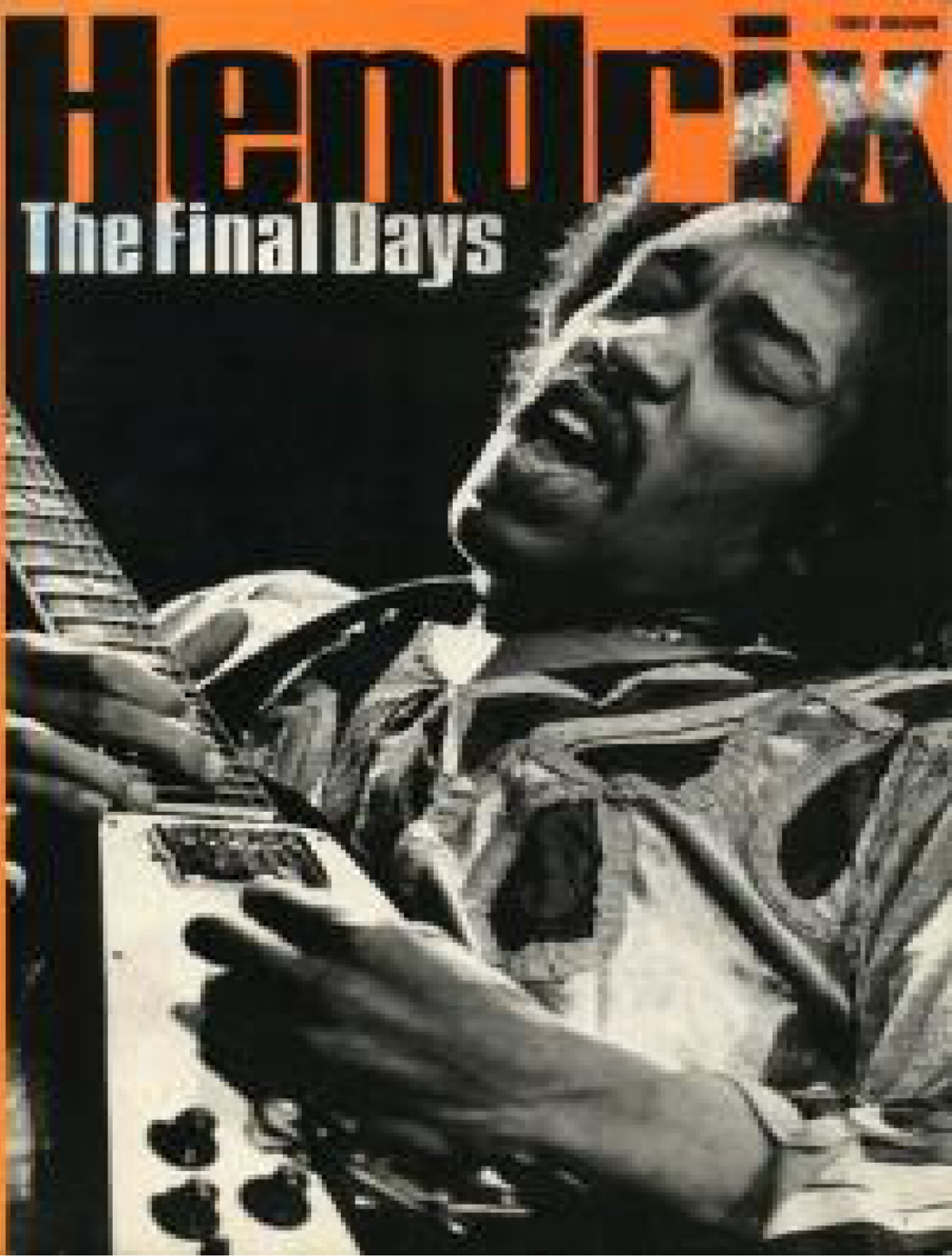
Hendrix

The Final Days



SHOUT
SHARE
IT

- Хендрикс, Последние 22 дня
  -
  - Пролог, накануне
  - Глава 1. Возвращение в Англию, 27 августа
    -
    - Пятница 28 августа, утро
    - 28 августа, день
    - 28 августа, вечер
    - Суббота 29 августа
    - Воскресенье 30 августа
    - Ночь на понедельник 31 августа
    - Остров
  - Глава 2. Швеция
    - Всё ещё понедельник 31 августа
    - Лунд
    - Вторник, 1 сентября
  - Глава 3. Дания
    -
    - Среда 2 сентября
    - В ночь на четверг 3 сентября
    - Четверг 3 сентября
    - В ночь на пятницу 4 сентября и утро того же дня
  - Глава 4. Любовь, мир и насилие в Германии
    - Пятница 4 сентября
    - В ночь на субботу 5 сентября
    - Суббота 5 сентября
    - Вечер второго дня фестиваля
    - Воскресенье 6 сентября
  - Глава 5. Последнее интервью
    - По–прежнему 6 сентября, конец дня
    - 8 сентября
    - Среда 9 сентября
    - Четверг 10 сентября
    - Пятница 11 сентября
  - Глава 6. Последние дни
    - Суббота 12 сентября
    - Воскресенье 13 сентября
    - Понедельник 14 сентября
    - Вторник 15 сентября
    - Среда 16 сентября
    - Письма
  - Глава 7. Последние часы
    - Четверг 17 сентября

- Что рассказал Филлип Харви
- Звонки
- Белое вино
- Чёрно–белый Стратокастер
- 18 сентября
- Веспаракс
- Версия, рассказанная Моникой Куртису Найту при личной встрече, когда он был у неё в гостях в Дюссельдорфе [стр.167]
- Утренние звонки
- Что рассказали санитары скорой
- Что рассказал полицейский
- Обвинение Моникой доктора в расизме
- Версия сотрудников 1–го Отдела
- Красное вино
- Журналисты
- Газеты
- Версия полицейских
- Вечер пятницы 18 сентября

○ Глава 8. Следствие

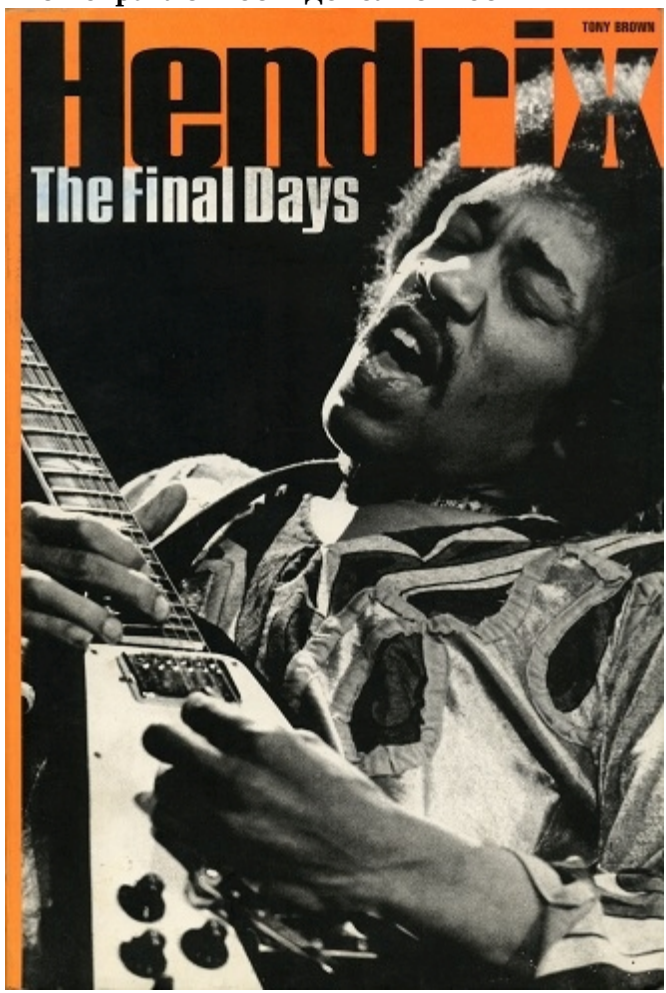
- Суббота 19 сентября
- Что рассказала Шарон Лоренс
- "Я дала Джими эти таблетки"
- Эрик Бёрдон
- Понедельник 21 сентября
- Версия Руфуса Кромтона снотворное
- Версия Эрика Бёрдона, белого музыканта, играющего чёрную музыку
- Версия Жаннетт Джекобс
- Версия Ноэла Реддинга
- Предсмертная записка
- Версия чёрных музыкантов, игравших с Джими
- Сон Куртиса Найта [стр.37]
- Радуга Мелинды Мерривёзер
- Вопросы без ответа
- Антиверсия Майры Паначе чёрный голливудский агент — Джими Хендрикс
- Версия Алекса Константина или антиверсия ретушёра общественного сознания
- 22 сентября
- 24 сентября
- Версия белых, официальное заключение 28 сентября
- Наружное обследование

- Обследование внутренних органов
- Дополнительное исследование
- Версия Моники
- Заключение Гэвина Тёрстона
- Версия д-ра Руфуса Кромтона
- Слухи
- Моника пятница 5 апреля 1996 года
- Ди
- Версия переводчика несчастный случай
- Сиэтл

- Индекс концертов
- Индекс

Хендрикс, Последние 22 дня

Тони Браун
1997
Издание исправленное и дополненное



Смерть Джими более смахивала на чёрную комедию, герои которой пытаются прибраться в комнате человека почти несомненно мёртвого.

Эрик Бёрдон

Как смешно устроены люди: стоит вам умереть, как вы любимы сильнее жизни.

Джими Хендрикс

Пролог, накануне

Кажется, это было вчера, — рассказывает один из братьев Аллен [00:00:04,800]. — Джими сидел вот здесь, на этом самом месте. Мы с Танди обсуждали всё это, разговаривали, спрашивали его, куда он всё–таки едет? Говорил, едет на какой–то Белый остров. Он сказал:

— А затем я вернусь и буду ждать вас на одном южном острове в Тихом океане.

Мы спросили:

— Как называется этот остров?

— Панго–Панго. Я буду ждать вас на Панго–Панго.

Мы посмотрели на него, он улыбался нам прекрасной улыбкой. Прекрасный огонёк блеснул в его глазах и Джими исчез, вошёл в эти двери, и всё.

— Мы все собирались на остров Уайт, — рассказывает Эрик Барретт [менеджер Джими по оборудованию, это интервью вырезано из "Фильма о Джими" 1973 года], — ребята уже улетели… в этот день как раз было открытие Electric Lady Studios.

Я остался с Джими, Майк [Джеффери] обещал, что мы успеваем на последний самолёт, неважно какой.

Но оказалось не всё так просто… с трудом вытащил его из студии и запихнул в лимузин… чтобы отвезти в аэропорт.

Пока мы добирались до аэропорта, его возбуждение росло: "Готова студия!" Он был счастлив как никогда.

Но вот, наконец, и аэропорт, он проходит через рамку, я за ним… знаешь, он прошёл и все, кто был рядом, устремились к нему… таможенники хотят с ним сфотографироваться. Все же знают кто он. Говорят: "Можно с вами сфотографироваться для моей дочери?" и всякое такое.

Он пытается пройти, а таможенник ему:

— Металлические предметы есть?

Джими ему:

— Нет.

— Хорошо, пройдите ещё раз.

Джими возвращается и проходит рамку снова. На нём были только обтягивающие кожаные штаны… и футболка, явно ничего нет.

Таможенник в растерянности:

— Не понимаю, почему она звенит.

Джими возьми и скажи:

— Это мой спрей металлик для волос.

Я тут чуть не умер. Он тоже засмеялся, но таможенник не

понял юмора.

Но вот мы и в самолёте… Я и Джими в огромном джумбо, и ещё 13 человек первым классом. Там было всё такое… Таких хорошеньких стюардесс я ещё не встречал, они пеклись о нас всю ночь. Он светился от счастья, мы смотрели какое–то кино.

Последние два часа до Лондона мы проспали. Наконец Лондон… Это было здорово, потому что он не играл здесь уже два года. У трапа самолёта, похоже, собралась вся пресса страны.

— Ого, сколько их! — воскликнул я

Он выглядел напуганным, я его часто таким видел. Я пытался пробраться сквозь толпу… он пнул мне в спину и сказал:

— Не уходи.

Знаешь… когда с ним был кто–то рядом, он чувствовал себя лучше. С ним обязательно должен быть кто–то кому он мог доверять. Я конечно остался. На фотографиях в газетах среди толпы можно разглядеть и меня. Но на многих, меня отрезали. Можно сказать, это был знак.

Глава 1. Возвращение в Англию, 27 августа

— Мич первым вылетел в Англию, — рассказывает Билли Кокс [00:31:19,400]. — Джерри Стикеллз и я четыре — нет, на пять дней позднее тоже прилетели… э… в Лондон. Мы летели, как всегда индийской авиакомпанией. Вполне прилично. Почему индийской… для них это получалось дешевле, так как курс был заморожен. Эйр–Индия всегда выручает, когда нужно срочно лететь. Это было моё первое путешествие в Европу и Джерри сказал: "Ты хорошо выспишься, Билли." Я и не предполагал, что самолёты могут опаздывать. Я проговорил весь полёт, так и не сомкнув глаз, а когда приземлились в Лондоне, оказалось, что на пару часов позже или пять–шесть часов? Так я узнал, что и самолёты опаздывают, узнал нечто ужасное. Прилетев, мы пересели в крошечный самолёт, чтобы добраться до острова Уайт было немного… немного боязно… говорили, что такой же разбился накануне, или несколькими днями ранее. Замечательное завершение наших странствий, разбиться при посадке. Не очень хорошее начало дня… понимаешь, о чём я? Затем прилетел Джими, кажется 27–го.

13

— Чем больше, тем лучше… фестивали, знаете, это лучшее выражение эмоций, — сказал Джими журналистам из Вечернего Стандарта, которые его встречали в аэропорту Хитроу в четверг утром 27 августа.

Всю ночь он провёл в своей только что построенной нью–йоркской студии Electric Lady, а накануне грандиозная вечеринка по поводу долгожданного открытия, ни минуты поспать перед полётом. Обладая от природы крепким здоровьем, его организм страдал от нерегулярного питания и сна урывками, постоянной смены при перелётах климатических зон и часовых поясов и напряжённого графика работы; его организм страдал от всего, чему Джими посвятил всю свою жизнь.

Из Хитроу Джими вместе с Барреттом на чёрном Мерседесе домчались до центра Лондона, где на Парк–Лейн в Лондонберри для Джими был забронирован номер. День он потратил на сон, когда же сгустились сумерки, он переоделся и отправился навестить друзей в Спикизи на Маргарет–Стрит недалеко от Оксфорд–Циркус.

14

Клуб Спикизи — самый известный и часто посещаемый в

музыкальном мире, Джими в ранние дни джемовал там на их крошечной сцене. Он знал наверняка, что встретит там знакомые лица или цыпочек, а если удастся, повидается с Энджи.

Одновременно, в те же дни, а именно 24 августа, из Дюссельдорфа в Лондон прилетела Моника Даннеманн и сняла номер с садиком в гостинице Самарканд в Ноттингхилле. 18 сентября Моника сообщила полиции, что 15–го Джими переехал к ней в Самарканд, но позже она изменила свои показания и стала настаивать, что встретилась с Джими в тот же день, как он прилетел в Лондон (27 августа) и что уже вечером он переехал к ней в Самарканд.

— Я была с Джими в Спикизи, — сказала Моника, противореча показаниям многих других. — Там было, как всегда, много народу, но там не было, с кем обычно встречался Джими. Было много знакомых лиц, но с ними виделись мы мельком… но многие же друзья, которые говорят: "Нет, нет и нет, ничего подобного", их там не было, поэтому они не могли так говорить. В тот вечер, когда прилетел Джими, я была в Спикизи с Альвинией, так как Джими сказал мне, чтобы я ждала его там. Мы встретили Билли Кокса, и все вместе поехали в Лондонберри, где засели в баре. И Альвиния была с нами, и Билли Кокс, затем мы все вчетвером поехали ко мне в Самарканд.

Пятница 28 августа, утро

Какие бы события ни произошли в тот вечер, но на следующее утро Джими проснулся с сильнейшим насморком в своём гостиничном номере в Лондонберри, рядом спала Энджи и ещё одна цыпочка, обе, совершенно голые. Джими пришёл в ярость и, выгоняя их, разнёс всю мебель в щепы. С девочками случилась истерика, тогда он, схватив их за головы, выкинул их из спальни в гостиную, закрывшись изнутри. За своей одеждой они боялись вернуться и, не зная, что делать, позвонили Кати Этчингем и попросили приехать как можно скорее.

15

— Анджелия позвонила мне домой утром, около одиннадцати, — рассказывает Кати Этчингем, — и сказала, что они провели ночь в гостинице с Джими и что теперь Джими, превратив номер в джунгли, не отдаёт им одежду, а сам, как разъярённая обезьяна, и они боятся его и умоляют, чтобы я скорее приезжала, и что я единственная, кто сможет укротить его. Я попыталась их успокоить и ответила, что приеду, на что Анджелина сказала, чтобы я взяла такси и что такси они оплатят. Когда я, наконец, добралась, то увидела разбросанные повсюду осколки — всё что осталось от кофейного стеклянного столика. Первым делом я зашла в спальню и вынесла оттуда их одежду, затем вернулась к Джими, села на край постели и спросила у Джими, что, собственно, произошло.

— О, Кати, скажи им, чтобы они ушли, пожалуйста, скажи им, чтобы они ушли, — произнёс Джими.

В комнате стояла нестерпимая жара, Джими вывел нагреватели на полную.

— Джими, здесь чертовски жарко, — на что он мне ответил:

— Нет–нет, так надо, я весь дрожу от холода.

Помню, он всё время бормотал:

— Что им нужно было, что они делали здесь?

И затем добавил:

— Что *ты* здесь делаешь?

— Ну, они позвонили мне, сказали, что ты не отдаёшь им их одежду…

— Так, забери их тряпки, и скажи им, чтобы уходили.

Анджелия рассказала мне, что он вдруг, как разъярённый орангутанг стал сталкивать их головами, как если бы они были кокосовыми орехами. Я оставалась ещё некоторое время с ним, пока он не успокоился и не заснул, затем я уехала. Он был перенасыщен. Я хорошо знаю это его состояние, когда слишком

много всего вокруг него происходило. Ни личного времени, ни тишины, знаете. Обычно, пока всё идёт по его желанию — всё хорошо, но затем, когда всё приходило к своему логическому завершению, он становился нетерпимым к окружающим, они же, со своей стороны, обыкновенно хотят ещё более приблизиться к нему. Он подбирал этих несчастных птичек где угодно и вёл их к себе в гостиницу, но как только любовь оканчивалась, у него оставалось только одно желание — поскорее от них избавиться. Обычно он совал им их одежду и выпроваживал. В ранние дни, когда он не был ещё так перегружен, он мог сходить с ними куда–нибудь, но думаю, оставался с ними недолго. Он всегда хотел принадлежать самому себе, и в конечном итоге отсылал их подальше от себя.

28 августа, день

16

Днём предстояла серия пресс–интервью для Трэк–Рекордс и пиар–менеджеру Джими, Лес Перрину, а чуть позже тем же утром и самому Джими необходимо было подготовиться к напряжённому графику. И, находясь там, вы бы стали свидетелем его всем известного перевоплощения: как если бы не было этой отвратительной утренней сцены с девушками, он принял к встрече с репортёрами серьёзный вид.

Весь день ушёл на отражение атак лондонской музыкальной прессы. Одни захватили его с тылу, заняв спальню, другие цепочкой разместились в гостиной, как если бы собрались играть в испорченный телефон. Джими был приветлив со всеми и старательно отвечал на все вопросы, но мысли его были заняты предстоящим его выступлением на острове Уайт — где также приглашены были другие музыкальные гиганты, The Who, The Doors, Joni Mitchell и Jethro Tull. Ему казалось, что за слишком долгое его отсутствие в Англии о нём уже могли забыть.

Первым взял интервью репортёр The Times и его статья была напечатана 1 сентября:

— Если я теперь свободен, то только потому, что к этому стремился всегда, — сказал он читателям самого престижного лондонского издания. — Я начал чувствовать себя жертвой общественного мнения. Все хотят знать только с кем я сегодня спал и кому вчера поддал под зад или каких я завтра экстремистов поддержу. Вот я постриг волосы и слышу вокруг: "Джими, что случилось, почему ты обрезал волосы?" Я переоделся: "Почему ты одел именно эти носки? В чём причина, почему голубые?" И вот я стал спрашивать себя, не слишком ли длинное соло я играю? Или, должен ли я благодарить ту цыпочку, что переспала со мой? Я устал. Нет, не физически. Устал морально, я снова отращиваю волосы, чтобы спрятаться за ними. Но нет, не спрятаться, думаю, я отрастил длинные волосы, потому что отец в детстве стриг меня под ноль.

17

Говоря о своей публике, Джими сказал:

— Когда смотрят на тебя с недоверием и улыбаются из вежливости, чувствуешь, что тебя укачивает как на волнах. Остаётся вызывать эмоцию стеной звука. Нет, не мелодией. Насилуешь их музыкой, вточь как на ринге или на футбольном поле — вызываешь в них чувство насилия. И совсем не обязательно побить каждого, это как удар шёлковым платком. Я

хочу сказать, грустно, что вызываешь в них это чувство.

Следующим был Роу Холлингворт из MM. Его статья опубликована 5 сентября:

— Завершился полный круг, я пришёл к тому с чего начал, — сказал Джими Холлингворту. — Я — дитя этой музыкальной эпохи. Моё звучание осталось прежним, моя музыка — неизменной, я ничего не могу придумать нового с тем, что я сейчас имею… Когда в начале года окончились американские гастроли, у меня было одно желание, исчезнуть и забыть всё. Исчезнуть, чтобы записываться, но смогу ли я сочинить что–либо новое? Я думал. Думал над тем, что меня ждёт в будущем. Думал о том, что наступило завершение этой эпохе, так талантливо начатой The Beatles. Что–то новое должно прийти ей на смену и это новое должно быть Джими Хендриксом. Я хочу иметь большой оркестр, я не имею в виду трёх арфистов и 14 скрипачей, я говорю о полном наборе оркестровых инструментов, я хочу дирижировать ими и писать для них музыку. С их помощью музыкой мы нарисуем картину Космоса, а в нём и нашей маленькой планеты, чтобы каждый слушатель смог побывать с нашей помощью в любом уголке Вселенной. Музыка должна открыть новые возможности человеческого разума. Я чувствую, люди уже готовы к этому. Как и мне, им нужна только передышка, чтобы навестить свои жилища, накормить своё тело и приготовиться к следующему путешествию.

18

— Видишь ли, музыка слишком важная вещь, чтобы тратиться на всякую попсу и политическую возню. Эта мысль стара, как мир и каждый имеет право на собственное мнение. Но политика — это как старая пыльная шляпная коробка на шкафу в прихожей. Как на карусели жизни, качаешь колыбель, одновременно целуя мать, и обманываешь себя, что всё клёво. Но, видишь ли, в музыке это не проходит, музыка не терпит лжи. Понимай меня, как хочешь, но лгать — это не для меня. И если в мире и происходят быстрые изменения, то только благодаря искусствам и музыке и в следующий раз именно музыке суждено изменить мир.

В интервью с Холлингвортом Джими много говорил о возможности в будущем музыке изменить мир:

— На некоторое время мы остановимся, чтобы изучить музыкальное наследие последних 30 лет. Нам следует взять лучшее из всех идей и выработать новую форму классической музыки. Нам предстоит трудная работа перекопать все слои, чтобы выявить из них плодородные, но сделать это необходимо. Во мне звучит музыка Рихарда Штрауса и Вагнера, настоящих котяр, и, думаю, именно их формы станут основой для моей

музыки. В небе над ними плывут блюзмены, я всё ещё ощущаю на себе их взгляд, проплывают гиганты кантри–вестрн рядом со сладкой одурманивающей музыкой (вы сами выберете её по своему вкусу). Всё это вместе должно родить новую форму. Знаешь, наркотики расширили сознание. Они открыли в разуме многих новый взгляд на собственное я, показали людям их истинное лицо, которого они никогда не видели. Музыка, знаешь, тоже это может и без всякой химии. Выражение "взорвались мозги" — это реальность. Люди, такие как ты, например, желают чтобы у них взорвались мозги и мы даём им нечто, что взрывает им мозги и пока их черепная коробка вскрыта, много интересного можно в неё вложить. Я имею в виду неизведанные возможности целостной музыки. Это поистине чистейший наркотик. Думаю, нечто похожее делают Pink Floyd. Они не осознают своей роли, знаешь, но люди, вроде Pink Floyd — это сумасшедшие учёные наших дней, даже нашей эры, я бы сказал. Чем дольше я гастролировал по Америке, тем более меня захватывало чувство, что меня полностью могли забыть в Англии. Я всему, что имею, обязан этой стране, но мысль, что они не хотят меня больше, потому что у них самих есть такие отличные музыканты, просто убивала меня. Может они скажут мне, о, нам нужен Хендрикс, Хендрикс всё ещё хорош. Я действительно так думаю.

19

Джими также много говорил о возможностях трио, которые, по его мнению, ещё совсем нераскрыты:

— Было здорово. Было действительно здорово. Мы наслаждались игрой, единением. Но, что меня угнетало, так это то, что от меня ждали всяких визуальных эффектов. Когда я не делал на сцене ничего такого, народ считал, что я не в настроении, но когда меня захлёстывала эмоция и я вытворял на сцене чёрт знает что, они называли меня извращенцем. Я не способен ничего делать по заказу. Я хочу только, чтобы музыка проникала в их души, а слушатели сидели с закрытыми глазам. Я знаю точно, в каждый момент, как она воздействует на них, и ничего из того, что происходит на сцене не должно этому помешать.

На вопрос Холлингворта, когда осуществится проект Hendrix Big Band, Джими отвечал рассеянно и неопределённо:

— Скоро, — ответил он. — Остров Уайт может быть станет последним, или предпоследним, моим выступлением. Но если всем понравится, может быть, я немного повременю. И я продолжу работу в этом направлении, если буду иметь успех, знаешь, у меня есть в жизни предначертание, и я его должен выполнить.

Видя, что дикий Джими с огромной шевелюрой на голове, остался в далеком прошлом, Холлингворт спросил его, что послужило таким личностным изменениям:

— Нет, не думаю, что я сильно изменился, хотя, я чувствую, что несколько повзрослел за эти три года. Думая, о тонах, об аккордах, я напеваю их, мелодия живёт во мне, затем приходит линия баса, затем ещё одна. На гитаре я не смог бы так сыграть. Думаю, я занижаю свои способности. Я многому научился. Но многому ещё предстоит научиться, потому что музыка — это как волосы на голове, чем больше их расчёсываешь, тем больше они запутываются. Я не хочу играть с большим коллективом, я хочу, чтобы они играли мою музыку. Я хочу стать хорошим композитором. Я всё ещё ищу направление, в котором буду писать, но обязательно найду его. Я не собираюсь давать так много концертов как раньше, так как хочу усовершенствовать звучание и сделать фильм об этом. Это очень меня воодушевляет, сделать такой проект, в котором звук, соотносится с визуальным рядом, вам бы оставалось только сесть и включить свой проигрыватель, и превратиться в слух и зрение. Я счастлив, что смогу такое сделать.

20

За Холлингвортом последовал Майк Леджервуд из Disc and Music Echo, чей отчёт опубликован 12 сентября. Своё интервью он начал с вопроса, когда же, наконец, мистер Хендрикс женится:

— Женитьба в данный момент — большой риск, мне бы не хотелось никому причинить боль, — произнёс человек, который всего пару часов назад выбросил двух женщин из своей постели и был утихомирен третьей. — Это бы полностью взорвало мои мозги. Но я должен признаться, что хотел бы встретить тихую приветливую девушку, может быть, такие ещё остались в деревне, и она бы ничего обо мне не знала. Хотел бы встретиться так, просто, лицом к лицу. Слишком много мерзких вещей мне приписывают и ставят мне в вину. Всё это не делает меня завидным женихом. Но если отбросить шутки, я бы с удовольствием осел бы где–нибудь. Хотя никто не может сказать, когда наступит нужный момент. Я влюбляюсь — влюбляюсь по–настоящему… и я влюбляюсь также ещё в одну — но совсем по–другому — и это может случиться со мной в одно и тоже время. Со мной такое часто бывает и я попадаю временами в очень затруднительные положения! У меня голова становится квадратной от всех них, особенно, когда я пытаюсь завести дружбу с той, которая действительно меня зацепила.

Я собираюсь скоро купить дом в деревне. Нью–Йорк постепенно меня убивает. Я чувствую, что во мне начинает

развиваться клаустрофобия! События несутся со скоростью русских горок, каждый раз как выходишь из дома. Впрочем, я не думаю, что в Штатах найдётся для жизни тихое и безопасное место. Думаю, Америка вообще собирается объявить мне бойкот. И мне это всё, ой как не нравится! Однажды было у меня желание осесть в Калифорнии. И даже Бог этому был рад! Знаешь, если честно, я — обыкновенный деревенский кот. Я схожу с ума в каменных джунглях. Лондон — удивительное исключение. Здесь отдыхаешь. И хотя со мной готов случиться нервный припадок, каждый раз как я появляюсь в центре, но здесь всё по–другому! Я в восторге, что до сих пор мини не вышли из моды. Нет на земле другого такого места, как Лондон!

21

Возвращаясь к своему, Джими с горечью говорит о своих музыкальных устремлениях:

— Я пришёл к завершению своего музыкального витка, пора переходить на новый. Проблема не во мне, в людях, которые меня окружают. Они не дают меняться. Я попробовал пару лет назад — но не сработало. Изо всех сил стараешься поддержать в себе музыканта, что бы вокруг тебя ни происходило, а выходишь на сцену, играешь это старьё и нет возможности наладить со слушателями контакт. Все они улыбаются и счастливы видеть тебя… а на самом деле они уже в четвёртый раз на твоём концерте!

xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

Высказываясь о своей игре Джими очень сдержан:

— Я никогда хорошо не играл, — сообщил он искренне удивлённому Леджервуду. — С каждым годом, как я начал писать, я соскальзываю всё дальше и дальше. Вот поэтому мне нужен новый способ выражения. Я хочу участвовать в развитии новых путей большой музыки. Кольцо спирали не должно замкнуться, сейчас я снова на старте. Начало подошло к концу, и впереди нечто совершенно другое. Я не могу больше кричать. За меня это сделает музыка, знаешь, я не Бинг Кросби, но мне нравится петь и мне хотелось бы быть хорошим гитаристом. И я над этим работаю!

Стиву Кларксону из Sunday Mirror Джими сказал:

— Временами я задаю себе вопрос, что я здесь делаю? Вот я сижу здесь один. Почему на мне эта сатиновая рубашка и штаны цвета огня от сигареты? Я никак не могу взять в толк. Я никогда не встречал человека более одинокого, чем я сам, спросите всех, разве этого я хотел?

Следующим в цепи был Боб Партридж из Record Mirror, его отчёт был опубликован уже 19 сентября:

— Всем нам нужен внутренний отдых… После того как провёл три изнурительных американских тура, чувствуешь себя полностью интеллектуально выдохшимся, — поделился с Партриджем Джими. — Я хотел бы записать кое–какой новый материал, но в том государстве в каком мы живём, это сделать не представляется возможным.

По поводу распада Опытов Джими сказал:

— Проблема группы была в однобокости. Все смотрели только на меня, а ведь в группе ещё было два парня. Поэтому, после пары лет я решил, что пора увеличить состав и чтобы все играли мою музыку, но не выглядело бы это также однобоко.

22

— Я познакомился с Билли в армии… в 1962 году, или это был 1963 год? Мы вместе воровали парашюты. С тех пор он колесил вокруг Нэшвилла и по Калифорнии. У нас была группа. Как бы там ни было, но однажды Капитоль тиснула пластинку, с Бадди Майлзом на ударных и Билли. У нас было всего два или три дня на репетиции и мы выступили в Филлморе под Новый Год. Выступление всем понравилось, но записью мы удовлетворены не были. Звук на пластинке постоянно плыл. Я уже записывался незадолго перед этим. Через два дня я соскочил, потому что большинство материала уже было записано в период между Опытами и The Band Of Gypsys. И так как этот материал весь из прошлого, я терял время. Но когда выйдет следующий альбом, который, как я полагаю, будет двойным, не спрашивайте меня.

— В Штатах, играя ещё с Опытами, мы поговаривали между собой, что неплохо бы съездить с концертами в Англию. Но наши денежные тузы напоминали нам всё время, что в Британии сборов у нас не будет, за исключением одного случая в Бостоне, когда на один концерт всё же договорились. Итак, ни одного концерта в Британии мы не дали после успешных гастролей по Штатам. Наши финансисты просто не пустили нас туда.

— Я думал, что это конец нашей популярности там. Я действительно думал, что про нас забыли. Приятно было вернуться. Я уже в этом году приезжал раз частным образом, Стивен Стиллз записывался на Island Studios. Это я сделал ради него и ещё нескольких человек, я приехал один, но потом… хватило сил, только чтобы улететь обратно.

Партриджу Джими рассказал о видеокассетах, которые только совсем недавно были разработаны и запущены в производство:

— В Штатах, знаешь, придумали эти видеокассеты, ты можешь их вставлять прямо в телевизор. Можно записать на них

фильм или концерт, а потом можно фильтровать что смотришь. В старые времена не знали многих болезней, как теперь. Невероятно, но теперь я могу музыку доводить до совершенства, как если бы тебя просвечивали лучами и назначали тут же лечение. В современном мире это подобно прорыву. Это как если бы человек использовал свой третий глаз. Всегда была такая возможность. Мы технически делаем то, что умели наши предки сами.

23

Ещё Джими сказал несколько слов о живописи.

— Я всегда любил рисовать. Когда я был ребёнком, это была моя первая сильная любовь. Когда я стал старше, эта страсть перешла к музыке. Я любил рисовать пейзажи, у меня плохо получались люди, поэтому со всей страстью ушёл в пейзажи, они помогли мне потом в аранжировке музыки. Хочу попробовать писать симфонии, знаешь, такие как звучат вокруг нас — тени и свет вместе со звуком могут создать новый мир ощущений.

Ещё одно интервью, как пенальти для Джими, взял Норман Джоплин из Music Now, и опубликовано оно 12 сентября, в нём он выразил свои страхи перед встречей лицом к лицу с огромной аудиторией, собравшейся на фестивале острова Уайт:

— Я очень нервничаю по поводу острова Уайт. Знаешь, давно так не нервничал… Всё не могу поверить, что меня там ждут. Ненавижу оставшееся время до выступления, ненавижу бездействие, я весь на нервах от этого. Лучше бы мне прямо сейчас отправиться туда и раствориться… прихватив спальник, и никем не узнанным слиться с толпой. Это было бы гораздо лучше, чем сидеть с вами здесь, но боюсь, меня сразу узнают. Все сразу меня обступят, говоря друг другу: "Смотри, кто там" или "Давай иди сюда, скорее" и начнут тыкать в меня пальцами. Хорошо помню Вудсток, особенно запомнились Слай и Ричи Хэвенс. А тот парень из Ten Years After, эх, да я приревновал, когда увидел его игру. Слышали вы эту пластинку? Не знаю, зачем им понадобилось помещать мои вещи на ней, я действительно не… Мы много гастролировали по Штатам и не думаю, что это удачная мысль, да и требовать от нас качества после таких изнурительных гастролей. Мне бы сейчас вернуться, но люди кругом говорят, вы сыграли в Бостоне, так и так, и всё такое… Ну вот… теперь это, тем более что мы уже все здесь и я бы с удовольствием проехался бы по Англии с концертами.

24

Впервые за весь день он заговорил о своей студии Electric Lady.

— Да, да, она сильно отличается от всех существующих

студий. Чак Берри и Слай приходили и уже сделали первые пробные записи. Там располагающая к творчеству атмосфера, это не типично для обычных студий. Много диванов, подушек, мягкий пушистый ковёр, приятное освещение и его даже можно выбрать по своему настроению… именно такое, какое вам в данный момент подходит. Думаю, это очень важно. Отличных звукоинженеров много, но с атмосферой всегда проблема. Мы оборудовали студию новейшей звукозаписывающей аппаратурой… Я уже сегодня говорил о сочетании цвета, света, тени и музыки — лучшего места для экспериментов вам не найти. Подумываю над идеей снять фильм, используя всю эту технику.

Джоплина интересовало различие Джими Хендрикса–суперзвезды, гения гитары и Джими Хендрикса, как личности, как человека, тем более, что большинство торговцев сенсациями уже покинули номер, и они остались практически с глазу на глаз одни:

— Временами я даже не знаю, как это играется, — сказал Джими. — Но вокруг меня люди, пытающиеся заставить меня сыграть это. Я здесь для того, чтобы пообщаться с вами, это моё желание, вот и всё. Я хочу пробудить в людях осознание того, что происходит вокруг, даже если они, после 8–часового рабочего дня возвращаясь к своим семьям и телевизору, считают себя в курсе мировых событий. Я же им сообщаю нечто совершенно иное. У подростков чистые души и я не имею права их кормить одним и тем же. Я всё время ищу новое восприятие и новое звучание.

— Откуда, по вашему мнению, приходят к вам песни? — задал вопрос Джоплин.

— О, они приходят отовсюду. День я часто провожу в полудрёме, просыпаясь с готовой мелодией. Встречаю людей на своём пути — тут же звучит музыка в моей голове. Ну и конечно дорога, в дороге всегда хорошо сочиняется. Всё вокруг насыщено идеями. Но особенно я бы хотел поиграть снова в Англии, объехать восемь или около того городов. Очень хочу посетить Стоунхендж, почувствовать вибрацию тех мест. Здесь более трезвые головы, чем у нас в Америке. Думаю, надо чаще делать бесплатные концерты, я вижу чудовищные цены, за которые подростки покупают билеты на наши концерты и меня это страшит… Но сделать с этим ничего не могу.

25

Затем Джоплин затронул щекотливый вопрос о пиратских записях.

— У меня накопилось за это время не так уж много записей, — сказал Джими. — И хотя эти любительские плёнки записаны в основном на непрофессиональной аппаратуре, уже издано много

пиратских долгоиграющих пластинок. Качество их ужасает. Много ходит пиратских плёнок с Вудстока. А выпустить пластинкой концерт Band of Gypsys, вынудил только контракт с Капитоль — в то время ничего другого мы не могли им предложить.

Интервью завершилось разговором о ближайшем будущем.

— Знаешь ли, в рамках Экспириенса было больше времени для внутреннего созерцания. Только представь, мне со своей гитарой нужно было пережечь ударную установку и бас! Но теперь я больше не хочу, чтобы мне приходилось перекрикивать их, я хочу качественно нового звучания. Я хочу оркестрового звучания… иметь оркестр, чтобы воплотить некоторые мои новые идеи. Не знаю, на что будет похожа моя музыка, не уверен, буду ли я играть по–другому. Но определённо это не будет похоже на всё, что я делал со старыми Опытами, особенно я против коммерческих концертов или чего–то подобного. Временами, думаю, устраивать грандиозные джемы. Мич согласился мне помогать в этом — он никогда так здорово не играл как теперь. А Ноэл, когда я его нанял в первый раз, я нанял его только потому, что он играл *всё* на басу.

Заключительное интервью взяла Гиллиан Сейч из газеты NME, которое было опубликовано 5 сентября.

Невероятно, но после двух почти бессонных ночей, утренней "молитвы" и шести совершенно различных интервью проведённых им, несмотря на длительный перелёт и сильнейшую простуду, он начал с предстоящего выступления на острове Уайт.

— Думаю, там собралось ещё больше слушателей, чем это было на Вудстоке. Выбор очень удачен, он позволит собраться вместе подросткам и с Британских островов, и с континента… Странно, когда мы играли на Вудстоке осталось всего 15 тысяч так как я настоял на том, чтобы играть при свете дня, что означало, что наступил уже четвёртый день фестиваля и большинство уже разъехались.

26

— Обстановка в Америке не для моего творчества и я не собираюсь туда возвращаться пока сам не почувствую в этом необходимость. Я был достаточно долго далеко от этой страны и Европы и хочу снова здесь провести серию концертов, вот собственно и всё… Мы были связаны обязательствами, мы провели массу выступлений в рамках гастролей и просто выступлений в разных колледжах по всем Штатам, так что для нас не было никакой возможности вырваться в Англию — поверьте мне, как нам этого хотелось! Мы очень хотели вернуться и провести грандиозный тур по главным городам Англии…

скажем, назовём его… Джими Хендрикс и Золотое кольцо.

И снова Джими заговорил о своей студии Electric Lady Studious.

— Я там сделал всё самое лучшее — самое лучшее оборудование во всём мире, мы можем писать там всё что угодно. На новейшем 32–дорожечнике я в ближайшем будущем буду работать над симфонией. Была только одна вещь, которая всегда раздражала меня в связи со студиями и их персоналом: они все холодные и пустые, так что через пару минут у меня пропадала всякая охота играть. Electric Lady совсем не такая — там создана великолепная атмосфера — освещение и диваны создают уютную домашнюю обстановку, как будто запись проходит у тебя дома. Мы уже записали там достаточно материала, чтобы выпустить сорокопятку уже через шесть недель. Вещь, которую мы хотим поместить на первую сторону, мы назвали Dolly Dagger. Я сочинил её, думая об одной очень известной дамочке.

— Мой стиль за это время не сильно изменился, возможно, стал только более разнообразным. Либо я играю очень громко, либо играю тихие мелодии, и никакой серенькой середины.

28 августа, вечер

После всех интервью Джими сфотографировался вместе с Гиллиан Сейч и Сюзи Бенджамин перед входом в гостиницу Прак–Лейн. Затем паспорт Джими нужно было отвезти в шведское посольство на Монтегю–Пласе, 11, из–за предстоящих гастролей.

Позже в тот же день Карен Дэвис привела к Джими свою подругу Кирстен Нефер. С Карен Джими уже был знаком, Кирстен же видел впервые. Она вела себя так необычно в это очень короткое время, что Джими предложил ей выйти за него замуж и хотел, чтобы она познакомила его со своими родителями во время гастролей в Копенгагене. Датские газетчики, подняв шумиху по поводу присутствия Джими в Дании, даже выдумали историю с их обручением.

27

Рассказывает Кирстен Нефер:

— С Джими меня познакомила моя подруга Карен Дэвис. Она знала Джими ещё по Нью–Йорку — она жила в том же квартале, что и он… Вот Карен и говорит мне: "О, мой бог, Джими приехал." Она все уши мне прожужжала этим парнем. В то время я работала в Лондоне моделью и снималась у Джорджа Лазенби. Я только что вернулась от своих друзей, с которыми путешествовала, и зашла к Карен, а она говорит: "Джими в городе, поехали со мной, я одна боюсь к нему ехать." Я ответила: "Конечно поехали, заодно и познакомишь меня с ним." Я думала он из тех уродов, что прыгают по сцене, но мне нравилась его музыка, у меня есть все его пластинки, и я люблю его музыку.

28–го во вторую половину дня, мы созвонились и приехали к нему. Когда мы приехали в Лондонберри никого там уже не было и дверь открыл *он*. Она говорила мне, что–то вроде: "Мне нужно было поехать одной, потому что вокруг него всегда толпы всякого народа." Но она не могла, её нужна была, знаешь, моя моральная поддержка. И вот это случилось, мы подошли к его номеру. Джими вышел нам навстречу, открыл дверь, это было как, я даже не могу тебе сказать как, я же думала он просто пустышка, переполненная всякими грязными мыслями, я думала он такой же как все эти мерзкие типы, не поверишь, я действительно так рисовала его в своём воображении. А передо мной стоял высокий, худощавый, невероятно красивый парень. Совершенно неожиданно он не был похож ни на одно из своих изображений или фотографий. Мы вошли, сели и… проговорили до глубокой ночи. В три часа мы просто рухнули и заснули.

— Мой приятель, роуд–менеджер Cream подвёз меня до

аэропорта, я нужен был на острове Уайт, — вспоминает Мич Мичелл [00:30:59,400]. — Говорят, проблемы с инструментами: потеряли часть *моей* ударной установки. И я должен помочь им восстановить недостающие части, а магазины в выходные закрыты… Довольно странное положение.

Суббота 29 августа

— Утром, после того, как мы проснулись, — продолжает свой рассказ Кирстен, — я ушла к себе домой на Итон–Сквер и стала набирать ванну. Только я разделась и залезла в воду, как позвонили в дверь, там стояла Карен, а с ней Джими. Не прошло и часа, как я ушла из гостиницы! Мы спустились в Эль–Туссо, где позавтракали. С нами были ещё какие–то люди, я не запомнила. [Субботний вечер 29–го августа Джими провёл в Спикизи с Карен и Кирстен, где они встретились с Билли Коксом и Стивом Стиллзом.]

Джими написал мне записку как проехать на остров Уайт, так как сам летел туда на вертолёте с Мичем и с кем–то ещё, кого ты может быть знаешь, а для нас там просто не хватило бы места. Он дал нам денег и всё такое и распорядился насчёт нас. Мы сели в лимузин и в Портсмуте пересели на паром, а там благополучно приехали в гостиницу Сигроув.

Все в один голос говорят, что Джими вернулся один в свой номер и остаток ночи провёл сражаясь со своей простудой.

Воскресенье 30 августа

На следующий день Джими вместе с Мичем и Билли отправились из Лондона в Вильтшир на аэродром Степлфорд и прибыли туда в 6:30 вечера. Там они сели на чартер до аэропорта Бембридж и были уже на острове Уайт в 7:30 вечера, где в Сэндауне в гостинице Сигроув для них были забронированы номера. Затем уже на вертолёте BEA они перелетели в Фрэшуотер на поля фермы Ист–Афтон, где собственно и проходил фестиваль. Закулисье представляло собой целый караван вагончиков для артистов. Кирстен Нефер и Карен Дэвис уже ждали его там.

Кирстен Нефер:

— Он боялся выходить на сцену, а все эти люди, он вдруг почувствовал себя загнанным в ловушку, знаешь, все эти маленькие кабинки для переодевания и всё такое. Кругом море людей, знаешь, ужасная толчея… Хорошо помню, с каким трудом мы пробирались мимо этого каравана к сцене, должно быть, подобное чувство было у гладиаторов в Древнем Риме.

Как и все фестивали переломного периода, фестиваль 1970 года на острове Уайт был отвратительно организован и неторопливо бежал со своей собственной скоростью, совершенно не соотносясь с задуманным планом, особенно это сказалось на третьем дне. На фестиваль прибыло гораздо больше людей, чем предполагалось, и не было возможности всех обеспечить едой и питьевой водой, тем более что ограждения были снесены и огромное количество безбилетников пополнило ряды слушателей. Слишком много участников было заявлено и слишком мало времени было отведено на перестановки. Были также и технические неполадки в акустических системах, в усилители проникали радиопереговоры служб охраны и обслуживающего персонала. Джими всегда нервничал перед своими выступлениями и все те три дня между его прилётом из Штатов и выходом на сцену только увеличили его раздражение. Всё это было ещё ничего в сравнении с его европейскими гастролями, начало которых было назначено уже на следующую неделю. Там всё приобрело ещё худший оборот.

— Я чувствовал дыхание толпы, дыхание огромного, чудовищного монстра, — вспоминает Билли Кокс [8–00:12:05,800]. — Его не видно — уже темно, но… знаешь… такое ощущение… кругом свет прожекторов… ты его слышишь, но не видишь. Слышишь как он дышит… Я уже прочёл в газетах, 600 тысяч, да это вдвое больше Вудстока!

— Для меня остров Уайт, это место, куда меня в детстве

привозили родители на летние каникулы, — рассказывает Мич Мичелл[00:12:37,600]. — И собираться ехать на остров Уайт, после того, как я проводил там все мои школьные каникулы… Я был несказанно удивлён… Остров Уайт не совсем обычное место для проведения фестиваля чтобы добраться туда, приходится плыть на корабле. Необычность заключалась в том, что за всю историю контркультуры их фестиваль проводился в месте отдыха самой консервативной части населения Британии.

Интервью с местной жительницей острова Уайт [00:13:10,100]:

Как мне это нравится! Здесь всем места хватит. Всех примем. Не сомневайтесь. Как мне это нравится! Весёлые! Милые! Красивые! Молодые! Что может быть прекраснее!

Интервью с местным жителем [00:13:23,400]:

Но это не только миролюбивые хиппи, за ними стоят Чёрные Пантеры, за ними стоят коммунисты.

Ночь на понедельник 31 августа

29

Наконец, в 2 часа ночи, уже в понедельник, Джими поднялся на сцену. Поразительно, но прямо по пути к сцене, он был очарован неожиданным интервью, которое взяла радио–журналистка из INT, почти тыкая микрофоном ему в лицо. Удивительно, но она не была оттеснена охраной, как это произошло со многими другими, у которых тоже не было разрешения, и Джими старался отвечать на её вопросы так вежливо, как только мог, находясь в таком взвинченном настроении.

— Где вы черпаете вдохновение?

— Пардон? Не расслышал

— Где вы черпаете вдохновение?

— В людях

— У французов тоже?

— У французов?

— Мы же французы!

— Да, вы правы. И у них тоже. Когда они настроены на тебя, ты это сильно чувствуешь, возникает ощущение радости, непередаваемое ощущение до тех пор, пока они не начнут обсуждать тебя. Ощущение сразу исчезает.

Короткое интервью внезапно окончилось, как только Джими подошёл к лесенке, ведущей на сцену. Поднявшись на сцену, он обернулся и, обращаясь ко всем, кто мог его услышать, произнёс:

— У меня сейчас выступление, после приготовьте для меня стиральную машину.

Ожидая за стеной динамиков, пока Джефф Декстер сделает объявление, Джими казалось был весел и шутил с Джерри Стикеллзом по поводу разговорчивой девушки, с которой только что познакомился. Было время начинать.

— О, гитарные стойки, там стоят гитарные стойки? — спросил Джими. — А "Боже храни королеву" как начинается? Я забыл слова.

Джерри с готовностью промурлыкал несколько первых строк. Джефф Декстер спросил Джими что такого особенного хотел бы Джими, чтобы он сказал во вступительном слове.

— Объяви: "Билли Кокс — бас, Мич Мичелл ударные." И, знаешь, скажи: "А кому сыграть на гитаре?" Окей? Назови нас "Печальные и дикие ангелы"

— Как?

— Нет, лучше "Дикая музыка печального ангела."

— Хорошо.

— Готовы?

— Спроси роуд–менеджера.

— Мы готовы?

— Секунду, мы опять потеряли мощность.

— Всё?

Джерри Стикеллз подтвердил, что всё готово и проинструктировал Джеффа как объявить Джими [8–00.37.59.200].

— Добавь немного громкости, Чарли, она нам сейчас понадобится, — сказал ведущий в микрофон. — Поприветствуем Билли Кокса, бас–гитара, Мич Мичелл на ударных. И, человек с гитарой, Джими Хендрикс!

Джими шагнул в полосу света и, под шквал аплодисментов, подошёл к микрофону.

— Благодарю вас, что пришли послушать нас. Вы все прекрасны, хотя я вас не вижу, вы в тени, спасибо, что ждали нас. Как давно это было, разве не так?

Джими взмахнул рукой, пальцами показывая знак мир.

— Это означает "мир", но не так, — сказал он, переворачивая вверх ногами V-образный знак.

— Мир. Окей. дайте нам минутку настроиться, хорошо? Всего пару минут. Здорово побывать снова в Англии. Мы начнём с песни, которую вы не можете не знать. Присоединяйтесь и пойте с нами. Звучание только улучшится, если вы все встанете, из уважения к вашей стране и к самим себе, начнём все вместе. Но если не хотите, Бог вам.

Группа поднялась на сцену, чтобы сыграть свой исторический концерт. Уже позже, вот как Джими описывал свои чувства и впечатления Монике:

— Мне было холодно и одиноко, но это было только в первую минуту, затем я почувствовал, как все эти люди потянулись ко мне, к сцене. Они помнили меня, и стало легко на душе. Они выкрикивали названия старых песен, которые, как я думал, они давно забыли.

Несмотря на доносящиеся вопли, — пишет Куртис Найт, — это не была дикая толпа и это не стало диким представлением, сродни ранним концертам Хендрикса. В этот раз не было никаких фейерверков, простые аплодисменты в конце каждого номера, совсем непохожие на маниакальные овации. Всё было, как будто они почувствовали скрытое послание в его игре — почувствовали, что в пружине его часов, отсчитывающих время музыкальной жизни, кончается завод.

По крайней мере, один человек это почувствовал, одна

американка, называющая себя Joyce The Voice, которая пробралась в эту ночь на сцену, никем не приглашённая, и простояла позади Леонарда Коэна весь концерт.

Вот её слова, сказанные мне:

— Я находилась на задней половине сцены, когда Джими вышел на сцену и начал играть, что–то непостижимое произошло в этот момент. Я была в полутора метрах от него. В воздухе висело напряжение, знаешь, как будто все это время мы были зерном и нас мололи мельничные жернова, ведь фестиваль практически завершён. Вдруг, вспышка энергии пронзила моё тело электрическим разрядом. Я ясно увидела Джими, я ощутила кожей вопль агонии и боли. В какой–то момент — вопль о помощи, отчаяние, как предчувствие смерти. Мне захотелось похитить его. Забрать прочь от каких–то людей, обступивших его — я видела, как его душат, забрать его в деревню, где нет всей этой облепившей его грязи.

Но в то же время я знала, что не смогла бы сделать этого, я не достаточно сильна, я смогла только увидеть и почувствовать, но не действовать.

Не думаю, что я какая–то особенная и одна ощутила близость его смерти. По–моему многие это увидели. Вот такое было у него сильное поле. Но ни у кого не хватило бы сил вырвать его из этой паутины. Было так, как если бы на наших глазах погибал друг, а мы, даже все вместе, ничем не могли бы ему помочь.

И не смогли бы. От него исходил свет звезды, мы же были по другую сторону. Тем не менее, я увидела то, что увидела. Временами он ловил мой взгляд, полный понимания, видел, что я верю в человеческую искренность. Ни приветом, ни словом мы не обменялись, только смотрели друг на друга и всё.

Джими повернулся к музыкантам:

— Мягко и громко, мягко и громко.

Выступление началось коротким фидбэком, плавно перешедшим в "Боже храни королеву", возможно специально выбранную Джими с целью дать понять своим английским поклонникам, что он их не забыл за своё долгое отсутствие в Америке. Затем Мич Мичелл сыграл вступление к Сержанту Пепперу, но начались аппаратурные проблемы — вопящий неуправляемый фидбэк — пришлось прерваться и окончить номер со второй попытки.

— Он забежал к нам. На нём лица не было. Сказал, что фуз накрылся. Мы заменили его после первой вещи, рассказывает Эрик Барретт.

Сержантом Джими постоянно открывал свои выступления в 1968 году, но очень редко играл в 70–м.

31

[Джими делает попытку зажечь себя старым приёмом: играть как будто репетируешь] и без всякого объявления переходит к Мэджику Испанского замка, но как только он его окончил, какой–то чужой голос и ксилофон стали слышны из громкоговорителей.

— Благодарю ещё раз, что пришли нас послушать. Хотелось бы окунуться в другую песню, сыгранную нами не помню уж где, лета 1833, думаю, она свежа и ныне, если… если вы вообще во что–нибудь врубаетесь.

Пока рабочая бригада пыталась найти неисправность и предотвратить проникновение радиосигналов, Джими напустил на себя бравый вид и, поднеся гриф к голове, пальцами перебирал аккорды, с которых начнётся следующий номер All Along The Watchtower. Аппаратная проблема упорно сопротивлялась усилиям радиоинженеров.

После слов:

Но эти игры не для нас
Не в этом наш удел
Таких касаться тем
Не будем в столь поздний час…

Джими обратился мысленно к публике.

— Ненавижу выступать ночью, никого не видно. Ну и для кого я тогда играю? Для себя? И для музыкантов, и для публики,

это плохо.

Говорит Эрику, что не работает педаль вау–вау. И продолжает петь:

Принцы в башне на посту

и дамы на порог…

— Э… у нас небольшие трудности с оборудованием, это займёт какое–то время, а пока купите себе сосиску в тесте.

В этот момент толпа стала скандировать: "Voodoo Chile!".

— Это нам ещё предстоит э… попозже.

Настраивая уни–вайб для следующего номера, Machine Gun, Джими сказал:

— У правительства свои игры, и когда они теряют власть, им нужна война. Следующую песню я посвящаю всем, кто сражается в Бирмингеме, тем скинхедам, тем…

Такое неожиданное выражение симпатии к по большому счёту чуждой аудитории фестиваля культуре вызвало смешанную реакцию.

— Надеюсь, вы меня поймёте, право, знаете. Солдатам, сражающимся в Бурнмауте, сражающимся во Вьетнаме, таким же как я, почти забытым. Как много мест, где идёт война.

После третьей минуты вернулись радиопомехи. Теперь это были переговоры охраны. "Охрана, охрана, как меня слышно, приём," — донеслось из динамиков. Джими, казалось, не обращал внимания на эти наложения и продолжал играть и странным образом эти голоса влились в песню, как если бы всё это было задумано изначально. Прошло примерно минут девять, Джими перестал играть и Мич Мичелл погрузился в четырёхминутное соло на барабанах. Джими вернулся с 10–минутным джемом, показывая невероятную виртуозность своей игры.

— Менеджеры исполнителей, и в особенности менеджер Хендрикса, были очень агрессивно настроены, — рассказывает Мюррей Лернер [8–00:05:11,500]. — … не та гостиница, не те деньги… не та реклама. Промоутеры были на осадном положении агенты, менеджеры, звонки из Америки, из Лондона: "Ну, и где этот *** счёт, который он собирался прислать? Слушай, он должен прислать этот *** счёт, если хочет получить деньги!" Я кожей чувствовал… что всё это важно, но главнее всего был Хендрикс и мы не могли не быть… рядом с ним, подбираясь почти вплотную, мы снимали его руки, снимали его крупным планом. Мы участвовали в действе… Я смотрю на музыку более широко, считаю, недостаточно просто её сыграть хорошо главное уловить ритм всего происходящего и музыкально вписаться в пространство по мере сил, конечно. Другими словами, слиться в движении, скажем, как в Machine Gun, с движением его ноги.

Удастся ли вам слиться с движением его ноги, нажимающей на вау–вау? Мне это не удалось. Я был так близок, так близок. Думаю, в какой–то момент мы снимали одновременно 9 камерами, но большей частью их было шесть, все с рук. Все мы были на сцене, нам приходилось выгибаться, будто в нас не было костей, перетекали с одного места на другое, момент этого требовал. Знаешь, это тебе не стационарная камера, и это не была гонка за лучшим кадром, как может показаться, хотя, все операторы и врубались в музыку. Думаю, визуальная часть не менее важна, чем сама музыка, поэтому я и стремился их совместить.

32

Это первое исполнение Machine Gun со времён новогоднего концерта в нью–йоркском Филлморе, но именно то исполнение, бессомненно лучшее, было выпущено на концертном альбоме Gypsys, вышедшем уже после смерти Джими. Это же исполнение никак нельзя было даже назвать удовлетворительным. В тихих местах слышно, что радио–интерференционная проблема решена не была и Джими вступил в единоборство с каким–то оперным певцом, прорывающимся через динамики колонок. В раздражении оглядываясь на стену усилителей, он резко оборвал игру. Эрик Барретт и Джин МакФадден выскочили на сцену в попытке локализировать источник помех.

— Затем мы заменили пару усилителей, — продолжает рассказывать Эрик. — Помню, он сказал тогда толпе: "Мы с вами так долго, как хватит нам аппаратуры."

— Слушайте, потребуется какое–то время на исправление неполадок, возникающих то здесь, то там, — произнёс Джими. — Но если вы потерпите немного, думаю, нам удастся сообща всё починить, так ведь? К тому же я останусь здесь на ночь, пока вы не станете уходить.

— Конечно, потерпим, — крикнул кто–то из слушателей.

— Вот только я обещал вернуться домой к моей старушке к трём, — несколько загадочно произнёс Джими.

Казалось, операторы в полном замешательстве снимали друг друга и роуди, яростно пытающихся помочь Эрику и Джину поменять усилители. Тем временем Джими, как если бы на сцене ничего подобного не происходило, спокойно поменял гитары и взял в руки свою любимую Гибсон–Летящую–Ви. И немного задержавшись, настаивая её, продолжил песней Lover Man. Звуковики, похоже, ликвидировали неисправность и Джими выглядел довольным по поводу качества звука. Посчитав, что потерял предыдущие 40 минут, он решил начать концерт заново:

— Окей, мы должны начать всё сначала. Привет, как обстоят

дела у вас тут, в Англии? Рад видеть вас. Мы сыграем вещь под названием Freedom.

33

С этого момента Джими сам стал играть много чище и звучание очень улучшилось по сравнению с началом выступления. Без перерыва он перешёл к Red House, возможно наиболее удачному номеру из всего концерта. В конце слушатели повскакивали со своих мест и ответили неистовой овацией.

Обернувшись к Мичу, Джими сказал:

— Давай сделаем Dolly Dagger, окей?

— Сейчас мы постараемся сделать песню, которая называется Dolly Dagger, она войдёт, надеюсь, в наш новый альбом.

Первые ряды продолжали стоять и Джими, обращаясь к ним, попросил их занять свои места.

— Думаю, кто–то хочет, чтобы люди с первых рядов вернулись на свои места. Думаю, это будет вежливо с вашей стороны по отношению к холмам. И не забывайте, вы не сможете [fly off] тех холмов, запомните это.

Это была совершенно новая вещь, которая была прежде исполнена только единственный раз на концерте в Мауи, на Гавайских островах. После неё, он снова взял в руки Стратокастер и, обернувшись Мичу и Билли, произнёс:

— Мы сейчас постараемся сделать это в э… рок–н–ролльном темпе, окей?

— Сожалею, что всё время приходится подстраиваться, но, знаете, мы делаем это, э… чтобы защитить ваши уши. Вот ещё почему мы не играем очень громко. Только ковбои остаются всё время в настроенном состоянии. Я очень признателен вашему долготерпению, потому что я не могу иначе. И мне хотелось бы сейчас сыграть вам этот медленный блюз.

И снова Джими представил относительно новую вещь — Midnight Lightning. Сразу после неё, после продолжительного фидбэка Джими перешёл ко всем хорошо известной Foxey Lady.

— Её я посвящаю Линде. И тому котяре с серебристым лицом [Ник Тёрнер из группы Hawkwind]. Посвящаю Кирстен и Карен и ещё вон той четырёхлетней девочке в жёлтых штанишках. И хотел ещё раз поблагодарить всех вас за все эти три года. Обязательно настанет день и мы снова все встретимся. Спасибо, что вы показались здесь, хотя я никого из вас не вижу. И если у тебя полно старых песен, тебе просто необходимо сделать передышку.

На половине песни вернулись мстительная радио–интерференционная помеха, пытаясь разными голосами сорвать выступление Джими. Он прекратил играть, а Мич и Билли по–прежнему держали ритм. Когда проблема была устранена, Джими

продолжил игру, с ещё большими театральными эффектами, он играл, держа гитару не только между ног, но и основное соло он исполнил зубами.

34

— Хочешь услышать все эти милые песенки, дружище. Чёрт тебя побери, мы тут стараемся изо всех сил собрать вместе расползающееся новое. Я только что проснулся, минуты две назад. Уже давно записаны нами все эти милые вещички и я думаю, э… не знаю. Думаю, мы сыграем, сыграем что–нибудь менее избитое, потому что я не пришёл просто так сам по себе, я ещё сам не знаю зачем, но я не пришёл, знаешь, просто так. Но вот я здесь, с вами, спасибо вам всем и спокойной ночи.

Джими исполнил Message To Love, по окончании которой, он перестроил свой уни–вайб для Land Of The New Rising Sun и спел, переделав вторую сторфу:

"Возвращение в Англию… Спасибо, родная, что так это было легко."

После такого внезапного окончания, Мич начал барабанное вступление к Ezy Ryder, которое перешло прямо в Hey Joe, для услады предсказуемой толпы, которая восторгается Satisaction и In An English Country Garden.

— Все были в восторге, — рассказывает Эрик Барретт. — Он играл уже около двух с половиной часов. Забавно вышло, к этому… он как раз играл стоя на коленях… и у него лопнули штаны, он повернулся ко мне и сказал:

— Есть булавка?

Я выпал в осадок. Всё, всё что угодно, и фуз, и вау–вау, и амп… но "булавка"!?

Я словно заглянул в ад:

— Что!?

— Нужна булавка!

Я только и мог произнести: "Минутку". Он повернулся ко мне спиной -!!! Знаешь, такой широкий рукав… и он как мог, прикрывал себя этим рукавом.

Он снова повернулся и я сказал:

— Вот, булавка!

Зашёл за усилитель:

— Вот здесь держи. Стягивай.

Я держал, пока он пытался скрепить булавкой разрыв. Потом он забежал снова… помню, рядом стояли кто–то из The Who, Джон Вольф, их гастрольный менеджер и ещё кто–то. Вигги был близок к истерике… как раз в этот момент Джими выкидывал свои штучки. Он вбежал к нам… лицо светилось, он был вне себя от счастья.

Джими окончил своё выступление Purple Haze и Voodoo Chile Slight Return и в самом конце сыграл относительно новую In From The Storm, в продолжение которой казался сверх–усталым, было заметно, с каким трудом он уже добывал каждую ноту из своей гитары. Наконец, после почти двухчасового выступления (а если вы хотите точности, то 1 час и 50 минут), всё кончилось.

— Спасибо, что были так терпеливы ко мне, — сказал он в заключение. — Может быть однажды, ещё раз мы все вместе покурим травки, надеюсь, что так и будет. Большое всем вам спасибо. Мир вам и счастья и всякого самого лучшего дерьма.

С этими словами Джими снял с себя гитару и дал ей упасть на пол с жалобным дребезжащим звуком.

— Кончив выступать, — рассказывает Кирстен Нефер, — Джими зашёл за стену из усилителей, где его ждала я. Мне потребовалось целых 30 минут, чтобы найти его вагончик. Когда я вошла туда, там уже около двух десятков человек, знаешь, набилось внутрь. Когда мы вышли оттуда Джими сказал мне: "Никогда не покидай сцену, пока я ещё там играю." Затем мы вернулись в гостиницу Сигроув. Мы пробыли там несколько часов, пока за Джими не зашли и не отвезли его к вертолёту. Мне тоже уже нужно было возвращаться в Лондон. Джими сказал мне, что у него предстоят концерты в Дании, а раз я датчанка, было бы великолепно, знаешь, поехать мне в Данию вместе с Карен. Он дал нам денег и позаботился о билетах и обо всём прочем. На что я ему ответила, чтобы он не волновался и мы обязательно там с ним увидимся.

На этом окончилась первая ордалия последнего путешествия Джими в Европу. Виновность Джими не подтвердилась.

— Никакого освещения над публикой, — рассказывает Мюррей Лернер [8–00:08:52,200]. — Я не мог понять, как ему удавалось чувствовать толпу. Он мог её слышать, но не видеть. В перерывах, он долго настраивался, то подходил к микрофону, то отходил от него, как будто совершал какой–то таинственный ритуал, иногда бросая сардонические реплики. Бывало скажет… Совершенно неожиданно… решив сыграть "Боже храни королеву", просит напомнить мотив, известный с пелёнок. Или: "А теперь всем встать и петь во славу страны"

А затем немного подумав: "Но если не хотите, то Бог вам судья." (And if you don't, fuck ya.) Для меня лично, это стало школой, тем опытом которого я не мог бы приобрести нигде. Действительно нигде… The Who тоже играют громко, но у меня не было опыта… с *такой громкой* музыкой, музыкой пробуждающей к жизни, я почувствовал себя только что родившимся ребёнком, я не знал, Ад это или Рай, во мне

просыпалось что–то первобытное. Я на сцене, я внутри музыки… внутри… громкой музыки, необыкновенное ощущение… Его невероятный гитарный звук. Никогда ничего подобного не слышал, чувство восторга… Сам Бог водил его руками. Кто–то, там, внутри, разговаривает с тобой ничего подобного прежде. Думаю, он с ней вёл диалог, он играл всеми стилями одновременно, которые доводилось мне слышать прежде, отрешённый, замкнувшийся в себе, сосредоточенный только на музыке, далёкий от театральных эффектов, Казалось ничего кругом для него нет, одна музыка, а сам, как оголённый нерв.

Уже потом, я много думал, и когда весь отснятый материал укладывался у меня в голове, я был близок к клаустрофобии, я всё время старался быть рядом и, как мог, старался не оторваться от слушателей, это требовало диких усилий, вблизи него чувствуешь, как тебя… засасывает… как вакуум… и ты не можешь вырваться, убежать.

Глава 2. Швеция

Всё ещё понедельник 31 августа

В понедельник 31 августа самолёт с Джими и всей его свитой на борту вылетел из аэропорта Саутхэмтон в Хэмпшире и приземлился в стокгольмском аэропорту Арланда. В гостинице Рубинен их ждали забронированные номера. Служащие гостиницы испытывали тревогу по поводу визита Джими, помня приобретшее популярность скандальное происшествие 1968 года, когда он разрушил полностью гостиничный номер в прошлый свой приезд в Швецию. Только он успел зарегистрироваться, как дал интервью Олле Йонссену для Афтонбладет и центром беседы стал именно тот инцидент.

— Все иногда напиваются, — сказал в своё оправдание Джими. — Но только когда что–то празднуется, это поощряется. Но такие вещи случаются не часто. Я очень сожалею о случившимся. Мне всегда нравилась Швеция.

Несмотря на его усталость после окончившегося всего несколько часов назад выступления на фестивале острова Уайт, Джими отвезли на Стора–Сценен, Грона–Лунд в Тиволи–Гарденс, чтобы он взглянул на приготовления к своему запланированному на 9 часов вечера концерту. Шведская пресса была там уже во всеоружии, включая Класа Бурлинга, которого попросили взять интервью для шведского радио. Недостаток сна за последние несколько дней сказался на интервью. У Джими путались слова, но, как всегда в таких случаях, он и в этот раз на это не обращал никакого внимания.

— Никто не сможет побить Монтерей, — сказал Джими. — Думаю лучше выкинуть эту мысль из головы, и оставить только наилучшие о нём воспоминания. Потому что уже некому сейчас побить этот рекорд, пока не подрастёт новая волна музыкантов и не придут новые исполнители и поп–звёзды.

— Какова ваша точка зрения на фестиваль острова Уайт, в котором вы приняли участие несколько часов назад?

— Люди были вполне заведены. Они очень даже сильно все завелись, но я ненавижу играть ночью, понимаешь, что я имею в виду? Потому что никого не видно, особенно тех, кто дальше.

— Не было видно слушателей? Э…

— Не так чтобы это было плохо, нет… я никого не мог видеть и э… и то что я играл тоже, но во–первых всех музыкантов и уже во–вторых — слушателей.

— Расскажите о себе, Джими, мы вас так давно не видели.

— Ну, я…

— Что вы собираетесь сделать в ближайшем будущем?

— Я собираюсь заняться медвежьей йогой, я бы перезимовал, залёг бы в какую–нибудь берлогу.

— Что вы имеете в виду?

— Э… для меня стало неожиданностью, что они хотят нас, знаешь, хотят прямо сейчас и прямо здесь.

— Почему?

— Мы застряли в Нью–Йорке, в нас развилась мнительность, нам казалось, что мы все больны.

— Джими, ваша музыка сегодня, она изменилась?

— Ну, большинство времени мы играем, э, в полном вакууме, не знаю, э, сплошная стена звука. Стена ощущений, которую мы всё время пытаемся преодолеть. Ты знаешь это чувство? Нет времени даже на сон, знаешь, эти двое суток…

— Но Джими, всё это время вас не было в Европе. Что вы делали так долго в Штатах?

— Знаешь, мы работали и даже очень много, у нас были другие проекты, знаешь ли.

— Расскажите о них поподробнее, пожалуйста.

— Я много сочинял и э… Билли Кокс, наш бас–гитарист, тоже много сочинял.

— Вы сочиняли вместе, не так ли?

— Ну, знаешь, мы, мы начали заниматься этим только сейчас. У нас стало хорошо получаться работать вместе. Вы должны знать, как важно иметь хорошего друга в этом мире.

— Много ли у вас написанных, но неизданных ещё песен?

— Хватит на целый альбом, уже готова сорокопятка Dolly Dagger, на обороте которой будет напечатана Night Bird Flying.

— Скоро ли увидим эту сорокопятку в продаже?

— Надеюсь, что это произойдёт, так скоро, как это станет возможным. Но сначала, по–видимому, она выйдет в Штатах.

Лунд

— Как только он появился в артистической и всё время как я был там, у меня было ощущение, что Джими Хендрикс — король, — такими словами выразил свой впечатление фотограф Сигургер Сигурйонссон. — Все и вся было сфокусировано на нём. С первого взгляда он мне показался благоразумным и рассудительным, но когда он вошёл, он тут же, схватив бутылку виски, выпил её всю, как если бы это была простая вода. Но алкоголь, видимо, не действовал на него… я спросил, что за ребёнка он держит на руках и не случайно ли он здесь оказался. Он тут же подтвердил, что так оно всё и было…

Ребёнком этим была Дитта, дочь Короля Джорджа Клемонса, старинного друга Джими ещё по дням Гринвич–Виллиджа. Другим человеком оказалась Ева Сандквист, знакомая с Джими по его предыдущему визиту в Стокгольм в январе 1969 года. Позже она возбудит дело о наследстве Джими Хендрикса, объявив, что Джими был отцом её сына Джеймса Дениэла Сандквиста.

— Мы были тогда в Швеции, в местечке Karlstad, на севере Швеции, рассказывает Джерри Стикеллз [01:13:56,400]. — Мы играли на… Как–то так смешно называлась та ярмарочная площадь… Мы сидели в артистической, ждали начала. Мы спросили переводчика, он здорово говорил по–английски. "Кто с нами? Кто на разогреве?" Парень нам отвечает: "Морские котики". И как скажешь, в это поверить? Услышав странные хлопки, мы открыли дверь. Котики шлёпали ластами, необыкновенно быстро передвигаясь по сцене. На разогреве у Джими Хендрикса работали морские котики!

По непредвиденным обстоятельствам концерт сократили до часу. Перед тем как подняться на сцену, Джими сцепился с концертным промоутером, который настаивал на том, чтобы выступление было рассчитано не более чем на 60 минут, так как они хотели снова открыть аттракционы в Тиволи–Гарденс, закрывающиеся на время проведения рок–концертов, и ему пришлось бы платить большую неустойку, если концерт продлится дольше часа. Джими был в ярости, но всё же поднялся на сцену, встреченный воплями собравшихся: "Мы хотим Джими!" Виски начало на него действовать и на сцене он выглядел немного пьяным.

40

— Я надеюсь все чувствуют себя хорошо?

— Е-е, — раздались в толпе утвердительные возгласы.

— Да, да, вы правы. Видно, что у вас всё в порядке. Власть

народу и всё прочее лучшее дерьмо. Я вот что скажу, дайте нам минуту, да, всего одну минуту нам настроиться, а вы, знаете, проверьте себя и посмотрите, где в действительности вы находитесь. Да, на басу у нас Билли Кокс, как и сказал этот кошак. У нас ещё Мич Мичелл, он на барабанах, а ваш покорный слуга на индейском народном инструменте — саксофоне. Как на счёт того, что выкурить по сигаретке. Я полагаю, они теперь не ставят на них имена, как делали это прежде.

Джими сыграл пару аккордов.

— Да, стоит ожидать, от кого это придёт.

Вечер начался с Lover Man.

— Е-е, спасибо вам. Как она называется? (спросил он Мича) Ах, да.

Следующей была инструментальная версия Catfish Blues, переходящая в Midnight Lightning. Дальше, переходя к следующему номеру, Джими выкрикнул название… Ezy Ryder. С этого момента состояние Джими улучшилось, дальше играть он стал вполне сносно, но песни стали рваться на кусочки.

— Ух ты, это действительно так далеко. Я не знаю, собираетесь ли вы оставаться здесь ещё, право здорово. Мне бы сейчас полежать, расслабиться немного и как э…

Среди публики послышались голоса, выкрикивающие названия его песен, которые бы они хотели услышать.

— О, приятель, чёрт, я сам знаю, что мне делать. Эй, слушайте, когда я скажу: "Туалетная бумага," это будет вам знаком, что пора укатываться отсюда.

Толпа продолжала выкрикивать названия песен.

— Так как мы не обращаем внимания на примитивные желания людей из А-сектора, у нас свои соображения на этот счёт. Вот блюз, называется он Red House.

К концу номера появились радио–интерференционные помехи, но их быстро локализовали и ликвидировали. Без всякого вступительного слова Джими продолжил песней Come On (Part One).

41

— Всячески благодарю вас. Я хотел бы ещё одну сыграть для вас, одну небольшую вещицу под названием A Room Full Of Mirror. Уверен, мы проберёмся через неё так или иначе. Всё что я вижу, это я вижу самого себя, одного из этих, со сцены. Но когда кошка разбила ему зеркало, и раскрылся перед ним весь мир, он пытался сделать новое зеркало. Но теперь он этого не делает. Также мы благодарим всех шведов, за то, что пришли.

— Fire! Fire! — послышались возгласы толпы.

— Ну так и поднимайтесь сюда, и играйте сами, —

среагировал на эти выкрики Джими.

Затем он повернул гитару грифом к толпе, как бы приглашая желающих на сцену.

— Вот что–то, что мы часто делаем сами, — и продолжил песней A Room Full Of Mirror.

— Мне снова нужно подстроиться, что за чёрт, вы об этом не хотите слышать! Я хотел бы здесь сыграть ещё одну вещь. Люблю её играть. Так как она называется? (спросил он Мича) Мне приятно сообщить вам, что у меня нет настроения ни на кого.

Доводы промоутера всё ещё занимали всё сознание Джими.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если мы сыграем медленный, очень медленный джэм, совсем недолго. Знаешь, для нас это так, баловство, займёт всего минуты три–четыре. И если вам это не подходит, просто попытайтесь врубиться.

На протяжении Land Of The New Rising Sun доводы промоутера, похоже, всё глубже въедались в сознание Джими и он ушёл со сцены. Мич углубился в небывалой длины соло на барабанах. Там временем Джими за кулисами спорил с промоутером. Аргументы должно быть его сильно разогрели, потому что, вернувшись к своей обезглавленной группе, он сказал, обращаясь к публике:

— Простите за вынужденный перерыв, но моё сознание… оно было слишком перегружено. И теперь я его несколько облегчил и хочу предложить вам Message To Love.

Совершенно ясно, что никакого *облегчения* проблемы не произошло и эти пререкания только ухудшили его состояние. Было очевидно, что сердце Джими было занято другим. Играл он небрежно, делая ошибки и без вдохновения, почти по–любительски.

— Прошу извинить, что приходится подстраиваться, думаю, минуты нам хватит, и вы можете вернуть деньги за билеты. Нам бы всё же хотелось э… перед тем как вы разойдётесь по домам и всё такое, ради всех тех парней, которые лежат в земле и ради всех их подруг, заплативших за это слезами, не знаю… Вам следует поосторожнее быть, это может сделать вас одинокими навсегда. Итак, дело в том, что посвящаю эту песню каждому из вас. И той, вон там, в розовых трусиках, да, да, тебе… Спасибо вам за все эти три года. И все эти э… нет, я должен сказать, что это всё — все здесь солдаты. Да, мы собираемся сыграть вам эту вещицу, назвали мы её Machine Gun. Во всяком случае споём её целиком, может быть только чуть кое–где изменив. Ею мы и завершим, так как нас торопят, как я полагаю, но медленно шаг за шагом.

После Machine Gun и без всякой паузы или вступления последовали Voodoo Chile Slight Return, In From The Storm и Purple Haze.

— Кто–то тут мне сказал, чтобы я взял гитару в правую руку. Ещё раз благодарю всех шведов, я вас не вижу, но вами гордится Лунд. Мы сделаем для вас ещё один теперь, думаю, последний номер и ещё раз поблагодарю каждого из вас, лучших представителей Лунда. Тот кошак за кулисами вышел из себя, думаю, как если бы его место в постели оказалось вдруг занятым.

Джими играл почти 110 минут, достаточно, чтобы привести промоутера в ярость.

— Ну а эту песню нам играть нравится более всего. И как я всегда говорил прежде, она посвящается всем цыпочкам, кто уже искушён в любви и всем тем малышкам в их жёлтых, оранжевых розовых и бирюзовых трусиках, которыми они забрасывают обычно сцену. Наступает День Матери и всех, кто хочет стать матерью, я приглашаю после концерта за кулисы. Спасибо вам всем и спокойной ночи… Foxey Lady.

Джими сыграл её и завершил концерт несколькими аккордами Национального Гимна Америки.

— Спасибо всем и прощайте.

Вторник, 1 сентября

Днём, во вторник 1 сентября, Джими сел на самолёт в стокгольмском аэропорту Арланда, благополучно приземлившись в гётенбургском аэропорту Ландветтер, где в Мёльнделе в гостинице Эссо–Мотор был заказан для него номер. Только эта гостиница согласилась предоставить Джими номер, после известного инцидента в гостинице Опель в 1968 году. Менеджер гостиницы сказал:

— Конечно нам известно об инциденте в Опеле, но мы готовы рискнуть.

43

Ему предстоял концерт на Стора–Сценен в Лизебурге, группами поддержки должны выступить Cat Mother и The All Night Newboys. И снова Джими дал интервью в артистической представителям шведской прессы, первым был Томми Рандеру из газеты Гётебург–Тильниген.

— Были ли у вас сейчас проблемы с гостиницей?

— Нет, спасибо, всё в порядке. Но в этот раз не было такого приятного приключения, как тогда, когда я познакомился с такими приятными двумя цыпочками. Я встретил их и…

— Вы участвуете в политических акциях? Я знаю, вы перечислили 50 тысяч долларов Фонду Мартина Лютера Кинга.

— Нет, ни в коем случае, просто им нужны были в тот момент деньги. Живя в Штатах, вам необходимо сделать выбор на какой стороне вы находитесь. Вы либо повстанец, либо франк синатра.

— Причина почему Джими Хендрикс прервал гастроли в 1968 году, была в том что он *психически невменяем*, что скажет он сейчас об этом?

— Я был тогда уставшим и истощённым полностью. Сейчас я себя чувствую немного лучше.

— Участие Кокса и Мичелла в вашем нынешнем коллективе случайно или…

— Если наш самолёт благополучно долетит до места и не случится какой–нибудь аварии, мы пробудем вместе достаточно долго, но каждый из нас волен поступить по своему желанию, конечно.

Рандера сменил Йорн Россинг Йансен из Архус–Стифттюнэ. Его статья была опубликована уже на следующий день, 2 сентября 1970 года под длинным заголовком: "Когда Джими Хендрикс работал над своими испепеляющими элегиями, Опыты Джими Хендрикса выступали на фестивале острова Уайт. Наш репортёр

отправился в Гётенбург и взял интервью у Хендрикса."

— Что же он хочет?

— Хочу сыграть на моей гитаре много другой музыки, хочу описать всё в книге.

— И когда мы эту книгу увидим на прилавках?

— Совсем скоро после моей смерти… Я устал даже лежать и чувствую себя духовно опустошённым. Под давлением разных обстоятельств я могу произвести разное впечатление, даже во время одних и тех же гастролей.

44

— Стокгольмские критики нашли это шоу скучным и неудачным.

— И они не одиноки в своей оценке. Публика была хороша. Мы почувствовали их. Если что–то делаешь, всегда чувствуешь, реакцию слушателей. И мы это сделали.

— Джими Хендрикс везде упоминает, что он не интересуется политикой, но он послал чек на большую сумму Фонду Памяти Мартина Лютера Кинга.

— Им просто нужны были деньги.

— Думаю, есть другие, кто должен это делать?

— Вы хотите сказать, что я должен был послать их Ку–Клус–Клану?

— The Rolling Stones хотели революции, они пели о баррикадах на улицах, что пришло время изменить больное общество. Ну а Джими Хендрикс разве не в первых рядах?

— Нет, ни в коем случае. В одном я с вами согласен, необходимо выбрать либо Революция, либо Франк Синатра. Для меня это просто Франк Синатра и реакция на него. Я же хочу убедить людей во многих вещах (Джими Хендрикс берёт в руки гитару и играет на протяжение 4 минут). Я хочу пробудить в людях сознание. Я уже говорил, что у меня своя электрическая религия, потому что всё завязано на религиях, не обязательно на одном христианстве. Но именно христиане, начали большинство из войн в этом мире. Я вижу перед собой универсальную религию, объединяющую всех верующих, лучшую их часть. В этой религии в детях воспитывается чувство свободы, их разум не программируется взрослыми, как это происходит в наши дни. При желании они могут поступить в колледж даже в 10–летнем возрасте. Я уже давно ищу уединённое место, вдали от этого механического мира с его городами и номерами гостиниц, теснящие друг друга. Я уже нашёл это, внутри себя. Теперь хочу распространить эту идею. Моя музыка о любви и взаимопонимании. Через музыку вы получите больше религии, чем через что–то ещё.

— Верно ли, что Дочери Американской Революции обвинили вас в непристойном поведении?

— Меня, в непристойном поведении? Не помню. Непристоен ли я? (смотрится в зеркало) Может, несколько развязен, но не непристоен. Вы наверно спутали меня с Джимом Моррисоном.

— Вы вуду шаман, или нет?

45

— Ба, да вы оказывается высокого мнения обо мне, я знаю всякое, но шаман — нет, это не про меня. Нет такого уже больше. Я чувствую себя изгоем, так как не веду себя как все. Сегодня это не случится, но потом, я уже спал долгое время… Надеюсь вы получили то, что хотели?

— Да, надеюсь, вы тоже.

— Моё желание исполнится после гастролей.

— Группиз?

— Ха. Только ревнивцы зовут их группиз. Для меня, они отличные подруги. И уверен, такими они останутся навсегда.

Джими и Экспириенс по–прежнему поддерживали Cat Mother. Входная плата в лизебергский парк аттракционов возросла с одной шведской кроны до 19 крон. Снова было ограничение по времени, но на этот раз время сократили до 30 минут(!). Джими вышел на сцену только в 8:30 вечера и ведущий представил участников:

— Мы представляем вам Джими Хендрикса, Билли Кокса, ударные, и Мотох Миллер, бас–гитара.

Публика была обескуражена таким конфузом, конечно же Кокс играл на басу, а Мич на ударных…

— Мы извиняемся за ограниченное время. Да, мы извиняемся за ограниченное время, но попытаемся отплатить вам громкими звуками.

Открыв концерт вступлением к Land Of The New Rising Sun, он быстро сменил темп на Spanish Castle Magic. Затем как всегда пришли радио–интерфенционные помехи.

— Мы можем назвать этот номер Killing Floor: мне следовало бросить тебя много лет назад, до того, как ты заставила меня корчиться на полу.

Джими не играл её с января 1969 года. Продолжил очень мелодичной версией Getting My Heart Back Together Again.

— Я бы хотел сыграть вещичку с названием Message To Love.

46

Начались проблемы с одним из усилителей и, остановив игру, он покинул Мича и Билли одних. Билли, немного поиграв, тоже остановился, а Мич углубился в соло на барабанах, пока техники меняли усилитель. Под соло барабанов Джими снова

появился на сцене, встреченный оглушительным рёвом толпы и стал доигрывать остаток песни. Медленный тем этой прекрасной мелодии он незаметно превратил в Land Ot The New Rising Sun, одну из самых волнующих версий этой песни, когда–либо сыгранных Джими. Джими снова поблагодарил аудиторию и обратился к Мичу сыграть вступление к In From The Storm, в конце снова поблагодарив публику. Продолжил Foxey Lady, окончив её несколькими аккордами In An English Country Garden.

— Благодарю вас ещё и ещё. Я бы хотел сыграть вам…

Вернулась радио–помеха, на этот раз голос какой–то оперной певицы. Он прокомментировал просьбы публики сыграть что–либо из нового:

— Хотим вам предложить ещё одну, называется она, Foxey Lady. За это время она успела родить трёх детей. Мы посвятим это исполнение её детям. 'Cos she *is* worn out baby.'

— К этому времени у нас накоплена ещё одна медленная, очень медленная вещь, как я сказал, она очень медленная. Освободитесь и расслабьтесь. Мне только подсоединить гитару… За те же деньги мы сыграем вам ещё. Её посвятим… э…

Джими продолжил Red House и A Room Full Of Mirrors.

— Мы приготовили ещё одну… Что–то вроде, знаете, власть народу и свободу душе и каждому, знаете. Но пусть они играют своё сами. У нас тоже есть, что подходит им, такие же как Have You Heart, Strait Ahead, извините меня.

Ближе к концу, Джими долго благодарит свою публику:

— Благодарю вас и спокойной всем вам ночи, вы были очень милы…

Концерт Джими завершил двумя номерами Purple Haze Voodoo и Clie Slight Return, в которые включил свои версии кримовских Sunshine Of Your Love и Cat Squirrel.

Джими казался заметно более спокойным, чем на предыдущем концерте. Те проблемы явно были уже забыты. Он вернулся к своему старому материалу, играл превосходно и настроением.

47

Час Чандлер был как раз в это время со своей женой в Гётенбурге. Лотти была шведкой и они приехали навестить её родителей, а заодно они решили сходить на концерт, посмотреть на Джими.

— Джими губил свою карьеру на глазах, — сказал Час. — Вот он начал одну песню, вошёл в длинное соло, а когда вернулся, то уже не помнил, какую именно он играл и продолжил он уже совсем другой. Это был несчастный концерт, было больно смотреть, видеть как этот парень, у которого было всё, который

был настоящим музыкантом… Он только потакал себе, увеличивая ещё больше нелепость своего положения. Я хочу сказать, что в нём не было никакой внутренней дисциплины. Мы просидели весь остаток вечера, болтая и обсуждая прошедший концерт. Я ему сказал всё, что об этом думаю, а он только сердился. Я не понимаю, не понимаю до сих пор, что он всем хотел этим доказать и я ответил на все его предложения одним большим нет, встал и ушёл.

После концерта Джими, Билли Кокс и Мич Мичелл пошли на вечеринку, где кто–то нашпиговал выпивку Кокса кислотой. Последствия оказались катастрофическими. Басист Джими испытал ужасное путешествие и уверенный, что кто–то хочет его смерти, он не притронулся ни к чему, думая, что еда отравлена. Действие кислоты продолжалось несколько дней, его паранойя всё увеличивалась, что привело к невозможности дальнейшего продолжения европейских гастролей.

Глава 3. Дания

49

Запланированные гастроли по Дании, не успев начаться, были на грани срыва. Эрик Томсен из Бендикс–Мюзик, организатор датских концертов, был вовлечён в спор с менеджерами Джими, кому оплачивать транспортные издержки.

— Помимо гонорара в 160 тысяч крон, Хендрикс хотел, чтобы мы оплатили 50% транспортных издержек, — сказал Томсен. — Для нас это неприемлемо. На словах мы прежде договорились только о 25% и такое увеличение равносильно лишним 40 тысячам крон. Хендрикс возит с собой около 5 тонн оборудования.

Эрик Томсен решил отменить гастроли, или, по крайней мере, своё участие в них.

Дик Кац из Гарольд–Дэвидсон–Лимитед, английского концертного агентства Хендрикса, комментирует:

— Это чистейший вымысел, — сказал он. — Томсен заявил, что вдруг британское агентство потребовало от него 40 тысяч крон сверх оговоренной суммы на транспортные издержки и что группа поддержки, Cat Mother, вообще не имеет разрешения на работу в Скандинавии. У нас на руках контракт с Бендикс–Мюзик от 2 июля. Кроме того, деньги Хендрикса были Лондоном заморожены, как это уже было не раз. 14 дней назад мы получили от Бендикс–Мюзик новый контракт на значительно меньшую сумму, который мы конечно и не собирались подписывать, и мы, не откладывая, прервали всякое сотрудничество с Бендикс–Мюзик.

Джерри Стикеллз связался с Кнудом Тёпёнсеном из SBA (Скандинавского Продюсерского Агентства), который тут же на наших глазах переделал гастрольный план и составил новое расписание концертов.

Среда 2 сентября

В среду 2 сентября вся датская пресса атаковала копенгагенский аэропорт Люфтхавен. Датские король с королевой были приглашены президентом Исландии, The Rolling Stones летели транзитом на концерт в Хельсинки, а Джими Хендрикс должен был прилететь в 10:30 утра из гётенбергского Ландветтера.

— Самолёт из Гётенберга приземлился по расписанию, но м-ра Хендрикса на борту не оказалось. Должно быть король электрической гитары проспал свой самолёт, — попытался съязвить Торбен Поульсен из Актуэлта.

Джими, как это часто бывало, действительно проспал утренний рейс, но его менеджер перебил билеты и Джими прилетел в Копенгаген в час дня и далее в Архус, где в аэропорту Тирструп его встретили представители SBA. Они заметили, что он очень плохо выглядит, что его лихорадит и он сильно потеет, на что Джерри Стикеллз сообщил им, что Джими просто сильно устал.

— Его программа очень насыщена, — успокоил их Джерри, хотя простуда Джими от недостатка сна перешла в сильнейшую лихорадку, и было совершенно очевидно, что он болен.

Попытки Джими предложить перенести концерт, были пресечены на корню и ему очередной раз напомнили, что он связан контрактом и что этот концерт должен состояться вне зависимости от его физического состояния. Из аэропорта его привезли в гостиницу Атлантик, где его уже ждали репортёры.

И неважно, болен он или нет, Джими снова должен был отвечать на вопросы репортёров, хотя одного взгляда было достаточно, чтобы понять в каком он состоянии. Первым из двух представителей прессы был Свен Вицеденбург из Би–Ти–Фрокостен и его статья, под заголовком "Джими Хендрикс: Я человек, как и многие другие, как Наполеон, к примеру" появилась уже на следующий день, 3 сентября 1970 года.

Он написал:

"Гитарист Джими Хендрикс собирается играть с данной группой до конца этого года. Но несмотря на это, он не собирается давать более 20 концертов в год. Он уже записал 150 песен [sic!], Но думает, что только 15 из них войдут в следующий альбом. Но мы не увидим его на прилавках в ближайшем будущем. Сейчас он выпустил альбом с, к примеру, Отисом Реддингом и Нилом Янгом [sic!], концертная запись с Фестиваля в Монтерее в 1967 году. Этот альбом должен заинтересовать нас.

"Когда я прослушал его, я понял, что там совершенно нет музыки, — сказал Джими Хендрикс. — Я предпочитаю давать концерты в Европе, где люди приходят на концерты за музыкой, а не за тем, чтобы все увидели их новый наряд. Правда всегда, я полностью отдаюсь игре."

51

"Хендрикс много говорил о музыке. О сверхъестественном. Об эйфорических наркотических состояниях. О слушателях. О мире. О войне. О своих музыкантах: "Нам хорошо вместе. Мич Мичелл истинный артист своих барабанов." Джими называет себя идиотом, потому что он заключил в своё время длительный контракт с Капитоль. [И вот в чём] причина, почему он вынужден был выпустить пластинку Band of Gypsys. Обо всём говорил очень туманно. Поток бесконечных умозаключений: "Я должно быть умру вчера… или завтра. Мы все идём этим путём. Мы все пришли из откуда–то, и белые, и чёрные, и индейцы. Я никогда не зависал на кокаине. Необходимо отказаться от слова религия. В каждом из нас Бог. Ненавижу выступать ночью на открытой площадке, не видно слушателей. LSD обнажает чувства. Я всего–лишь такой же человек, как любой другой, как Александр Македонский или как Наполеон, например."

Вторым была Анне Бьёрндал из Моргенпостен, её интервью было опубликовано 6 сентября. Создавалось впечатление, что Джими перешёл какую–то невидимую грань и его понесло, он переходил с одной темы на другую, даже не завершив предыдущую. Она писала:

"Было совершенно ясно, что Джими Хендрикс утомлён до предела. Ещё задолго до концерта он говорил об отмене, потому что это было бы совсем не то, на что рассчитывали слушатели. Он был болезненно разговорчив и говорил без передышки, отчаянно жестикулируя. На вопрос, о красотах города Архус, он объяснил:

— О, достопримечательности, знаете, эти постоянные переезды, никогда нет времени посмотреть город, в котором выступаешь, но это всё часть нашей системы. Мне больше нравится Европа, здесь вдумчивая понимающая публика, в то время как в Штатах, многие приходят на концерт лишь показать свои новые наряды или просто оторваться. Ненавижу выступать поздно вечером или ночью, совершенно не видно публики, огромная удача, играть на фестивалях, проводимых на открытом воздухе, утром или днём, видишь все эти прекрасные лица, обращённые на тебя.

52

Религия, о ней Джими Хендрикс говорит много, всё время возвращаясь к чему–то сверхъестественному, говорит о Иисусе и о

Чингиз–Хане.

— В действительности Иисус своим появлением спровоцировал огромное количество войн, нет, не он сам, но люди из его окружения, его ученики и последователи. Вот почему христианство — уже прошлый день. Религия это нечто, что находится внутри каждого, тебе просто нужно сгармонизировать своё эго. Задача человеческого существования это созидание мира и любви. Это их единственная обязанность перед нашим обществом, стремящимся заставить их рядиться только в серые и чёрные цвета.

— Почему часто говоря обо мне, упоминают Мика Джаггера? — спрашивает Джими Хендрикс. — Мы работаем в совершенно различных направлениях, но, думаю, у нас с ним всё же есть кое–что общее. Мне бы тоже хотелось основать граммофонную компанию на манер The Rolling Stones. Музыка — вся моя жизнь, тебе нужно быть честным с ней. Я имею в виду жизнь и восприятие, для этого тоже нужно время, как и для любого другого занятия. В моём случае, я приношу в жертву часть моей души всякий раз, как беру в руки гитару. Бывают такие моменты, когда я чувствую, что *не могу* не писать, часто это происходить перед тем, как проваливаешься в сон и мыслям становится тесно в твоей голове. Моя гитара это мой медиум и я хочу каждого заставить слушать её. Я хочу пробудить весь мир. Музыка и звуковые волны образуют космос, интерферируя при отражении от звёзд и планет. Не уверен, доживу ли я до 28–го дня рождения. Я имею в виду, до момента, когда я почувствую, что не смогу выразиться музыкально, мне уже нечего будет делать на этой планете, кроме как обзавестись семьёй, женой, детьми, другими словами мне незачем будет жить.

Затрагивая мистические темы, он особенно подчёркивал, что никакого отношения к LSD это не имеет.

— Кислота оголяет нервы, а мне нужен кислород, — сказал Джими и сделал глубокий вдох.

О своём близком друге, Артуре Ли, руководителе группы Love, Джими сказал:

— Я очень признателен ему, он мне как брат. Своей музыкой мы оба основали новую человеческую расу. Мне бы хотелось сделать с ним ещё много проектов. Вместе мы уже записали целый альбом. Мы мыслим, мы чувствуем в одном направлении, было бы здорово продолжить наше совместное творчество. Мы своего рода духовные цыгане, путешествующие по миру с неким посланием, которое несёт людям наша музыка. Я люблю сказки, люблю Андерсена, люблю Винни–Пуха. Сказки полны фантазий, как и музыка. Они пробуждают в нас желание фантазировать. Мне

не сыграть одну и ту же песню дважды. Я не могу сыграть и ноты, если я её не чувствую и если не вкладываю в неё свою душу.

53

Относительно своих планов на будущее Джими Хендрикс сказал, что намеревается сохранить группу по крайней мере до конца этих гастролей и что с этим составом он уже записал около 150 вещей, 15 из которых, как он считает, достаточно хороши, чтобы составить из них следующий альбом. По поводу бутлега, который будто бы записан после фестиваля в Вудстоке, Джими сказал, что это его не заботит.

— У людей много разных идей на мой счёт, — произнёс Джими, как если бы продолжил прерванную им самим мысль, — одни не хотят даже ничего знать обо мне, другие — полностью на моей стороне. Я уже говорил, что не люблю ярлыки, разве не бывает так, врач ставит диагноз, а у человека просто болит душа.

Непосредственно перед выходом на сцену, Джими Хендрикс сказал:

— Я — водитель автобуса, а вы все мои пассажиры.

Эта краткая формулировка отражает всё его отношение к музыке — он капитан некоего космического корабля и он хочет, чтобы мы, его слушатели, совершили вместе с ним космическое путешествие, в те дали, где звуковые волны заставят наши души вибрировать по его желанию. На сцене он — излучатель электрической энергии, в личной жизни он тих и задумчив… как волк в овечьей шкуре. Такова натура Джими Хендрикса.

Анне Бьёрндал была на его концерте в тот вечер и её рассказ полон горького разочарования и обрывается после второго номера.

"К сожалению, концерт в Архусе возможно самого величайшего рок–гитариста современности, разочаровал все наши ожидания. Джими Хендрикс выдохся физически и духовно под грузом тяжёлого гастрольного расписания. Он сдался, с трудом добравшись до конца второго номера, и совершенно был неспособен продолжить концерт к нашему обоюдному стыду, его и нашему, потому что мы знаем, он смог бы действительно сделать это, хотя двумя днями ранее он бы этого не смог. Остаётся сказать, что те два номера, которые он сыграл, Freedom и Message To Love с альбома Band Of Gypsys ввергли нас в сверхъестественное музыкальное путешествие, которое всегда сопровождает его музыка. Его музыка, жар, вибрации и что–то ещё разрушили ощущение реальности.

54

— Добро пожаловать в Электрический Цирк, — с такими словами вышел на сцену Джими Хендрикс.

Но представлению этому суждена была короткая жизнь. Несмотря на это, мы успели насладиться и выдающейся игрой Джими, и игрой Билли Кокса и мощными перкуссиями Мич Мичелла. В итоге, Джими Хендрикс обещал вернуться не более, как через месяц и провести бесплатный концерт, чтобы каждый испытал на себе его игру в полную силу, и мог подняться бы с ним в высшие сферы."

Хотя это обещание и было произнесено в искреннем эмоциональном порыве, ему не суждено было сбыться.

На этом концерте была и Кирстен Нефер:

— Мы с Карен прилетели в Данию ранним утром. Мы приехали в ту гостиницу, где остановился Джими. У лифта мы столкнулись с Мичем: "Вот это да! Что вы делаете здесь? Не верю глазам своим! Ну, вам лучше подняться к нему, он в совершенно *непредсказуемом* расположении духа." Подходя к его номеру, у нас создалось такое впечатление, что вся датская пресса решила атаковать его двери. Джими открыл нам, он был в полном расстройстве.

— Как вы добрались сюда? — удивился он.

Я сказала:

— Прилетели.

— О, мой Бог, нет, нет, я не хочу, чтобы вы видели меня таким, я очень не хочу, чтобы вы меня таким видели. Это так ужасно, о, мой Бог, вы, и здесь.

— Ну и что из этого, — подумала я.

Да, он плохо себя чувствовал и действительно был мыслями где–то в другом месте, да и вся датская пресса была тут. Ну, я и сказала ему, что спущусь вниз, где оставила Карен с Мичем. Он сделал протестующий жест и произнёс голосом, не терпящим возражений:

— Ты никуда сейчас не пойдёшь, ты останешься и будешь сидеть рядом со мной.

— Ну, что ж, — подумала я. — Раз он в таком состоянии и просит меня остаться, я останусь.

Он сел и продолжил говорить со всеми этими журналистами, а я не верила своим ушам. Знаешь, о чём он им говорил? О луне, о звёздах, и как он спустился к нам с них. И когда, наконец, все они ушли, Джими сказал:

— Это ужасно, но я скоро вернусь, — и вышел из номера.

Когда он вернулся, пора было уже идти на концерт.

В Вейлби Рисков Халлен Джими приехал вместе с Кирстен:

— Когда мы пришли в артистическую, началась вся эта кутерьма. Он никак не мог решить, что ему надеть и,

одновременно, он пытался настроить свою гитару, к тому же в комнате было полно всякого народа, и он, не выдержав, поднялся и выбросил всех вон. Затем он снова сходил за ними, затем снова всех выдворил вон. В конце концов, мы остались с ним наедине и он сказал, обращаясь ко мне:

— Гитара никак не строится, это единственное, что меня раздражает. Я чувствую, что не смогу играть.

— У тебя получится, — попыталась поддержать его я. — Ты здесь, твоя гитара здесь, тебе остаётся взять её в руки и выйти на сцену.

Знаешь, публика, как обычно, сошла с ума, увидев его на сцене, он начал играть, я не видела его лица, знаешь, но почувствовала, что происходит совсем не то, происходит что–то очень неправильное.

На поддержке в этот вечер уже с 7–ми часов играла группа из Копенгагена Blue Sun. После небольшого антракта в 9 вечера пришло время Джими. Но антракт задержали ещё и ещё, а Джими всё ещё не был готов выйти на сцену. Публика начала выражать своё нетерпение свистом, выкриками и топаньем ногами. Организаторы не моги взять в толк, что происходит, потому что у них не было разрешения входить в артистическую и они даже не могли сделать никакого объявления публике.

Свен Вецеленбург, который днём брал интервью у Джими, тоже был среди слушателей в это время и он начал свою статью словами, что когда, наконец, Джими вышел на сцену, что–то было совсем нетак.

— За кулисами Хендрикса нигде не было видно, — рассказывает Бо Якобсен из Blue Sun. — Он заперся у себя в артистической с одной очень красивой девушкой и вышел оттуда, только когда сам посчитал нужным. Я всё это время сидел и беседовал с Мичем. Похоже он крепко выпил, но со всеми был очень приветлив.

— О, да, пошли, поболтаем, — без всякого высокомерия, так запросто, по–дружески.

— Хендриксу было пора идти на сцену, — продолжил свой рассказ Бо. — Помню ясно, как если бы это было вчера, он, проходя мимо меня, сказал: "Привет, пипл" и вышел на сцену, показывая пальцами "мир", не пойму, зачем это ему? Должно быть, в Америке так принято в шоу бизнесе? Весь концерт я просидел на дальних рядах, но звук был абсолютно оглушающим, все 12 маршалловских усилителя были выведены на полную. Помню, у него лопнула струна, так он сменил её, не прекращая игру.

Когда, Джими, наконец, удалось уговорить выйти на сцену, ему потребовалась помощь роуди, чтобы подняться по ступенькам.

— Я хочу узнать, вы в порядке? — крикнул он, обращаясь к публике.

— Е-е, — послышались утвердительные выкрики.

Но совершенно ясно было видно, что сам он — нет.

— Слава Богу, слава Богу… Я попрошу у вас, э… минутку, настроиться, окей? Одну минуту.

Джими прислушался к своей гитаре, затем поднял голову и произнёс:

— Добро пожаловать в Электрический Цирк. Нашей первой песней станет Freedom, — с трудом выговорил Джими, но петь начал вполне корректно, несмотря на то, что пропускал слова и целые строфы, и завершил он её как–то бестолково. По лицу Джими ясно читалось, что он вполне осознаёт всю никчёмность ситуации и что играет он плохо.

— Ну, это, э… вы все знаете, где свобода, там, э… правда. Думаю, вы же все понимаете, мы хотели посвятить этот номер земле и всему миру, и э… галактикам и миру среди них. Он называется, он называется, э… ну, сами сейчас увидите. Если, конечно, я смогу настроить её.

Джими начал считать лады на грифе своей гитары:

— …пять, шесть, семь. А… чего их считать, подождите минутку, — произнёс Джими, введя слушателей в замешательство.

Джими поменял гитару и, видя заминку, слушатели начали хлопать в ладоши, пытаясь подбодрить Джими.

— Знаете, забавно, но я совершенно забыл для чего я здесь. О, да, я собирался, э… сыграть Message To Love, ведь так, да, Message To Love, верно? Да, совершенно верно.

И как если бы он не чувствовал себя так плохо, он вдруг заиграл очень чисто и в конце даже вставил часть из Power Of Soul, несмотря на то, что местами строфы менял местами и снова пропускал слова. Номер завершился оглушительным соло, но гитара Джими совершенно не строила. Даже не став тратить время на подстраивание, он продолжил песней Land Of The New Rising Sun, всеми признанным мелодическим шедевром Джими, но в этот раз ощущение было такое, что некий любитель с трудом подбирает на слух мелодию. Мич чувствовал, что происходит нечто что–то очень трагическое с Джими и попытался спасти этот день, погрузившись в долгое барабанное соло, в течение которого Джими в полном замешательстве покинул сцену и поспешил в свою артистическую.

Прозвучало объявление, что концерт прерывается на 5 минут, но Джими не был в состоянии вернуться на сцену. Концерт к разочарованию всех пришлось прекратить. Как сказал позже репортёрам Джими:

— Я уже мёртв был задолго до него.

Но это заявление так и повисло в воздухе.

Добравшись до своей артистической, Джими сообщил организатору этого концерта, Андерсу Стефансену, что сильно болен и не может продолжить игру. Он так же сообщил, что не требует никакого гонорара и что не пройдёт и месяца, как он вернётся и отыграет бесплатно целый концерт.

— Я вошёл в артистическую Джими. Он выглядел совершенно больным, — вспоминает Отто Февсер, директор зала. — Хендрикс начал падать, я подхватил его, помог усадить в кресло. Он весь горел, его лихорадило. Ребята спросили меня немного кокаина, чтобы хоть как–то облегчить его страдания. На что я ответил, что у меня не бывает кокаина. Было совершенно очевидно, что Хендрикс не сможет продолжить концерт.

Вызвали такси и Кирстен вместе с Карен отвезла его в гостиницу Атлантик.

Тем временем, Туе Дитлевсен объявил публике, что концерт окончен и Джими совершенно больного повезли обратно в гостиницу. Он сообщил, что на следующий день они могут сдать билеты и получить свои деньги обратно и что Джими обещал дать бесплатный концерт в ближайшем будущем. Полиция и охрана были наготове, все боялись, что публика взбунтуется и разнесёт здесь всё. Но к полной их неожиданности все три тысячи поклонников Джими прониклись сложившейся ситуации и мирно покинули концертный зал.

Вернувшись в Атлантик, Анне Бьёрндал решила попробовать снова взять интервью у Джими. К удивлению всех он согласился говорить с ней:

— Мне нравятся волшебные сказки, люблю читать Ганса Христиана Андерсена и Винни Пуха. В сказках много фантазий и они развивают в людях воображение. Я никогда не играю одну и ту же песню одинаково… не могу сыграть, что не чувствую и во что не могу вложить кусочек своей души.

— Как я понимаю, вы сравниваете себя с Винни–Пухом, выражающим свои эмоции действием.

— Я — Винни–Пух, ищу следы
Зима и снег глубокий
Следы на снеге там вдали

Но вот растаял снег
И следа не найти…

В ночь на четверг 3 сентября

58

— Когда мы вернулись в гостиницу, — рассказывает Кристен Нефер, — мы поднялись в номер, Джими был действительно очень плох, за всю дорогу он даже не проронил ни слова. Когда мы вошли в номер, в кресле сидела какая–то девица, по всей видимости датчанка. Они стали говорить между собой, она и Джими. Она начала рассказывать ему о каких–то ужасах, о каком–то парне из Vanila Fudge, которого убили в Англии где–то загородом и я увидела, как глаза Джими стали расширятся от панического страха. Знаешь, я слетела с катушек и пару–тройку раз старалась, знаешь, таким вежливым голосом, чтобы Джими ничего не понял, оборвать её понос по–датски, что–то вроде: "Тебе бы лучше съ**ать отсюда по–быстрому, чем пугать Джими." Я не знаю, что это была за девица, и что ей надо было от Джими, но как только эта датская сука вышла за дверь, Джими сказал мне, что хочет со мной проговорить всю ночь, на что я ответила:

— Говорить? Всю ночь? Шутишь, я так устала.

Но он не отставал и настаивал на разговоре. Вдруг, он произнёс:

— Хочешь выйти за меня?

Мы проговорили до семи утра…

Этой ночью Мичу позвонили из Англии и сказали, что он только–что стал отцом. Его жена Линн родила ему дочь, они назвали её Эйша. Мич тут же заказал чартер, чтобы вернуться в Англию.

Четверг 3 сентября

В четверг 3 сентября Джими вместе с Кирстен вылетел в Копенгаген. Мич уже позаботился о чартере и Билли с Карен Дэвис вернулись в Лондон уже днём. Имея в виду состояние, в котором он находился, было разумно предоставить Билли действовать по своему разумению.

— Мы проснулись около десяти, — рассказывает Кирстен, — Джими был в превосходном настроении. Он был счастлив и его было совершенно не узнать, особенно после вчерашнего. Нам оставался ещё час до самолёта. Хорошо помню, этот крошечный самолёт, мы вели себя как сбежавшие ото всех любовники и я спела ему одну из донованских баллад, Wear Your Love Like Heaven. Весь перелёт Джими не выпускал моей руки из своих рук. В аэропорте Каструпт мы уже были около полудня и сразу же отправились в сасовскую гостиницу Глобетроттер. Они ничего не могли придумать лучшего, как поселить его в припортовой гостинице. Снаружи какой–то парень с отбойным молотком всё время пытался взломать асфальт прямо под нашими окнами и я сказала Джими:

— Мы не можем здесь оставаться.

Я позвонила моей маме [Бодил], и мы поехали к ней. У неё в доме была такая огромная кровать, знаешь, от стены до стены и я сказала ему:

— Здесь ты сможешь отлично выспаться.

Джими проснулся в 5, моя мама приготовила обед, вся наша семья была в сборе. Джими действительно хотел жениться, это было его навязчивой идеей, знаешь, он любил помечтать, и я уверена, он не одной мне задал этот вопрос: "Ты выйдешь за меня?" — я хочу сказать, знаешь, он это же проделал и со мной. Думаю, это из–за того, что он всё время чувствовал какую–то неуверенность, и хотел иметь в жизни твёрдую опору… и ещё, думаю, не только потому, что он впервые оказался в кругу моей семьи, но и то, что они приняли его как родного, я имею в виду, что он сидел за большим обеденным семейным столом, чего никогда прежде с ним не случалось, и он всё время повторял:

— Никак не могу в это поверить, — говорил он, знаешь, и ещё, — как это получается у вас? Вы такие дружные…

Знаешь, вспоминая тот день, понимаешь, это единственное, чего он по–настоящему хотел в жизни. Конечно, теперь я понимаю, что это была всего–лишь мечта, но это была *его* мечта. Мы всё ещё все сидели за обеденным столом, когда приехали

датские репортёры и стали бесцеремонно фотографировать всех нас.

Они позвонили мне днём и испросили разрешения приехать и сделать пару снимков. Я предупредила Джими, что это всё бульварные газеты и спросила его, что им ответить.

— Ну, что ж, пускай едут, — со вздохом произнёс он.

Они обещали приехать к вечеру, в 7:30, но приехали гораздо раньше, когда мы все ещё сидели за столом.

Сплетни разносятся со скоростью света в таких маленьких странах, и вся датская пресса уже знала о намерении Джими жениться на Кирстен. Репортёр Ларс Бух приехал к Неферам вместе с фотографом Клаусом Моллером из датского журнала CE–ог–XOP с намерением посвятить весь номер этому событию. С кричащим заголовком "Мировая звезда женится на датской модели" статья была опубликована уже 11 сентября. Прочитав статью, Кирстен пришла к выводу, что там полно абсурдных вымыслов. Но статья доказывает, что Моника была не единственным его намерением в то время. Может быть, перевод и не совсем удачен, но представление о статье вы всё же сможете себе составить:

60

"Счастливая недавно обручённая пара серьёзно обсуждает предстоящую свадьбу, но сначала Кирстен собирается сопровождать Хендрикса в его мировых гастролях. После них они поселятся в Лондоне. Перед концертом в Копенгагене Джими и Кирстен были приглашены отведать датской национальной кухни в доме у матери Кирстен, миссис Бирте Нефер.

— В Париже я провела ужасные дни, — говорит Кирстен Нефер. — Я всегда недолюбливала модельный бизнес. Сейчас Судьба повернулась ко мне лицом, буду сниматься у одного английского режиссёра.

Кирстен была счастлива снова оказаться в кругу семьи после двух лет отсутствия. В Фредериксберге она навестила свою сестру и свою маленькую племянницу, Луизу, живущих на Фредериксвей.

— Она — чудо, — отзывается о своей невесте Джими Хендрикс.

Разве не открывается перед Кирстен счастливое будущее? Женитьба, роль в фильме, семейное счастье? Всемирно известный английский [sic!] гитарист, Джими Хендрикс, который провёл два концерта в Дании, обручён с юной датской моделью, Кирстен Нефер. Кирстен Нефер, 24–летняя модель из Дании, два года назад уехала в Париж искать своего счастья, а нашла его в Лондоне со всемирно известным битником [sic!], музыкантом

Джими Хендриксом, и как аккорды его гитары, зазвучала их обоюдная любовь. Кирстен следует всюду за трио Джими Хендрикса и ей это нравится. Как она сказала репортёру журнала SE og HOR, она всегда ненавидела работу модели и время, проведённое в Париже, было худшим периодом её жизни, но ей нравится Лондон и она надеется на съёмки, которые смогут изменить её жизнь. Связь с Хендриксом не оставит её в прежнем состоянии. Вот уже несколько лет он не сходит с верхних строчек горячих списков популярности и у него более 150 записанных песен. Его называют "величайшей личностью бит–поколения" и все музыкальные агенты сражаются за то, чтобы быть его представителями. Перед тем как стать успешной моделью, Кирстен Нефер познала все трудные стороны модельного бизнеса. Она искала счастья в Париже, побывала там у всех французских фотографов, но успех к ней пришёл только в Лондоне, где её и открыли английские фотографы. Теперь датчанка Нефер живёт в фешенебельном районе Бельгравия, что несравненно лучше трёх–звёздочных парижских отелей. Некоторое время она оставалась с дизайнером Жаном Вуа, который помогал ей сориентироваться в современной моде. Джордж Лазенбай, кинорежиссёр, занимавшийся в тот момент подбором актёров для бондовского сериала, именно он познакомил Джими Хендрикса с Кристен и именно он собирается теперь сделать из Кристен кинозвезду. Кристен считает, что достигнуто самое лучшее и надеется, в скором будущем услышать звон свадебных колокольчиков."

61

Наконец, последний представитель прессы покинул дом Неферов и последнее блюдо было съедено, пришло время отправляться на предстоящий вечерний концерт в копенгагенский Кей–Би–Халлен. И Джими пригласил всю семью Кирстен посмотреть его шоу.

— Мы все поехали в концертный зал, — рассказывает Кирстен, — в такси всё и началось: "О, нет, я не хочу, я не смогу сделать его" и всю дорогу он продолжал накачивать себя в этом духе. Когда же мы добрались, наконец, до концертного зала, знаешь, он сразу изменился, изменился даже его голос. За нами следом прибыла и вся моя семья. Джими сказал Джерри Стикеллзу, чтобы тот распорядился предоставить им самые лучшие места в зале.

Одновременно, из Лондона вернулись Билли Кокс и Мич Мичелл. У Мича был всего час повидаться с новорождённой, перед тем, как прыгнуть в самолёт до Копенгагена, чтобы успеть к этому вечернему концерту. Джими должен был выйти на сцену в 8:15, после того как отыграет группа поддержки, Blue Sun, но

опять он ушёл в себя и заперся в артистической, наедине со своими мыслями о происходящем.

— Опять он стал дико нервничать, — продолжила свой рассказ Кирстен, — опять, как будто бес в него вселился. Он заперся в артистической вместе со мной и Карен, как если бы были только мы втроём на всём свете. Люди снаружи сходили с ума, но для него будто их не существовало, он взял гитару и стал играть, а я, знаешь, думала, как его вытащить отсюда и заставить выйти на сцену.

Только спустя полчаса, в 8:45, под оглушительные вопли он вышел на сцену. Взмахнув рукой в сторону публики и показывав им "мир", произнес: "Так, так, начнём" и заиграл Stoned Free, завершив её мощным вопящим фидбэком и тут же перейдя к Foxey Lady. В последнюю строфу он вставил сова:

here I come baby, FINALLY, coming to get you,

и далее, явно обращаясь к Кирстен:

62

— Хотелось бы сыграть её для всех братьев и сестёр и для всех других, у кого есть братья и сёстры. Она называется Message To Love каждому.

В конце он перешёл на такой медленный темп, что следующая, Land Of The New Rising Sun, врезалась в память на всю жизнь, несмотря на то, что Джими спел только одну стофу из–за того, что толпа сильно шумела и он никак не мог сосредоточиться на игре. Как следствие, он, увеличив темп, превратил её в All Along The Watchtower.

— Хочу посвятить следующий номер всем, кто сражается, всем у кого есть причина на это, кто сражается за свои права. А также сражается и с собой, отстаивая своё мнение в попытках прорваться сквозь заложенные в детстве программы. Да и, конечно, всем тем славным кошакам, которые гибнут в джунглях Вьетнама. Всем братьям, сражающимся тут и там за свою свободу. Джими продолжил выступление превосходно им сыгранной Machine Gun, затем сразу Spanish Castle Magic, в которую вставил обрывки We Gotta Live Together и Satisfaction. Затем Джими покинул сцену и Мич углубился в продолжительное соло на барабанах. Вернувшись, он крикнул Мичу, что продолжит песней Ezy Ryder.

— Хочу сыграть ещё одну, мы думаем поместить её на новый альбом. Она называется Freedom.

Затем, без всякой паузы, сразу перешёл к Red House и In From The Storm.

— Хочу поблагодарить всех вас за долготерпение и э… Мы не можем злоупотреблять им каждый день.

Джими чувствовал, что выступление его съезжает на исполнение стандартов, которые принесли ему славу. Фактически это был первый удавшийся концерт за эти гастроли. Джими продолжил укороченной версией Purple Haze, но зато творчески подошёл к исполнению Voodoo Chile Slight Return, включив в середину целую The Sunshine Of Your Love. Возвратившись в Voodoo Chile и играя ритм медиатором на полу–прижатой струне и модулируя его педалью вау–вау, представил членов группы публике:

— Я очень вам благодарен, я благодарен вам за всё. У нас Билли Кокс играет на басу. Мич Мичелл на ударных и э… ваш покорный слуга на индейском народном инструменте — саксофоне.

Voodoo Chile он завершил длительным соло, которое сыграл зубами. Группа покинула сцену, аудитория взорвалась свистами оваций. Все вскочили на ноги, хлопая в ладоши и топая ногами в такт. Джими вышел на бис к великому удовольствию поклонников.

63

— Благодарю вас, вы все действительно с другой планеты, давайте посмотрим сможем ли мы договориться ещё раз.

Многие выкрикивали Hey Joe.

— О, е-е, — согласился Джими.

Он поменял гитару и, подстроив её, сыграл Hey Joe на бис по просьбе всех.

— Е-е, а теперь прошу помочь мне окончить концерт и убраться отсюда поскорее. А вам желаю повеселиться.

Под самый занавес он сыграл Fire.

Сравнивая с другими концертами этих гастролей, это стоминутное шоу оказалось безусловным победителем. Успех был колоссальным. Выступление было несравненно лучше и он казался самым счастливым человеком на земле, он был прежним Джими. Его лихорадка была побеждена и он даже лёг спать раньше обычного. Даже датская пресса дала высочайшую оценку этому концерту в своих ревю.

На следующий день 4 сентября в газете Политикен под заголовком "Воин любви" был помещён отзыв, написанный Хелле Хеллманн:

"Непредсказуемый Хендрикс в Копенгагене. Концерт года. Такие слова слишком часто произносят, но в данном случае они отражают самую суть. Джими Хендрикс в Кей–Би–Халлене вчера вечером удивил нас всем, что мы прежде слышали. Вся аудитория воспылала к нему любовью, они сидели, разинув рты с вибрирующими нервами, и слушали его, Билли Кокса и Мич

Мичелла, который вчера слетал чартером в Лондон и обратно, увидеться с своей новорождённой дочерью. Stoned Free, Foxey Lady, Message To Love, All Along The Watchtower, Freedom, Spanish Castle Magic, Purple Haze, Hey Joe — вы все знаете эти песни. Джими был болен и был уставшим в Архусе, но в Копенгагене он был на высоте, с бешеным зарядом энергии, струящейся из кончиков его пальцев через струны гитары прямо в наши сердца. Любая человеческая душа, из присутствовавших на этом концерте, может подтвердить, что это было настолько невероятным, что могло быть только правдой. Как только он появился на сцене, он вытянул руку, показывая всем нам знак мира и то чувство, которое он и его группа выразили своей музыкой, было чувством истинной любви, всех аспектов истинной любви от печали и горя расставания, до радости и безмятежного счастья. Как истый воин любви, одетый во все цвета радуги, перед нами выступал лучший гитарист рок–н–ролльного мира, который когда–либо существовал. И это были Хендрикс, Кокс и Мичелл, кто донёс всё это до сердец тех, кто был в тот вечер в Кей–Би–Халлен, и даже тех, кто тогда не смог быть там."

В интервью, которое он дал сразу после концерта для газеты Экстра–Бладет, Джими сказал:

— Почему я работаю так много, я и сам хотел бы знать. Но с этого момента, мне надо поумерить свой пыл.

Среди слушателей в этот вечер была и старинная его подруга Шарон Лоренс. В статье, напечатанной в Сан–Франциском Экзаминере от 25 ноября 1990 года, она говорит:

— В Копенгагене я сидела в самой гуще толпы. Джими был великолепен и проиграл весь концерт, как говорится, на одном дыхании. Когда чувствовалось, что он уставал от артистизма перед всей этой аудиторией, он просто менял темп, не сходя при этом с места, просто менял динамику происходящего, полагаясь только на свою гитару. Я зашла к нему в артистическую, его глаза готовы были выскочить из орбит от удивления, когда он меня там увидел, он был невероятно сентиментален.

— Это мой очень близкий друг, — представил он меня с гордостью всем этим группиз и поклонникам, пожирающим глазами каждое его движение.

Он встал и сжал меня в своих объятиях.

— Я очень боялась за тебя, — сказала я.

Видно, он был очень тронут моим словам:

— Солнышко ты моё, это ты, и ты — здесь!

В ночь на пятницу 4 сентября и утро того же дня

— После концерта мы вернулись ко мне домой, — рассказывает Кирстен, — и провели там остаток вечера и всю ночь. Джими хотел, чтобы я поехала с ним в Германию на Фехмарн, поэтому я позвонила Джорджу [Лазенбаю] и уговорила его дать мне ещё один выходной от съёмок. Он согласился и взял с меня слово, сразу после Германии возвратиться в Англию и не днём больше. Я была действительно счастлива, это были мои самый счастливые дни. За завтраком я сказала Джими:

— Угадай. Я поеду с тобой в Фехмарн!

И знаешь, что он мне сказал? Он сказал:

— Нет, ни в коем случае. Место женщины — дома.

Я вся внутри загорелась от ярости и тут же позвонила Джорджу и сказала, чтобы он меня уже ждал к полудню.

К вечеру 3 сентября на северную часть острова Фехмарн прибыли приблизительно 4 тысячи поклонников музыки и заселили территорию фестиваля, как если бы фестиваль был уже официально объявлен открытым. В ночь на 4 сентября ветер стал усиливаться и пошёл дождь. Этой же ночью около 180 Кровавых Дьяволов проделав путь из Гамбурга добрались до Фехмарна. (Позже они влились в обще–германскую организацию Ангелы Ада.) В Гермердорфе рокеры заняли бензоколонку, а в местечке Петерсдорф напали на иранских студентов, решивших подработать охранниками, после чего четверо иранцев пришлось срочно отправить в госпиталь.

Скорее всего, именно это послужило причиной, что организаторы фестиваля наняли в охрану ангелов, а не иранских студентов, как планировалось в начале. Этим они думали обезопасить себя от беспорядков, нанимая в охрану потенциальных нарушителей спокойствия.

Глава 4. Любовь, мир и насилие в Германии

Пятница 4 сентября

— Я по своим делам поехал в Швецию увидеться с одной девчонкой, которую хорошо знал, — рассказывает Форд Крулл, ныне известный нью–йоркский художник, а тогда 17–ти летний ассистент стейдж–менеджера фестиваля, — но по дороге я затусовался с британской фолк–рок группой Fotheringay, которые играли с Сэнди Денни, и обнаружил себя нанятым рабочим сцены. На Фехмарн были приглашены отличные музыканты, но там царила настоящая неразбериха. Сэнди Денни, когда взяла в руки микрофон, её ударило током. Ужасная ситуация! Уверен, кто строил эту сцену, явно не дружил со своей головой. Вся сцена была мокрой от дождя и не мудрено, что её ударило током.

На острове Фехмарн всю пятницу штормило и дождь лил весь день. К полудню люди начали прибывать всё большими и большими группами и столкнулись лицом к лицу с "проверкой безопасности", которую проводили вооружённые и совершенно пьяные Ангелы Ада. Людей пинали и оскорбляли, многие машины были повреждены и весь алкоголь, в любом виде "конфисковался".

Рассказывает Кирстен Нефер:

— По пути в аэропорт он сказал: "О, видно, ты передумала", на что я ответила: "Я ничего не передумала. Я поступила, как ты сказал. Я только сказала, что у тебя своя дорога, а у меня — своя, дружище." Это всё, что мы и сделали. Он утром полетел на Фехмарн, а я днём вылетела в Лондон. Карен Дэвис улетела с ним.

Джими Хендрикс со всем своим окружением вылетел из Копенгагена и благополучно приземлился в гамбургском аэропорту Фюхлсбюттер, где они должны были пересесть на другой самолёт. Время, оставшееся до посадки, они провели в кафе, затем сели в автобус, который подвёз их прямо к самолёту, и в 11:50 они вылетели в Берлин. В аэропорту Темпельхоф они уже приземлились в 12:36 и сразу направились в гостиницу Кемпински, где для них были забронированы номера.

Джими возглавлял список участников "Супер Концерта 70" в берлинском Дойчландхалле. В концерте принимали участие: Canned Heat, Procol Harum, Ten Years After, Cat Mother, Cold Blood и Murphy Blend. Позже днём в артистической Крис Ромбург взял интервью у Джими для Американских Сил Би–Эф–Би–Эс. Интервью снималось на плёнку Телевидением Американских Сил.

— С первых слов, — рассказывает Крис Ромбург, — Телевидение Американских Сил стало писать это интервью, эта

станция располагалась здесь же, в Берлине. Артистическая была крохотная, возможно всего–лишь каких–нибудь 10 квадратных футов, или около того. Только представьте огромную телевизионную камеру и ещё человек двадцать, набившихся в комнату. И я вместе с репортёром радиостанции Британских Сил, умудрились в такой обстановке взять интервью. Вот что из этого вышло:

— Как, насчёт того, чтобы представиться?

— Представиться?

— О, это было бы очень мило с вашей стороны.

— Ах, да, конечно же, — и Джими запел… все кто были в комнате засмеялись.

— Это не совсем то, что нужно для представления, нам бы хотелось услышать, что–либо посерьёзнее. Сейчас мы находимся за кулисами в Дойчландхалле и говорим с гитаристом Джими Хендриксом. И, Джими, я бы хотел узнать в первую очередь, что вы думаете о вашем появлении в фильме Вудсток, меня особенно интересует эта впечатляющая сцена, где вы исполняете Национальный Гимн?

— Я полагаю, у них не было прав на это… по крайней мере, на некоторые песни, возможно ты в курсе, что я имею в виду, знаешь. И как они, они, как это пришли и *заснялиˮ*, весь финал, и… надеюсь, их интересовала больше музыкальная сторона дела, знаешь ли.

— А вы не думаете, что они хотели из этого сделать политический скандал?

— О, я не знаю, я действительно не знаю. Нет, действительно, я и не думал об этом, — рассмеялся Джими. — Думаю, они просто делали своё дело, знаешь.

— Ваше мнение о фестивалях, таких как Вудсток. Не думаете ли вы, что если соберётся такое же количество людей или даже больше, это станет, чем–то вроде подражания, повтора?

— Ну, не знаю, потому что… очень трудно озвучить такое пространство, знаешь ли, чтобы музыка достигла во все уголки такой громадной толпы. И если перед нами гораздо меньше слушателей, знаешь, легче донести до них больше чувства, мыслей. Но там было слишком много людей, просто слишком много.

— Какое чувство вы испытываете играя, скажем, перед 400 тысячами?

— Ну так вот, об этом я и говорю. Их просто слишком много. Ты даже, ты даже не можешь воспринять всех их. И… а идея сыграть для них, заключается в попытке, знаешь, открыть их сердца или что–нибудь в этом роде.

— Не думаете ли вы, что музыкальные фестивали с таким огромным количеством слушателей можно рассматривать как коммерческую авантюру. Не были ли они в действительности коммерческими?

— О, я не знаю, действительно не знаю. Не думаю, что это так… Мы собираемся играть и перед большим количеством, знаешь, в будущем. Это не так уж много, если говорить в действительности. Но слишком много, слишком много всего происходит вокруг и в то же время недостаточно много, знаешь, для любви и концентрации на определённую тему.

— Джими, вы только что отыграли на фестивале острова Уайт. На последнем из таких громадных фестивалей. Понравился ли он вам?

— Ну, знаешь, мне нравится играть, где бы ни было. Но там, знаешь ли, было темно. Нам досталось ночное время и я никого не видел, — рассмеялся Джими. — Знаешь, если бы я видел всех этих людей вместо того, чтобы быть на линии огня. Я только и видел, что холмы вокруг. [Джими снова смеётся] Но это… О, там, знаешь, всё было в порядке. [смеётся]

— Я правильно понимаю, вы предпочитаете играть там, где… где собрались послушать музыку, а не там, куда народ просто собрался на какую–нибудь тусовку вроде фолк–фестивалей?

— О, да! Думаю, да, — в задумчивость произнёс Джими, — безусловно.

— Так вы предпочитаете такую аудиторию, какую нашли здесь?

— О, нет. На это трудно ответить положительно. Временами легче играть в разных местах, перед самой разнообразной аудиторией, знаешь ли. В разное время по–разному. А Германия летом очень красива.

— Вам нравится немецкая публика?

— Да, очень.

— Как на ваш взгляд она сильно отличается от английской?

— О, на это ответить нелегко. Мы не играли в Англии уже долгое время. Мы собираемся восполнить этот пробел и посмотреть, что из этого получится. Но сказать заранее, знаешь, действительно нельзя.

— Есть ли кто–то, э… в поп–музыке или, скажем, в рок–музыке, есть ли кто–то, чью музыку вы услышите, знаете, и воскликнете: "Вау, да это просто шедевр, как меня пробило!"?

— Е-е.

— А кто именно?

— Слай, — смеётся Джими.

— Слай Стоун?

— Да, он самый, мне нравится его темп, мне нравиться слышать, как стучит кровь в его венах. Знаешь, все эти Music Lover и Dance To The Music и всё такое. А Ричи Хэвенс? Он просто всех затмевает.

— У меня ещё вопрос по поводу Экспириенса, который выступит сегодня вечером в Берлине. Действительно ли в составе произошла замена и группа Опыты Джими Хендрикса отличается от первоначального состава одним человеком, и как вам новый бас–гитарист, Билли Кокс?

— Гм, — Джими чуть не поперхнулся.

— Нам было бы интересно узнать, как вам, э…

— У нас ещё и гастрольный менеджер новый, обязательно упомяните его… — здесь Джими прервался, не удержавшись от смеха.

— О! — рассмеялся и Крис Ромбург.

— … это Джин МакФадден [смеётся] помимо Джерри Стикеллза и Эрика Барретта.

— Обязательно, упомяну его в своей статье.

— Обязательно, он один из немногих кому удаётся склеить из нас целое.

— Обязательно.

— Обычно все забывают спросить, как это всё происходит на самом деле.

— Верно. Это как раз то, о чём я собирался вас спросить, им ведь приходится много тяжелее, чем вам, не так ли?

— Это как огромный чудо–самолёт, никто не вспоминает о пилотах, до поры, до времени, знаешь. И знаешь, ведь мы же без них никуда не улетим, даже рассевшись по своим местам и пристегнув ремни.

— Но всё же, скажите несколько слов о группе, как таковой…

— Э… — произнёс Джими в задумчивости.

— … да, о причине, почему состав Опытов, с Ноэлом Реддингом и Мич Мичеллом, пришлось изменить, вот ваш барабанщик Мич по–прежнему с вами, а Билли Кокс, где вы его нашли?

— О, ну, как сказать, знаешь, он и я, мы прежде много работали вместе и… мы с ним были неразлучны прежде, работали в унисон, знаешь, ведь бас и гитара — близкие инструменты, так и мы с ним. Мы даже часто думаем одинаково. Ничего кроме ритма или как ты это ещё можешь назвать? Мы с ним вроде формы и отливки из неё. Знаешь, Ноэл, он… он думал

как–то иначе. Знаешь, у него была своя группа. Он организовал свою собственную группу и воплощал в ней свои собственные идеи. Он всегда был индивидуалистом. Земля, или что–то вроде этого. Мне всегда не хватало её, мне нужно, что–то твёрдое, на чём бы я мог стоять. А Ноэл… Ноэл всё время пытался играть мелодию, знаешь, Билли же, напротив, твёрдо ведёт басовую линию.

— Как по вашему мнению, фестиваль 67–го года в Монтерее стал отправной точкой, как мы теперь говорим, для славы многих групп, но также и для Джими Хендрикса?

— О, и для нашей группы тоже, вы совершенно правы.

— Я был тогда на том фестивале, и… меня поразили многие исполнители. Может ли в будущем быть что–либо подобное фестивалю в Монтерее?

— О, думаю, что нет. Я не знаю, как насчёт поп–музыки, знаешь. Не скажу. Было бы здорово, если бы такое повторилось. Хотя нужна новая волна. Новое время. О, не слишком ли многого я хочу? [смеётся]

— Как вы чувствуете себя на гастролях? Как вы себя сейчас чувствуете?

— Вы спрашиваете меня, как я себя чувствую прямо сейчас?

— Да.

— Я немного обеспокоен, совсем чуточку, потому что чувствую себя немного лягушкой [смеётся]. Знаешь, вчера я слишком громко играл, и мне пришлось много скакать на цыпочках, и я до сих пор чувствую, как мои колени бьются о мою грудь. А по правде сказать, я сейчас немного нервничаю. Но я думаю, всё будет в порядке, потому что мы все готовы и сделаем это наше выступление. Мич сыграет на своих барабанах, Билли — на своём басу, а я сыграю на гитаре, [смеётся] знаешь, вместе мы здорово поскрипим.

— А вы сами не очень от всего этого устали?

— О, есть немного, но мои батарейки постоянно перезаряжают, правда, от этого я тоже устаю. Я от многого завишу.

— Например, от таких интервью, как это?

— Ну, иногда они меня забавляют, знаешь.

— О, понимаю.

Джими смеётся.

— Иногда бывает очень весело брать интервью.

— Да, вам удалось вырвать меня, знаешь, из моего нервного состояния. Потому что теперь нам нужно собраться. Как э…

— О, мы поняли друг друга, благодарю вас.

— Окей, и вам спасибо.

— На этом мы решили прервать наше интервью, — рассказал позднее Крис Ромбург, — и телевизионщики стали сворачивать своё оборудование. Но как раз в этот момент человек, пришедший с ними, сержант Кит Робин решил вдруг спросить Хендрикса, что он думает о Mungo Jerry и об их In The Summertime. Я уже было выключил свой портативный магнитофон, но успел зарядить чистую плёнку как раз вовремя, чтобы записать реакцию всех находящихся в комнате.

— Почему название этой группы всегда вызывает такой смех? — с удивлением спросил сержант. — Где бы ни произнести Mungo Jerry, все почему–то начинают смеяться?

— Не знаю, думаю, это очень счастливая песенка, — ответил Джими.

— Верно, это самая гениальная вещь, которую я слышал за свою жизнь, — произнёс сержант под общий хохот.

— Думаю, мне нужно будет это учесть на будущее.

— Я бы хотел знать, что именно.

— По его словам, мы только и думаем, что о женщинах. "You have woman, you got woman on your mind." — спел Джими.

— Ваше мнение об этой песне, вы знаете что–нибудь о них?

— О, я думаю это самая великолепная летняя песенка, [смеётся] знаешь ли…

71

— Как вы считаете, у них есть будущее? У такой группы как эта?

— Ну, я о них ничего не знаю, но эта… Не знаю о ней ничего, но, знаешь, песенка эта… очень даже ничего. Очень миленькая и приятная, да миленькая и очень весёлая и, знаешь, думаю, всем она очень пришлась по душе, особенно в такую жару. Я не знаю, откуда они. Думаю, они только сейчас собрались вместе и записали одну единственную пластинку. Но знаешь, Судьба, она может выбрать любого, знаешь, особенно таких как Mungo Jerry.

Джими смеётся и поёт:

When the weather's fine you got women,
You got women on your mind.
Have a drink, have a drive, go out an'
See what you can find.

— Спасибо.

Интервью окончены, подошло время идти на сцену.

Джими начал с Land Of The New Rising Sun и затем без перерыва Straight Ahead, Spanish Castle Magic, The Sunshine Of

Your Love, затем повторил Land Of The New Rising Sun. По непонятной причине публика стал возмущаться и свистеть и Джими успел пропеть только первую строфу, как резко её оборвав, сразу перешёл к Message To Love.

Затем последовала 11–минутная версия Machine Gun, которую он завершил медленным вступлением к The Breeze And I, перед тем как углубиться в Purple Haze. Затем подряд, Red House, Foxey Lady, Ezy Ryder, Hey Joe и Power Of Soul, которую не играл со времён новогоднего концерта The Band Of Gypsys в Филлморе. Но он её сократил до неузнаваемости и завершил концерт Lover Man.

Предыдущий концерт этих гастролей пока был победителем в плане общения Джими с публикой, этот же побил все рекорды — Джими не произнёс ни одной реплики в зал, но выступление считается одним из самых лучших. Никаких проблем с оборудованием, да и сам он играл, не останавливаясь, и после шоу все сразу вернулись в гостиницу Кемпински.

Робин Трауэр поделился с Куртисом Найтом [стр. 161] своими впечатлениями:

— Прежде я никогда не видел Джими. Я всегда избегал его, потому что чувствовал, если увижу его игру, то никогда больше не возьму в руки свою гитару. Я понимал, что это было бы сродни "забудь", понимаешь? Так и случилось: я увидел и понял "забыть". Я был в ауте пару месяцев, тем более что его не стало через неделю. Всё это потрясло меня.

А тогда, в Берлине, это был странный концерт. Сначала мы [Procol Harum], затем Консервированная жара, потом 10 лет спустя, под самый конец — Джими. С самого начала народ стал надираться и надирался всё больше и больше и больше. И, к тому времени как на сцену поднялся Джими, уже не перед кем было играть — все уже ни во что не врубались. Думаю, они всё равно не поняли бы, знаешь, а я… я хочу сказать, я бы и сотой доли не смог бы сделать, что он делал, а ведь я музыкант и считаюсь неплохим гитаристом, так что представь, это всё им было не под силу.

Я был в шоке от публики. Да и группа играла не вместе, но он, истинный маэстро, такого я никогда не вдел, настоящий маэстро инструмента. Только из–за одного этого, думаю, он мог бы не играть так сильно перед какими–то опущенными.

Как бы там ни было, я зашёл к нему в артистическую, когда он кончил. Что я собирался ему сказать? я вообще колебался, заходить, или нет, но, скорее ворвавшись, чем войдя в артистическую, выпалил: "Е-е! Я только сказать, это лучшее, что я видел за свою жизнь", — а ведь это так и было. "О, спасибо, но не

сейчас", — услышал я в ответ и выскочил наружу.

Это был первый и последний раз, как я видел его. Я не думаю, что когда–нибудь он решил бы остановиться. Возможно, те люди, с которыми он играл, не были ему равны. Я только говорю, возможно, и эта возможность исходила из того, что с ними он не достигал лучшего качества. Он был слишком далеко впереди. Тогда, в Берлине, я смотрел во все глаза и старался понять, как он это делает, я же стоял совсем рядом на краю сцены и мне было всё хорошо видно, но, чёрт побери, как? Я только понимал, что он делает, но как? За всю жизнь не видел такого инструменталиста, о котором мог бы сказать подобное. Пару месяцев я был сам не свой, я продолжал играть, но моё сердце, оно было где–то далеко. Манера игры, она была не моя, это была его манера игры.

В ночь на субботу 5 сентября

В течение ночи ангелы продолжили бесчинствовать. Они превратили в руины один из вагончиков организаторов фестиваля, видимо рассердившись, что не получили оплату за свои "труды". Было решено заплатить каждому по 150 марок и освободить их от дальнейших обязательств. И хотя ни один из них не покинул территорию фестиваля, план сработал в немалом: прекратилась унизительная "проверка безопасности" на входе.

Суббота 5 сентября

72

В субботу в лагере Хендрикса объявили ранний подъём. Джими проснулся, умылся и уже в 10 утра самолёт со всей его командой во главе с ним на борту поднялся в воздух с берлинского аэропорта Темплехоф и взял курс на Гамбург. Затем поездом до Гроссенброде, где на пароме до Фехмарна. И в середине дня заехали в гостиницу Дания в Путтгардене, расположенном на в северной части острова.

— В поезде, — рассказывает Джерри Стикеллз, — Джими сказал, что хочет немного поспать и пытался прорваться в спальный вагон, так как он был почему–то закрыт. Охране ничего не оставалось как остановить поезд, так как он угрожал всех нас уволить. Ситуацию разрешила мирным путём жена владельца этого поезда, которая по счастливой случайности ехала с нами…

— Мы вылетели из Берлина, — говорит Мич Мичелл, — чтобы встретиться с другими участниками фестиваля. Затем мы все сели в поезд до побережья, где пересели на паром. Много проблем мне доставил мой старый паспорт. У меня отрасли волосы и я совершенно перестал походить на того парня с фотографии в паспорте, каким я был много лет назад. И таможенники никак меня не пропускали. Было очень раннее утро и, естественно, настроение у меня отсутствовало и, говорят, я набросился на одного из офицеров. Мы прибыли туда днём и предполагали начать в восемь. К шести поднялся ветер, который начал превращаться в настоящий шторм. От организаторов мы узнали много нового: и что проблемы с аппаратурой, и что Ангелы Ада все вооружены.

— Фехмарн был нашим первым большим фестивалем, — рассказывает Христиан Бурхард, барабанщик Embryo, пионеров немецкого краут–рока, — мы ожидали, что это станет величайшим событием: такие звёзды собирались там выступить, я хотел сказать, звёзды первой величины, и нас поместили среди них! Мы были в полнейшей эйфории и не заметили как проехали 1000 километров на нашем фольксвагене из Мюнхена, не сделав ни единой остановки. Мы приехали к вечеру, погода была действительно ни к чёрту, лил дождь и на море был шторм. Наш автобус был немедленно окружён плотным кольцом банды байкеров, которых нам пришлось долго убеждать, что мы группа Эмбрион и что мы участники фестиваля. Я никогда не забуду, как они, окружив наш старенький автобус и держа его за кромку крыши, сопроводили его до самой сцены, расчищая дорогу,

нещадно избивая цепями впереди идущих. Мы были в шоке и, высунувшись из окон, кричали: "Вы сошли с ума! Перестаньте сейчас же!" Но они все были совершенно пьяны и не обращали никакого внимания на наши возгласы.

Наше настроение упало до нуля. Мы молча просидели всю дорогу и не помнили как добрались до сцены. Первое, что я увидел, это роуди, ползающего по сцене на коленях и прибивающего стойку для тарелок гвоздями к сцене, чтобы её не унесло штормовым ветром, дующим с моря. Консервированная жара только что отыграли свой медленный блюз. Их гитарист умер несколькими днями ранее и они посвящали ему каждый номер. Видно было, что они ещё не оправились от шока. Спустя некоторое время мы встретили Алексиса Корнера, который стал нашей путеводной звездой, никого из организаторов рядом не оказалось, никого, кто бы мог нам что–то сказать о программе концерта и обо всём другом, что обычно нужно знать участникам. В перерывах он поднимался на сцену и играл пару блюзов и вообще, старался всем поднять настроение. Он оказался настоящим радушным хозяином закулис. Он за руку отвёл нас к предназначенному для нас вагончику, где мы могли бы поспать, так как сказалось утомление от нашего изнурительного тысячекилометрового броска, но вместо этого мы просидели и проболтали с ним до 4 утра.

В субботу ветер ещё усилился и похолодало, но дождь прекратился. В полдень второй день фестиваля открыла известная немецкая блюзовая певица Инга Румпф из Гамбурга с группой Frumpy, играющей блюз–рок. Дождя не было, выступление удалось, все были довольны и как вспоминает Инга Румпф, нужно было спешить, чтобы успеть выступить в другом месте и как только выехали за пределы фестиваля, она обернулась и увидела как с моря надвигаются тёмные тучи: "Мы даже почувствовали некоторую вину перед группой, выступающей после нас".

Почти следом на сцену поднялся саксофонист Петер Броцман со своим ансамблем, но его фри–джаз не нашёл отклика в слушателях, к тому же опять пошёл дождь.

Тем временем Джими Хендрикс прибыл на остров поездом из Гамбурга. Он хотел, не теряя времени, немедленно прибыть на площадку и выступить в этот же день, но погода начала быстро портиться. Джерри Стикеллз начал объяснять организаторам, что палатки перед сценой необходимо убрать и сделать это надо до начала выступления Хендрикса. Было сделано объявление и действительно большинство палаток исчезли. Пока Джерри Стикеллз настаивал на том, что погодные условия для

выступления в данный момент неподходящие для Хендрикса, к тому же и пробка на дороге, и риск электрического шока, организаторы делали всё, что они считали возможным, чтобы выступление состоялось в назначенное время. Они даже попытались снова вызвать вертолёт, но когда Джими добрался до гостиницы, он передумал и решил в такую погоду никуда не двигаться в этот вечер. Выступление отложили на полдень воскресенья, публику догадались поставить в известность только поздно вечером и то, чтобы избежать бунта.

Следующими были Mungo Jerry во главе с Рэем Дорсеттом. Группа была на вершине своей популярности и их сорокопятка In The Summertime возглавляла списки популярности. Отклик аудитории был фантастичен и их выступление остаётся одним из самых запомнившихся выступлений фестиваля на острове Фехмарн.

За ними вышли на сцену Canned Heat, ещё одна из ведущих в то время групп. Вопреки сильному ливню, а роуди пришлось держать стойки для подвесных тарелок, чтобы тех не унёс ветер, дующий с моря, они провели двухчасовой концерт. Их гитарист умер тремя днями ранее и они ещё не оправились от шока. Толпа долго их не отпускала и они сыграли несколько бисов.

Следующими были Sly & Family Stone. Их фанк был как раз вовремя для замерзающего Фехмарна и когда окончательно распространилась новость, что Хендрикс не будет выступать этим вечером в связи с непогодой, казалось толпа вздохнула с облегчением.

Вечер второго дня фестиваля

После Слая на сцену вышла немецкая электронная группа Cluster и проиграли все оставшиеся после вечера часы.

— Мы были последними в субботнем списке участников… и оказались первыми в воскресном, — вспоминает Ханс–Йохим Рёделиус. — Мы играли всю ночь, несколько часов, у нас получилась что–то в роде "колыбельной для всех". Наше выступление оказалось очень удачным, красивый восход, ветер, волны на пляже. Нам очень понравилось и, думаю, всем тоже. Мы старались играть не громко, так чтобы люди могли поспать.

Фестиваль планировался стать самым грандиозным летним рок–событием Германии, организованным Тимом Сиверсом, Хельмутом Фердинандом и Кристианом Бертхольдом. Вдохновлённые успехом фестиваля на острове Уайт и в надежде пригласить музыкантов, принимавших участие на острове Уайт, дата фестиваля была перенесена на 4–6 сентября. Предполагалось что в фестивале примет участие 30–40 групп и ожидалось около 60 тысяч зрителей. Пионер немецких секс–шопов, Беата Ухсе, выделила на организацию фестиваля 200 тысяч марок и предложила использовать 20 её секс–шопов, как места распространения билетов на этот фестиваль [Беата приехала на открытие и раздавала автографы].

По опыту острова Уайт была подобрана территория: так называемая Флюггерстранд. Организаторы арендовали 50 га, принадлежащих фермеру мистеру Стортенбеккеру, расположенных недалеко от маяка Флюггер.

Джими должен был выйти на сцену в восемь, но из–за плохой организации и ухудшения погоды, Джерри Стикеллз посчитал, что необходимо перенести выступление Джими на следующий день. К концу дня дождь стал усиливаться и ветер поднял пятибальный шторм.

К вечеру в штабе фестиваля воцарился хаос. Хельмут Фердинанд пытался по рации вызвать Джими, чтобы тот начал своё выступление.

— Он не будет играть сегодня вечером, — продолжал настаивать на своём Джерри Стикеллз, — я не собираюсь больше это ни с кем обсуждать. Хендрикса пока не стихнет шторм вы сегодня не *получите*.

— Я только что, полчаса назад, звонил одному моему другу, он говорил с Хендриксом и Хендрикс сказал ему, что собирается выступить сегодня, — продолжал гнуть в свою сторону

Фердинанд.

— Да, но погодные условия изменились, — возмущался Джерри. — Мы готовы были приехать, у нас всё готово. Но я не вижу машин, здесь нет ни одной машины.

— Я послал за Хендриксом машину, она должна ждать его у гостиницы, — заявил Хельмут.

— Да, но её там нет, она стоит в стороне, в сотне ярдов от гостиницы, — распалялся всё больше Стикеллз.

Хельмут шагами мерил фестивальный офис, бормоча свои ругательства по–немецки. Джерри не отставал от него, вышагивая за ним как тень:

— Я не Бог, чтобы унять эту непогоду, и он не сможет играть при таком ветре, — настаивал Джерри.

Хельмут продолжал спорить с Джерри.

— Я не могу остановить этот дождь, он не будет играть под таким дождём. Если за ночь шторм утихнет, мы отыграем утром.

По возвращении в гостиницу обнаружилось, что там даже чертям делать нечего. В баре не осталось ни капли спиртного после того как там поселились музыканты, они всё ещё оставались в опустошённом ими баре и возбуждённо обсуждали непогоду. В безнадёжных попытках их успокоить было послано ещё за пивом на склад фестиваля, но это мало помогло. Непогода, царящий вокруг хаос, отсутствие охраны и вечерняя попойка, всё вместе взятое окончательно подорвало здоровье Билли Кокса, превратив его в полнейшую развалину. Он запаниковал, и его было не остановить, он уверял всех, что их сегодня ночью смоет с острова волной.

— С Билли случилась своего рода истерика, — рассказывает Джерри Стикеллз. — Это часть моей работы, быть им нянькой, заботиться и следить за ними. Но в нём развилась сильнейшая паранойя, знаешь, по поводу всего, что вокруг происходило. Всё кругом пришло в движение, каждый готовился встретить смерть и только Бог знает, что ещё Он нам тогда уготовил. Мне приходилось быть на сцене и всякое такое, чтобы он мог видеть меня всё время. Знаешь, всем было тогда плохо. Когда такое у каждого, это пронизывает. Но это был последний концерт тех гастролей, всего–то и надо было начать и побыстрее убраться оттуда, вот такая там была обстановка.

74

Паранойя Кокса не развилась сама по себе, была на то причина.

"За порядком следили не только вооружённые отряды полиции с собаками [sic! они были вызваны только в конце последнего дня фестиваля], — пишет Хайнц Цвайдрай в статье,

напечатанной в номере Рекорд–Миррор за 3 октября, — но и "дружественные" Ангелы Ада с цепями, дубинками и ножами. Но публика вела себя на удивление очень спокойно и дисциплинированно и скучающие Ангелы Ада напали на палатки журналистов, уничтожили их телефонные аппараты, подожгли штаб организаторов фестиваля и разрушили временные бары, предварительно выпив весь алкоголь, находящийся в них, и жестоко избили нескольких хиппи."

Ангелы Ада, применив оружие, ограбили кассы фестиваля и многие слышали на продолжении всей ночи пулемётные очереди и видели вспышки автоматов.

Воскресенье 6 сентября

Воскресным утром около 15 тысяч человек были готовы встретить третий день фестиваля. Территория перед сценой была более похожа на поле битвы. После всех прошедших ливней луг перед сценой представлял из себя сплошную грязную лужу, сцена была за ночь уже частично разобрана ангелами на дрова, как и все деревянные двери туалетных кабинок, всё было ими использовано для ночных костров.

И снова незаменимый Алексис Корнер подошёл к микрофону и предложил слушателям подняться на сцену и помочь её починить. Народ откликнулся на его приглашение, но через некоторое время, как и следовало ожидать их энтузиазм несколько поутих.

Организаторы отчаянно старались спасти фестиваль и пригласили на сцену дуэт Виттхюэзер и Веструпп. Так они выиграли по крайней мере час.

— На следующее утро, когда Алексис нас вытащил из нашего убежища, — продолжает рассказ Христиан Бурхард, — мы были несказанно удивлены, увидев известных хиппи из мюнхенской коммуны, Райнера Лангханса и Уши Обермайер. Они приехали в надежде потусоваться с Джими Хендриксом. Тщеславное желание. По прибытии Джими тут же исчез в своём вагончике под охраной байкеров, вооружённых огромными ножами и цепями… и мы подумали про себя: боже спаси нас, что же это за чудовищное место, куда мы попали…

Джими проснулся в 9, позавтракал, и его сразу отвезли в лимузине на площадку. В 11 часов он уже был на месте. Джерри Стикеллз тут же был атакован одним из ангелов, который ударил его цепью по лицу. Мич, напротив, говорит о доске с торчащими из неё 6–дюймовыми гвоздями. Вся группа вместе с техниками была всё время окружена плотным кольцом Ангелов Ада.

Погода была всё ещё очень ветреная, но дождь заметно утих. На фотографии, сделанной за кулисами немецким фотографом Гернотом Пилцем, Джими и Мич выглядят явно счастливыми, чего нельзя сказать о Билли Коксе.

— Наше выступление перенесли на воскресный полдень, — рассказывает Мич Мичелл. — Мы уже были наслышаны событиями прошедшей ночи, о насилии и разрушениях. Нас подвезли к самой сцене, но когда мы все вылезли из машины, размахивая доской с торчащими из неё 6–дюймовыми гвоздями, к нам прорвался один из ангелов, стоящих группой неподалёку от сцены, и ударил Джерри Стикеллза по голове. К счастью,

обошлось небольшими царапинами, но Джерри это нападение вывело из себя: "Пошли, чем раньше начнём, тем скорее свалим отсюда ко всем чертям".

75

В 12:56 Алексис Корнер объявил выход Джими. К этому времени солнце стало прорываться сквозь тучи и погода заметно успокоилась, хотя ветер был ещё достаточно крепок. Джими встретили криками брани, свистом и возгласами типа, проваливай и убирайся туда, откуда пришёл. Их раздражение было вызвано проведённой в неизвестности этой штормовой ночи. Джими никогда ещё никто так не встречал.

— Мир всем, мир, — обратился он к публике.

Но это ничего не изменило, они продолжали презрительно гудеть. И Джими решил отплатить им тем же:

— Мне неважно, что вы там гудите, мне важно, чтобы вы гудели вместе и в нужном ключе, вашу мать.

Джими попытался исправить положение шуткой, и извинениями за вынужденную отмену вчерашнего концерта из–за непогоды:

— У нас Билли Кокс на басу и Мич Мичелл на барабанах, а ваш покорный слуга на индейском народном инструменте — саксофоне. Мы сыграем для вас, что–нибудь из музыкального и э… мы надеемся на ваше понимание. Ещё прошу прощения за вчерашнее, но мы действительно не смогли бы вчера сыграть и ноты. Для особо нетерпеливых скажу, что мы не смогли бы сыграть вместе, ветер разметал бы нас в разные стороны. Дайте нам минутку настроиться и всё будет хорошо.

Джими подстроил гитару и сыграл вступительные аккорды к Louie, Louie группы The Kingsmen, которые тут же превратились в Killing Floor. И строчка "Мне следовало избавиться от тебя много лет назад", казалось точно выразила его теперешнее состояние. После этого номера прекратилось недовольное гудение, многие заулыбались и начали аплодировать. Джими победил, ему удалось привлечь на свою сторону немецкую публику.

— О, благодарю вас всех. Нам хотелось бы перейти к следующему номеру. Мы часто играли его в прежние времена. У нас там часто взрывались мозги, мы там играли и занимались своими делами, не забывая покурить травки и… Ну, конечно, это… Spanish Castle Magic и она поможет нам возвратиться на Небеса.

После неё пока Джими подстраивал гитару, публика требовала от него Hey Joe.

— Ну, мы её ещё сыграем, да, вы её обязательно услышите, а теперь дайте нам шанс, знаешь, нам бы хотелось посмотреть,

получится ли у нас следующий номер. Нам бы хотелось сыграть одну маленькую вещицу, такую, как например, эту.

И Джими продолжил, играя без перерыва — All Along The Watchtower, Hey Joe и Land Of The New Rising Sun. И снова, Джими только начав, прервался и сказал, обращаясь к слушателям:

76

— Я хотел бы посвятить её всем, живущим в этой прекрасной стране [смеётся], под названием Диснейландия. Это — A Message To Love.

Заметив, что это вызвало замешательство среди слушателей он пояснил:

— Все же побывали там, хоть по одному разу, — сказал он и заиграл Message To Love.

— Всё время с нами ездила одна подруга. Джерри Стикеллз был от неё без ума, да и Эрик Барретт тоже, никто не знает наверняка, что это за чёрт была она. Что за чёрт. Хочу посвятить следующий номер вон той девушке, да, да, сидящей как раз перед вами, с такой большой штукой зажатой между её грудей. Ещё раз благодарю вас всех.

Джими заиграл Foxey Lady. После того как она кончилась, он поменял гитару и взял в руки Гибсон Летящую Ви.

— Мне бы хотелось… сыграть медленный блюз для вас, очень медленный. Один из тех дней.

Пока Джими играл Red House, ветер усилился и сильнее полил дождь. Джими, казалось, ничего не замечал и продолжал играть под дождём. Тем временем публика попыталась укрыться и Джими, подняв голову, обнаружил, что играет для моря пластиковых кульков.

— У меня плохое предчувствие, очень плохое. [смеётся] *Погода нашёптывает нам нечто ужасное.*

Джими играл соло, а дождь усиливался, словно с ненавистью к происходящему. Джими продолжал импровизировать с текстом:

> Way over yonder across the hill,
> Away from those rainy clouds.

И в последней строфе:

> If my baby don't love me here, I know.
> Lord I know good and well,
> The Heaven there knows, [смеётся] her sister will.

Хотя плохая погода и пыталась сорвать его выступление, Джими радовался, что она уняла страсти и драки, потому что все просто стремились укрыться от непогоды. За Ezy Ryder последовала Freedom. Пока Джими менял гитару и прикреплял ремень к своему Стратокастеру Билли Кокс играл соло, за которым последовало продолжительное соло на барабанах Мич Мичелла. Наконец вернулся Джими и всех снова сконцентрировал на A Room Full Of Mirrors. После короткой настройки без предупреждения он погрузился в Purple Haze.

К тому времени как Джими начал свой последний номер, Voodoo Chile Slight Return, впереди возобновилась драка и постепенно дерущиеся всё ближе продвигались к сцене. Джими продолжал играть, но спел только первую строфу, оканчивающуюся словами:

77

'cause I'm a Voodoo Chile,
Lord knows I'm a Voodoo Chile.
Yeah I can't say it right now though.

Это были последние слова, которые Джими спел на публике.

If I don't see you no more in the world,
Well I'll meet you in the next one
And don't be late, don't be late.
Cause I'm a Voodoo Chile.

Джими подошёл к финалу пронзительным соло, сыгранным зубами. Затем, подойдя к микрофону, он произнёс, обращаясь к своим слушателям:

— Спасибо всем вам, прощайте, и мир вам.

Быстро покидая сцену, Джими, Мич и Билли сбились в кучу, окружённые плотным кольцом рабочей группы, и на вертолёте улетели в Гамбург, где уже в аэропорту Фюхлсбюттель пересели на самолёт до Лондона. А тем временем на фестивальной сцене происходило следующее: Ангелы Ада без приглашения поднялись на сцену. Роки, одному из роуди Джими, прострелили ногу в тот момент, когда он демонтировал оборудование.

— Если вы считаете, что фестиваль на острове Уайт окончился беспорядками, вам следовало бы побывать на Фехмарне, — рассказывает Форд Крулл [в то время ему было всего 17 и он, случайно встретив знакомых, нанялся роуди к группе Fotheringay, которые ехали на фестиваль, но проведя

первый день фестиваля его сделали ассистентом стейдж–менеджера всего фестиваля]. — Нам приходилось очень быстро упаковывать оборудование некоторых групп после их выступлений, особенно к концу фестиваля, так как байкеры к этому времени уже совсем обезумели, переворачивали трейлеры и всё такое, они успели поджечь почти все строения до того как вызвали немецкую полицию.

После Джими выступали пионеры немецкого краут–рока Embryo. Их барабанщик, Христиан Бурхард, вспоминает, как им повезло, что они выступали после Джими — настолько он смог поднять настроение слушателей:

— Я смотрел выступление Джими Хендрикса из самой гущи, атмосфера была великолепная, погода отличная, публика была в восторге. По–моему, это шоу Джими было одним из лучших, нам надо было играть сразу после него и что *мы* могли добавить? Но наше выступление оказалось очень удачным, мы играли 45 минут и публика нас встретила очень тепло. Пока мы играли, погода менялась несколько раз и когда солнце выходило из–за туч, появлялось ощущение чего–то особенного в игре на берегу моря.

Сразу после выступления начались проблемы. Нам пришлось спасать наше оборудование от разграбления. Вспоминая те дни, могу сказать, что на концертах воровство было обычным делом, а оборудование стоило дорого. Мы запаниковали, так как дома, в Мюнхене, у нас были запланированы ещё несколько концертов, и мы не смогли бы их сыграть, если бы что–нибудь из оборудования у нас пропало. Мы были так заняты упаковкой нашего оборудования, что даже не обратили никакого внимания на то, что происходило в это время на сцене. На подходе оказалась ещё одна проблема: как получить наш гонорар. За деньгами в вагончик организаторов мы отправили своего гонца, Макса Пакса, а надо сказать он находился почему–то в полукилометре от сцены. Ему дали 150 наличкой (на бензин), на остальные 2 тысячи марок выписали чек. Макс, казалось, всё предвидел и спрятал деньги в носок, а может быть ему посоветовали так поступить, не знаю, тем не менее, он это сделал совсем не зря, тут же выйдя из вагончика, он был обыскан байкерами с ног до головы и так как они были уверены, что найдут их, они их нашли. Все эти столкновения с байкерами, все эти оскорбления и надругательства понизили их статус до псевдо–охранников.

Хорошо помню, когда Limbus 4 (мы с ними были близкими друзьями) и затем Scherben [Rote Steine] взошли на сцену, сцена загорелась. Это был знак: быстро в автобус и уносить ноги отсюда! В тот момент я осознал, что чек тот был простой бумажкой…

— Я не помню от кого я узнал про фестиваль на Фехмарне, — рассказывает Гунни, тогда ему было 20, — но хорошо помню, что у меня оказался в руках красный пропуск ещё до того как я туда приехал, так что мы могли свободно передвигаться. Мы приехали в Бург на автобусе, а затем пошли пешком. Скорее всего это было 3 сентября. Найти дорогу было элементарно, нужно было всего–лишь идти за остальными. Всё кругом выглядело как огромный цыганский табор. Мы шли прямо через фермерские поля. Сначала мы подумали просто перебраться через ограждения, чтобы не платить за вход, но Ангелы Ада, сущие звери, не задумываясь, избивали людей, пытающихся прорваться бесплатно. Увидев, как одного хиппи они били цепями по голове, мы решили купить билеты. Вечером пошёл дождь и уже не прекращался почти всё время. Три дня в сплошной грязи. У нас не было с собой палатки, но к счастью у нас оказалось с собой отличное "приглашение" в один из больших шатров, установленных позади — мы захватили с собой из дома большой мешок травы. Думаю, это был один из шатров, занятых рокерами. Совершенно не помню, как именно нам удалось там устроиться, но наверно это произошло примерно так: "Привет, мы двое парней из Гамбурга и у нас много травы, можно нам здесь переждать дождь?" "Входите, входите, чувствуйте здесь себя как дома…" И у нас не было больше никаких проблем. Я не помню всех групп, но некоторых запомнил хорошо… Алексиса Корнера, Консервированную жару, Кравинкеля… В конце концов мы же пришли увидеть Джими Хендрикса, мы ждали Хендрикса три дня. И когда Джими поднялся на сцену, неожиданно вышло из–за туч солнце. Его выступление не поддаётся никакому описанию, это было нечто неправдоподобное. Мы ещё задержались на некоторое время, думаю, мы хотели послушать Эмбриона, затем сразу же мы свалили.

После Эмбриона одна из местных гамбургских групп, Thrice Mice получила возможность впервые сыграть перед такой колоссальной аудиторией и они сыграли отлично. Как рассказывают, это Алексис Корнер пригласил их сыграть с ним джем.

Затем на сцене появились Floh De Cologne, немецкое бит–кабаре, очевидная халтура, но оставшимся понравилось. (После выступления Джими народ стал паковать вещи и расходиться.)

Затем — Limbus 4, мюнхенский андеграунд.

— Деньги для групп они выдавали в дипломате и не только в марках, но и в американских долларах, — вспоминает Форд Крулл. — Мне приходилось всё время проходить мимо всех, с этими дипломатами набитыми, я даже не мог предположить

сколькими тысячами долларов. Если бы только байкеры знали об этом, они взяли бы штурмом весь офис.

Помню, зайдя в вагончик к The Faces, я пыхнул вместе с ними. У меня с собой была целая унция, они же, думаю, лишились фунта. Я видел их, и Джими, и Мича, и Кокса, они даже не перекинулись между собой ни одним словом. Меня поразила худоба Джими и Мича. Нога Мича была не толще моей руки. В конце концов, байкеры разнюхали, где все деньги. Они начали сновать вокруг офиса. Когда начался бунт, прибыла полиция и между ними началась настоящая перестрелка. В нашем автобусе не осталось ни одного целого стекла и я помогал одному из роуди держать над ним брезент, чтобы им было видно дорогу и одновременно, чтобы дождь не заливал в разбитые окна. Когда мы добрались до гостиницы с той группой, с которой я приехал сюда, Сэнди Денни одарила меня незабываемым поцелуем из благодарности, что я спас весь её реквизит, а ребята предложили мне работать с ними. Она была настоящим ангелом. [Форду было тогда всего 17 лет.]

Последними была группа, называющая себя Rote Steine, которая ничего более из себя не представляла, как зародышная версия знаменитой немецкой группы Ton Steine Scherben. Это было одно из первых их больших выступлений и окончилось всеобщим хаосом. В течение их номера Macht kaputt, was euch kaputt macht (Разрушь всё, что разрушает тебя) начала гореть сцена. Ангелы Ада вместе с рабочими, которым не заплатили за их работу, подожгли сцену. Rote Steine спаслись бегством, и Фестиваль Любви и Мира на острове Фехмарн подошёл к своему логическому концу — он завершился сожжением сцены.

Что это, если не ирония Судьбы, ведь последний концерт Опытов Джими Хендрикса в Штатах, состоявшийся в Денвере в июне 1969 года, тоже завершился бегством музыкантов, когда полиция применила против поклонников Джими слезоточивый газ. И если в Германии обошлось без газа, уровень насилия был не меньше, если даже ещё хуже.

Эти последние гастроли Джими были насыщены совершенно различными проблемами. Дурным предзнаменованием предстоящей трагедии стало последнее официальное появление Джими Хендрикса перед публикой, окончившееся таким, можно сказать, ритуальным сожжением сцены. Сцены, которой Джими посвятил всю свою жизнь.

Глава 5. Последнее интервью

По–прежнему 6 сентября, конец дня

Прибыв в Лондон, Джими не стал возвращаться в Лондонберри из–за неприятного инцидента с Энджи Бёрдон, произошедшего всего чуть больше недели назад. Вместо этого он зарегистрировался в номерах 507/508 гостиницы Камберленд, расположенной недалеко от Марбл–Арк. Билли Кокс поселился в гостинице при аэропорте Аэровейз, но его хрупкое здоровье оставалось на грани.

— Вечером, по возвращении в Лондон, — рассказывает Мич Мичелл, — Билли стало хуже и Джими вместе с Джерри отвезли его к врачу. Они никогда не видели, чтобы паранойя длилась так долго, никто из нас никак не мог взять в толк, чем она могла быть вызвана. Думаю, она месяцами медленно развивалась под давлением популярности.

[Злые языки тут же предположили, что не обошлось без LSD и эта версия, как всегда в таких случаях, оказалась наиболее живучей.]

8 сентября

— В полдень [восьмого сентября] мы с Карен, — рассказывает Кирстен, — отправились в Камберленд, повидаться с Джими. Когда мы вошли в номер, Джими звонил в Аэровейз и сказал нам, что ему надо немедленно туда ехать, потому что Билли полностью невменяем. Мы не отпустили его одного и поехали туда все вместе. С Билли явно было не всё в порядке. Мы взяли его с собой в ресторан Тэндори на Фулхам–Роуд. Мы не стали его оставлять одного, знаешь, он действительно очень странно себя вёл, бедняга, совершенно непредсказуемо и мы подумали, что если он плотно поест, ему станет лучше. Следующие пару дней мы устроили что–то вроде посменного дежурства, и когда кто–нибудь из нас начинал ночью засыпать, он вдруг начинал причитать: "О, Джими, я чувствую, что скоро умру" на что Джими неизменно отвечал: "Никто из нас не собирается умирать." Двое суток проведённых рядом с ним оказались для моих нервов слишком большим напряжением. Эти бесконечные телефонные разговоры… Наконец все решили, что его надо отправлять домой. Джими не слезал с телефона, пытаясь найти нового басиста.

80

Вечером 8 сентября Джими, Карен и Кирстен отправились в Вест–Энд посмотреть фильм Антониони Красная пустыня.

— Мы все, я, Карен и Джими оказались в одном странном небольшом местечке в Вест–Энде, там были такие старомодные кресла, знаешь. Это оказался какой–то старый итальянский совершенно невероятный фильм и Джими был в восторге. Его состояние можно было описать словами: "Я действительно верю во всю эту чушь."

Среда 9 сентября

К среде все пришли к обоюдному решению, что Билли необходимо отправлять домой. Было очевидно, что здесь он не поправится. Все видели, как ему становилось всё хуже и хуже. Друзья отвезли его в аэропорт и посадили на самолёт до Пенсильвании, где его должны были встретить родители.

Четверг 10 сентября

На следующий день Джими пригласил Майк Несмит на свою вечеринку, устраиваемую RCA, по поводу выхода его первого сольного альбома Magnetic South. Майк ушёл из The Monkees ради сольной карьеры и организовал здесь, в Лондоне, свою собственную группу, The First National Band. Вечеринка проходила в гостинице Инн–оф–зе–парк на Гайд–Парк–Корнер. Репортёра, который взял интервью следующим вечером у Джими, звали Кит Альтхем, и он был уверен, что Джими был причастен к организации этой вечеринки.

— Он сказал, — рассказывает Майк Несмит, — "Знаешь, мне нужны новые люди, играющие ритм–и–блюз, я собираюсь написать много нового." Я уже слышал это про него от других, вроде накануне, что–то он кому–то говорил про валторны. И я тогда сказал ему:

— Джими, ты уже изобрёл новый стиль в музыке. Ты же один из сильнейших музыкантов прошедших десятилетий. Ты же для всех нас, как зенит небесного свода, как центр галактики, я хочу сказать, не только в поп–музыке, но для всей музыки в целом.

На что он мне ответил:

— Ну, это… я работаю над своим голосом, учусь петь.

И он вдруг, посмотрел на меня так… по–особенному, как смотрят находящиеся в растерянности, кто не знает как сделать следующий шаг, в каком направлении пойти. Он не мог видеть урагана, он же находился в самом его эпицентре, он и был этим самым ураганом.

Пятница 11 сентября

81

Вечером 11 сентября у себя в номере гостиницы Камберленд Джими дал интервью Киту Альтхему, который тогда работал в журнале Рекорд Миррор. Это интервью было опубликовано 3 октября.

— В номере находились помимо нас ещё три его подружки, — рассказывает Альтхем, — и по телевизору шло шоу Кенни Эверетта Explosion, Джими был в восторге от него и говорил, что ничего подобного не видел прежде. Мы пили Матеус–Розэ и Джими строил планы, куда лучше пойти поужинать этим вечером.

— Поговаривали до и продолжают говорить после фестиваля на острове Уайт о некоем новом, несколько смягчённом и повзрослевшем Джими Хендриксе. Что вы можете сказать по этому поводу и есть ли такому изменению причина?

— Ну, я стал более молчаливым, потому что, как ты знаешь, многое случилось вокруг меня. И… О, не знаю, я честно не знаю. Разве только, думаю, говорить обо мне стали больше и всё такое…

— Это как если бы…

— … как если бы я замолчал на некоторое время. И только, знаешь, давал бы концерты и избегал бы всех. Возможно, тогда бы можно было сказать про меня такое, потому что я был бы уже не я. Но я сам чувствую, что меняюсь, что музыка моя становится всё тяжелее и всё труднее исполнять её трио. Я всегда хотел увеличить состав, но думаю, всё же, вернусь к трио снова и с новым басистом заиграю ещё громче, — смеётся Джими.

— Но то, что было не вернёшь, я хочу сказать, что дни всяких бус, браслетов, немыслимых причёсок похоже уже проходят. Вы не боитесь, что более тихий ваш образ, потеряет мистическое очарование, которое привлекло людей к Джими Хендриксу в начале вашего пути?

83

— Видишь ли, каждый проходит через это… как в первый раз и ты одеваешь все эти наряды, знаешь. А взгляни на другие группы, скажем Mountain, или Cactus, или ещё кто–нибудь, как они западают на всём этом, придумывая всё новое и новое. Волосы их становятся всё длиннее, а их одежда, — смеётся, — их одежда обрастает разными стекляшками и ведь не боятся удавить себя таким количеством бус, цепей и всяким в таком роде. А я… я только играю всё громче, — он снова смеётся, — или что–то вроде этого. Может старею, знаешь ли.

— В одном из ваших интервью я прочитал, что вы никогда не хотели быть э… эффектным.

— Ну, в общем, вы правы, но визуальные эффекты, знаешь, стимулируют восприятие. Я хотел бы, чтобы люди научились слушать. Хотя не знаю, смогут ли они этому научиться когда–либо. Последнее время я начал лучше разбираться в том, что происходит. Я начал понемногу ограничивать себя, стал стричь волосы и обручальные кольца… [смеётся] начали исчезать один за другим [снова смеётся].

— Вы согласны с тем, что, как говорят, вычурный стиль это часть паблисити Джими Хендрикса…?

— Нет! Ни в коем случае! У меня, знаешь… всё, что они сделали из меня, это то, что разрешили мне делать, что я сам хочу сделать, причём своим собственным способом. Так, однажды, я спросил: "Может я сожгу гитару сегодня вечером, я чувствую, что смогу это сделать", [смеётся] знаешь? Или в другой раз предложил разбить её или что–нибудь в этом роде. И они ответили: "Да, да!" И я переспросил: "Вы действительно думаете, что мне следует это сделать?" Они сказали: "О, да, это было бы как раз то, что нужно!" Итак — окей. Итак, мне разрешили и мне оставалось только так себя разозлить, чтобы я смог это сделать, знаешь, на сцене. Но как это происходит, знаешь, не могу сказать. Я никогда не задумывался о сценических эффектах и о всякой там чуши, потому что я, знаешь, я просто одеваю всё это на себя, мне нравится носить разное. Смешно. Я всё ещё поступаю так, но я не вижу, чтобы другие следовали моему примеру. Я просто сам получаю какое–то немое или, скорее, глупое удовольствие от того что поступаю по своему желанию, или это по какой–то непонятной причине? Не знаю.

— А эта злость, она как? Рассеивается?

— О, да, конечно. Такое всегда происходит. Но я не знаю, была ли злость, пока они не скажут мне, что была, ссылаясь на разрушения и всё такое. Но думаю, каждому было бы неплохо иметь такое своё место, где бы он мог всё сломать, знаешь, совсем всё, где он мог бы излить душу. Ну а я для себя нашёл такое место, это сцена [смеётся].

— Теперь, что будет теперь? Я хочу сказать… вы же только что с фестиваля и я слышал, вы говорили ещё до фестиваля, что если бы он действительно вас зацепил, то вы бы продолжали в том же направлении. Скажите, как в итоге вам фестиваль на острове Уайт? Принёс ли он вам удовлетворение?

— Ну, он вызвал во мне смешанные чувства, и одновременно настолько меня смутил, что я… он не оставил мне выбора,

участвовать ли мне в будущем в подобных грандиозных мероприятиях, знаешь, если конечно не считать одного единственного момента, когда я исполнил "Боже храни королеву" — рассмеялся Джими и, спустя пару секунд, пропел: "Если ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду." [рифмуется: God bless the queen — If you know what I mean]

— И… не знаю, дружище, я… я не мог долго собраться с мыслями после этого, знаешь, я мог только делать то, что уже сделал давным–давно. Возможно, мне понравилось просто играть там. Мне было интересно, поймут ли они нас, и к тому же, вполне естественно, я продолжил и постарался собрать всё воедино.

— А Билли Кокс ушёл от вас?

— О, да, вы совершенно правы, он *ушёл* от нас, — рассмеялся Джими.

— И вы собираетесь… во что бы то ни стало найти нового басиста, я вас правильно понял?

— Да, полагаю, что правильно поняли.

— И вы намереваетесь продолжить работать с малыми формами или э… надеетесь создать нечто большее…?

— Не знаю, думаю… буду работать с небольшим составом, трудно решиться, знаешь, выбрать. Мне бы хотелось и то и другое, знаешь. Один коллектив для одних гастролей, другой, впрочем — для других.

— В другом вашем интервью я прочитал, что вы собираетесь давать меньше публичных выступлений.

— Да, верно, я такое говорил. И теперь э… Думаю, будет лучше для всех, если мы будем меньше, знаешь, выступать. Теперь, мы собирались гастролировать по Англии, но, как ты понимаешь, нам определённо нужен другой басист, и…

— Как вы лично чувствуете, не пропало ли желание, я хочу сказать…

— Нет, всё как прежде, мне также не угнаться за своими мыслями, знаешь, со стороны может показаться, что человек взвалил на себя непосильную ношу, потому что он всегда хочет сделать всё в лучшем виде. Знаешь, это как начало всякой идеи, которая никогда не придёт к своему завершению. От некоторых требуется только дать разрешение к действию, тогда как другие должны вынести на себе все тяготы этого действия [смеётся]. Но теперь… не знаю, трудно сказать, что теперь. И чтобы ни… чтобы ни случилось, я… я думаю… у нас снова будет трио для предстоящих гастролей, знаешь, как только найдём другого басиста. Может это покажется дико с моей стороны, но я изменю сценическую сторону, знаешь, всякие там волосы или визуальные штучки, возможно так. Но всё зависит от… знаешь, не знаешь

наверняка, что от тебя хотят люди временами. Я знаю только точно, что буду продолжать начатое и делать только то, что почувствую самым важным в данный момент. Но как и сейчас, я не знаю, я ничего такого не чувствую сейчас, как если бы что–то должно произойти прямо сейчас, чего я не знаю. И я думаю, мне нужно полежать и подумать про всё это.

82

— Чувствуете ли вы некое насилие над собой, этакую тяжесть титула короля гитары, своего рода знака отличия, которым вас наградили люди?

— О, я не знаю, я просто играю громко, вот и всё отличие, — рассмеялся Джими. — Нет, я даже многу сказать, что это нисколько меня не беспокоит. Люди всё время говорят о ком–нибудь, и если бы это тех беспокоило, то никого бы не осталось о ком бы они могли говорить, знаешь. Король гитары, говоришь? Да, видно, это очень весомый знак отличия.

— Кто эти люди, которые я хочу сказать, как вы выразились э… что они представляют из себя, эти Pink Floyd… вы же выразили восхищение Pink Floyd и делом, которое они делают?

— О, они, ну они делают совершенно другу музыку. У них она, назовём, космического типа. Я имею в виду внутренний космос. Знаешь, космос внутри каждого. Но они её осуществляют техническими приёмами, углубляясь в электронику и всё такое.

— Понятно.

85

— Да, именно так, они делают это космическими способами, описывая внутренний космос человека, это как если лежишь на спине и представляешь что–нибудь этакое. Этакое музыкальное самовыражение каждого индивидуума. Это то и ценно. Но я думаю, я бы предпочёл что–нибудь проще, что–нибудь, где есть ритм, твёрдый такой устойчивый ритм, возможно. Да, побольше ритма.

— Создаётся впечатление, что вы разрываетесь между идеей небольшой оркестра э… которая может вас откинуть назад и рок–н–ролльным проектом, в котором вы сможете воплотить ваши музыкальные искания. Является ли для вас сложным выбор между ними?

— Не знаю, думаю, я склоняюсь больше к рок–н–ролльному проекту, ну и каждый проходит через это, а всякие там идеи могут помешать сохранить друзей. Они же могут захотеть вернуться, знаешь, снова поиграть вместе с нами, и это вполне естественно, даже более того, улучшить ритм и привнести, знаешь, свежей музыки.

— Не хотите ли вы сказать…

— Немного э…

— Не хотите ли вы сказать, что для вас естественно будет привлечь органиста, к примеру, или певца…?

— О, это как раз то, о чём я мечтаю.

— … а вы при этом останетесь только как гитарист?

— В точку, именно об этом я и мечтаю. Это как раз то, чем бы мне хотелось заняться. Думаю, две гитары, включая меня, органист и певец, ударные, как всегда, и бас–гитара. Если мне бы удалось подобрать такой коллектив, это было бы замечательно.

— Помню, разговаривая с Алвином Ли из Ten Years After несколько недель назад, он сказал, говоря о вас, что вы никогда не достигните признания вас как поэта–песенника. Не считаете ли вы, что ваше воображение уведёт вас в неизвестном направлении. Я хочу сказать, не боитесь ли вы, что вас не признают как поэта–песенника?

— Ну, это неплохая идея, я подумаю над этим и попробую увязать всё в моей голове. Но я не могу писать о том, чего не чувствую. А это не всегда выходит удачно, знаешь. Я не гонюсь за удачными оборотами, я только обнажаю свои чувства и всего–то [смеётся]. А слова, они такие бледные, они чаще скрывают то, что ты хочешь ими выразить. Когда же ты играешь, ты двигаешься, скачешь по сцене, оголяешь свои нервы и всё такое и они не видят ничего, кроме того, что видят их глаза, знаешь, они забывают слушать своими ушами. Ну я и пытаюсь выразиться в движении, что и является человеческой натурой [смеётся], знаешь ли. Но я испытываю радость, я всё ещё испытываю радость, если мне это удаётся, я имею в виду, если мне удаётся ещё и думать.

— Но вот снова, я не совсем вас…

— Я… я ненавижу забиваться в угол. Я ненавижу быть только гитаристом, или только поэтом, или чечёточником, к примеру, или ещё чем покруче [смеётся]. Мне нравится всего–лишь, знаешь, быть, быть самим собой.

— Как я понял, для вас неважно признание вас поэтом–песенником, так?

— Не знаю, право. Думаю, я бы только лежал тогда бы на спине и только и делал бы, что сочинял песни, если бы у меня, вдруг, отнялись ноги, руки и не мог бы пошевелиться, чтобы выйти на сцену ещё и ещё.

— В одном из интервью вы упомянули, что вам всё равно, что делать, лишь бы расшевелить публику, это верно?

— Истинная правда.

— Теперь скажите, чем бы вы могли ещё, как вы выразились, расшевелить их, кроме как вашей музыкой?

— Не знаю, всё, что мне бы хотелось донести до их сознания, это совсем немного счастья, слишком много тяжёлых песен уже написано и спето. Музыка несёт, знаешь, или по крайней мере уже принесла слишком много тяжести в человеческие сердца, знаешь, доведя людей до состояния, почти невыносимого. Я уже говорил об этом, что когда сгущаются над тобой тучи, всего–то и надо представить себя гелием [смеётся]. Ну а потом…

87

— Где вы сейчас черпаете вдохновение на написание песен, и в каком вы теперь работаете направлении?

— Не знаю. Может быть из моих… недавних *опытов* [смеётся]. Как это у меня получается? Я стараюсь. Я вижу сразу всё в целом, затем сначала беру из конечного результата вторую половину. Или наоборот: сначала первую, затем вторую, в этом вся соль, какую половину взять второй. Сначала ставишь опыт, затем проверяешь его на себе. Мне только нужно пробраться через все эти бесконечные изменения, затем беру карандаш и всё это описываю в стихах, понятно? Но сейчас мне нужно время, чтобы разобраться во всём этом самому [смеётся].

— Не следует ли из всего этого, и из того о чём вы уже говорили в недалёком прошлом, что музыка будет… э… следует…

— Ей следует быть классической…

— Нет, следует поворот колеса… музыка… мы сейчас стоим у конца чего–то и у начала новой ступени, где поп–музыка изменит мир. Или вы не верите в это и считаете, что музыка, наоборот, просто отражает состояние, в котором находится мир?

— Именно так, помимо ре–преломления, но если бы они увидели своё отражение в блюзе, откуда музыка черпает жизненные силы, по крайней мере, некоторая её часть. Затем рассмотреть другую её часть, которая пытается пробиться самостоятельно, но не обязательно это будет музыка солнечных лучей, это будет, знаешь, более лёгкая почти без слов, но многозначная. Тебе не придётся петь о любви всё время, чтобы убедить людей в существовании любви. Тебе не нужно будет эпатировать их словами любви. Но право не знаю, может я слишком сентиментален, раз говорю так [смеётся]. Но минутку! Я же не могу вернуться, по этой же милой причине. Думаю, нет причины, почему это не может произойти.

— Хотели ли вы это сделать лично, я хочу сказать…?

— О, я хотел бы быть участником.

— … было ли у вас желание изменить мир?

88

— Ну, я хотел бы в этом участвовать, но только изменить

нашу реальность, не то что б я знал способ, но хотелось бы, что отношения между поколениями улучшились.

— Какие именно изменения вы хотели бы увидеть?

— О, не знаю, возможно побольше красок на улицах. Я имею в виду [смеётся]… Не знаю, действительно не знаю. Когда что–нибудь происходит, должно что–то произойти, должен перед тобой открыться твой шанс. Когда нет никаких идей, ни новых тенденций, ни новых встреч, и ничего не происходит вокруг тебя, знаешь, или даже нет новых мыслей, должны быть, по крайней мере, перед тобой открыты все двери, должно быть уважение к тебе, как к чему–то новому, и возможно, как, знаешь, к твоему шансу или помощи [смеётся]… человеческой расы или чего–то ни было. Вместо того, чтобы продолжать тащить лямку. И тебе приходится поступать ярко, для того чтобы стать другим. Вырваться из паутины предрассудков. Ты отращиваешь волосы, придумываешь свой язык, чтобы быть в стае, знаешь. А чтобы тебя признало общество, ты стрижёшь их и начинаешь носишь галстук. Так что нам нужно создать нечто третье, ты понимаешь, что я имею в виду [смеётся]?

— То есть, таким людям, как например, [Джон] Себасчен, которые "хотят постараться и изменить мир", правильно я понял?

— Ну, возможно.

— Намерение таких людей, как он, сделать мир более лучшим для жизни.

— Да, неужели?

— Разве вы не хотите того же самого?

— Да, но мир должен измениться внутри каждого, знаешь, человек, в первую очередь, должен изменить самого себя для того чтобы быть самому примером, знаешь, в том, о чём он поёт. Для того чтобы изменился мир, думаю, всё же надо в первую очередь, навести порядок в своей собственной голове, прежде, чем советовать другим [смеётся]… измениться.

— Мне кажется, многие считают вашу музыку в высшей степени э… гневной и…

— О, нет, она вовсе…

— … яростно протестующей против существующего уклада, так что…

— О, в ней нет ни капли протеста, тем более гневного, всё, что в ней есть, если, конечно, у меня получается донести до вас, она не представляет угрозу существующему порядку [смеётся], всё что в ней есть, это блюз. Это всё о чём я пою, о сегодняшнем блюзе.

— Каких вы сами придерживаетесь политических взглядов?

— В действительности никаких. Я готов принять любую сторону, но как вы знаете, каждый в жизни проходит по своей сцене. Если честно, знаешь, всё может выразить музыка и она это делала во все времена. Мы поём, к примеру, "Вперёд, ни шагу назад!", а имеем в виду: "Власть народу, свободу душе, и молодым и старым, и, чёрт побери, длина волос неважна, взаимопонимание наступит тут же" и всякое такое, знаешь ли.

— У вас в Штатах были проблемы с Чёрными Пантерами?

— Проблемы? Нет. Это же только идея, знаешь, множество политических партий вокруг тебя и я стараюсь обойти их стороной, потому что… для меня они равносильны замкнутым пространствам, знаешь. И я бы, я бы скорее хотел, знаешь… если и есть мне что сказать людям, то это не такая скудная мысль как эта, а…

— Саботировали ли Чёрные Пантеры ваши концерты?

— Ну, в общем они призывали нас, было такое, более того, мне было лестно, что они обратились к нам за помощью, но участвовать в их акциях — никогда, мы ничего такого не делали, а Майк Джеффери, он очень тактично отводил их от нас, и я не знаю, что бы могло произойти в худшем случае.

— Если теперь оглянуться назад на Hey Joe, к примеру, что вы можете сказать о ней в музыкальном плане?

— О, я думаю с ней всё в порядке [смеётся], думаю, знаешь, мне не о чем сожалеть, что я мог упустить, с кем мог не встретиться или ещё что–нибудь. А музыка, думаю, она стара как мир. Не вижу, чтобы она менялась по моей воле, я только слежу за изменениями сам.

— Как я понимаю… все приписывают вам изобретение психоделической музыки.

— [смеётся]… Ну да, конечно, изобретение сумасшедшего учёного!

— Что вы скажете на это, я хочу сказать, не думаете ли вы, что это преувеличение так говорить, я имею в виду о вашем раннем творчестве или же…

— В психоделическом ключе?

— … это можно сказать о вашей нынешней музыке?

— Это совершенно неверно, я не могу лгать. "А вы ставите опыты? "… однажды я услышал вопрос, обращённый ко мне, который теперь, знаешь, приписывают мне, считая именно это началом психоделии. Когда я услышал такое про себя, я подумал: "Чёрт, интересно, чем я думал, когда сочинял её?" Но… я не считаю её психоделической, я просто задал тогда вопрос, много вопросов…

— Но я хочу сказать, такие как Purple Haze, к примеру, имеют все признаки психоделических снов, ведь так, да? Или нет?

— Я бы сказал даже больше, грусть — это как удар сердца, она несёт счастье, там есть слова… чёрт побери, минуточку, не перебивай, "Прости, сейчас вернусь, я только… [поцелую небо]"… помнишь, что я там собирался сделать, а? Во–вторых чувствуешь себя, как если бы побывал в другом измерении и всё такое, как делает любой любопытный, и я всего лишь воплотил эти ощущения в Purple Haze. Но я пишу в те моменты, когда реальность сталкивается с фантазией. Тебе надо фантазировать, чтобы описать реальность со всех сторон, чтобы создать объёмность бытия. Это долгий процесс, очень долгий, длиною во всю жизнь, разве я не говорил об этом прежде? Вот так то.

— Как я понял, вы не считаете себя психоделическом поэтом, верно?

— Ну, я… думаю, может быть даже в большей степени, кем–то ещё. Я пытаюсь больше вложить в нечто другое, знаешь, где реальность — ничто по сравнению со способами мышления каждого индивидуума. А затем Общество и Государство отхватывают от этого себе огромный кусок, и Церковь тоже не отстаёт.

— Как именно много…?

— Ну…

— О, извините, я продолжу.

— Да, да, продолжайте.

— Я хочу сказать, как именно много там из того…

— Вы хотите сказать, что…

— … что сделали Опыты Джими Хендрикса, или это были Билли Кокс с Мич Мичеллом, я хочу сказать…

— В психоделическом смысле?

— Об альбомах и записях, которые мы скоро увидим, в каком стиле будет ваш следующий альбом, я хотел бы спросить.

— Ну, думаю, мы назовём его "Горизонт". "Между здесь и горизонтом" или как–нибудь в таком же роде, знаешь. И темой его будет что–то похожее на Room Full Of Mirrors, но ещё с большим интеллектуальным беспорядком, чем даже можно себе представить. Об осколках стекла не только в моей голове, но и разбросанных вокруг меня. И э… там будет ещё одна э… я уже говорил об этом, о, ещё одна, Astro Man, рассказ о жизни в гармонии с самим собой. Ты почувствуешь как и свои атомы, так и атомы окружающего тебя мира. И, э… и Valleys Of Neptune Arising. Но это разве психоделия? Я даже не знаю, что оно означает. Что это, как… как не то, что ты называешь одним, а

означает это совершенно другое? Или ты находишь три совершенно различных значения одного слова? И каким тогда значением этого слова это описать?

— Думаю для многих психоделия неразрывно связана с LSD.

— Что вы понимаете под LSD? Не считаешь ли его способом познания?

— Скорее сном.

— О, в точку! О, да, дай им немного сновидений, без них они по–прежнему просто не смогут ничего не услышать, потому что заняты своими перепадами настроения. Ну, а сновидения отражают их настроения. Как видишь, ничего кроме настроения и ещё раз настроения [смеётся].

92

— Вы… ещё совсем недавно упоминали э… ваша музыка, ваш следующий альбом, вроде бы навеян творчеством таких великанов, как…

— Иоганн Штраус.

— …Вагнер.

— О, знаю, знаю, этот — настоящий кошак.

— И ещё как [Рихард] Штраус, полагаю.

— Ну, думаю, всё идёт своим чередом. Зрелость, она приходит с годами. И в духовном плане, и, знаешь, в моей голове, она всегда здесь, и со временем становится всё искуснее и искуснее. В один из таких дней, я однажды это осознал. Но когда она запаздывает, думаю, остаётся только поднажать, нужно просто чуть больше времени [смеётся]. У нас есть небольшая вещь, вроде Болеро, знаешь, очень даже миленькая, но она съезжает на очень примитивные стандарты, знаешь, задавая один единственный вопрос, вроде, откуда ты или куда ты направляешься. Ну и ответ соответствующий, как если бы спросили у маленькой девочки. Но совсем не такую музыку, приводящую в движение большие массы, я хочу делать, знаешь ли.

— Не хотите ли вы попробовать писать симфонии, или привлечь к участию симфонические оркестры, или что–либо в этом роде.

— О, да, конечно, но мне нужно идти своим путём, потому что я всегда хотел, чтобы уважали моё собственное суждение и мои взгляды на происходящее. Поэтому мне приходится бороться за… своё собственное время, если я углублюсь в это. И если я приду к окончательному решению, весь мир об этом немедленно узнает.

— Я хочу сказать, что э… газеты полны слухами об этом вашем желании.

— Да, верно! Слишком много уделено внимания, такому маленькому желанию, как это, не правда ли?

— Но многие журналисты… которые пишут о вас или выступают по телевидению и радио… даже не имели никакого отношения к вам, я хотел сказать.

— В личном плане, вы хотите сказать?

93

— Если вы пойдёте навстречу им… они тоже сделают шаг вам навстречу. И как классические музыканты…

— О, вижу, к чему вы клоните. Ну, я не планировал работать над таким материалом. У меня была идея поработать с… если только у меня будет лишнее время, то тогда, конечно, обязательно, как только, так… ведь каждый шаг, знаешь, связывает прошлое с будущим, если ты, конечно, понимаешь о чём я говорю, верно?

— Да.

— Вот почему наша музыка везде и чуть впереди. Я имею в виду техническую её сторону [смеётся]. Но я хочу сказать, что вовсе не планирую работать только с большим симфоническим оркестром, где 90 музыкантов будут играть на протяжении двух с половиной часов классическую музыку. Не этого я хочу, я планирую связать воедино и рок, и классическую музыку, чтобы они даже не… даже не осознавали, что делают рок–н–классику со сложной внутренней структурой тем.

— Вы также упоминали о важности взаимодействия звучания с визуальным восприятием и хотели заснять вашу музыку на киноплёнку. Вы говорили о том дне, когда сможете вставить кассету в ваш телевизор и проиграть одновременно и музыку, и изображение.

— Верно, я часто думаю, что наступит тот день, когда это станет возможным, и много народу на этом наживутся, много больше, чем сейчас и когда такие аппараты появятся в домах, людям понадобится выделить для них дополнительное пространство в своих жилищах. Появятся целые комнаты для просмотра таких аудио–видео записей. И вместо того, чтобы идти куда–то, ты просто ложишься перед экраном на диван и наблюдаешь, как расцветают цветы под звуки музыки. Ну, это будет вроде комнаты для приведения своих нервов в порядок, где ты уединяешься, или комнаты для чаепития, где ты принимаешь гостей. Ну а в ней ты сможешь настраивать свои нервы на музыкальный лад. И всего–то надо будет только записать кассету, а потом её вставить в телевизор. Ты окружишь себя любимыми звёздами и концертная сцена придёт в твой дом. И если мы когда–нибудь будем выступать с нашим новым коллективом, то

уж это будет определённо, знаешь, аудио–видео. И если к этому ещё добавить не менее пяти тысяч зрителей, потому что мы будем выступать в огромной чаше накрытой сферическим куполом, где всем будет прекрасно всё слышно и видно. Возможно потребуется неделя, чтобы добраться до города, поездом или ещё как. Поездом, а потом ещё день или два, или даже три, чтобы разместить всё по своим местам. Затем даёшь представление на протяжении следующих трёх дней для всех этих замечательных людей, пришедших на твой концерт. И мне думается, это будет настоящая бомба. Затем ты выходишь на сцену и все получают от всего этого огромное удовольствие, вместо того, чтобы тебя заслоняла стена из усилителей.

94

— Не думаете ли вы, также как и многие другие, что фестиваль на острове Уайт окажется последним из грандиозных фестивалей?

— Не понимаю, почему все пытаются убить идею фестивалей, я хочу сказать, если они не собираются принять их, как это они всегда делают. Фестиваль на острове Уайт — великое событие, знаешь, этакая людская мельница, принимающая людей такими какими они есть, и в особенности тем, что отличает остров Уайт — отсутствием языкового барьера, знаешь. И единственная неприятность, которую ты можешь испытать будучи на фестивалях такого рода исходит не от людей как таковых, а от тех, кто не может понять идею смешения разных национальностей, знаешь, во имя музыки, мира и любви. И, знаешь, это совсем другое, не то что было во время Второй Мировой войны. Тогда эти же нации противостояли друг другу. Теперь же мы объединим всех их идеей музыки, знаешь.

— Разве не оказывается сейчас, что военных группировок, политически настроенных групп людей притягивают такие фестивали? К примеру, мао–настроенных французов?

95

— Все эти, все эти новые, все эти новые цивилизации, знаешь, к которым ты стараешься приобщиться или которые на твоих глазах расцветают. Все эти цивилизации со своими военными, полицейским аппаратом и правительством и всем тем, что они называют политикой, они далеки от реальности. Знаешь, стоит взять тебе только лучшее от их политических взглядов, их религий, или их национального сознания. Возьми самое лучшее и затем ты сам, а мы тем временем позаботимся, чтобы трава на пастбищах [на которых проходят наши фестивали] была сочная и прямо сейчас, знаешь [смеётся].

— Но я имею в виду, что люди, которые прибыли на

фестиваль на острове Уайт и требовали чтобы э… музыка была даром и чтобы такие фестивали…

— О, да, они узнали это из газет. Они всё узнают из газет. Но в газетах этого не было, как все узнали о Монтерее? Они не делали всей этой шумихи с Монтереем. Смотри, вот фестивали, не нужно э… беспокоиться о том как собрать народ. Это висит в воздухе, его огромное эго. "500 тысяч. О, вау! Здорово!" Ну и с… с пятьюстами тысячами, это же больше чем средний город… например, в Англии. И в каждом из них, в каждом во всём мире всегда есть и бандиты и небезопасные улицы или их, так называемые, трущобы, знаешь. Итак, ты собирал эти 500 тысяч. Это же целый город перед тобой! Знаешь. Ну и незваных гостей полно. Знаешь, все стороны жизни перед тобой. Всё что есть на земле… Это всё от людей. И если они действительно хотят чтобы это произошло, это происходит. Если не захотят — им самим придётся добывать себе музыку. Но видишь ли, работая в залах, тебе не удастся охватить их всех, понимаешь, а? Помнишь наши выступления у Эпштайна в его театре? Там нет столько слушателей, знаешь, ты сидишь где–нибудь в углу и только и делаешь, что…

— Но вы не считаете, что при таких громадных стечениях людей музыка может привести к несчастным случаям, когда все эти 500 тысяч…

— Да! Так оно и есть!

— … захотят увидеть вас и, возможно, они не смогут даже услышать вашу игру.

— Именно так, ну смотри, вот, я как раз про это хочу сказать. Не только одна музыка, хотя и это тоже, я имею в виду человека искусства, людей искусства, их громкие имена, всё это привлекает людей. Но в целом идея… заключена в общении людей, их взаимодействии, знаешь, знакомстве, встрече различных менталитетов. Это же потрясающе интересно. Именно из–за этого и нужны фестивали, нужны не только ради одной музыки, нужны не только театры, ярмарки, цирк и всё такое.

— Шоу–бизнес, одним словом.

— Да, именно так, свободная Дания! Шлёп, шлёп! [смеётся, вспоминая морских котиков, работавших на разогреве на одном из концертов].

— А теперь, что скажете о входной плате на концерты? Помню, вы говорили о подростках, как для них дороги билеты на ваши концерты в Штатах. Но с другой стороны разве в организации большинства концертов в Штатах вы сами не принимали участия и я было подумал, что вы могли бы также и

контролировать цены на билеты сами?

— Нет, вовсе всё не так, потому что это всё не так просто, никто сам не занимается организацией своих концертов. Можно сказать, моё имя само по себе участвует в организации, но не я сам… это всё, что от меня требуется. Они объяснят тебе, что эти цены должны покрыть расходы на всё остальное, знаешь. Они начинают мне объяснять, знаешь, я не всегда даже понимаю, что они хотят мне объяснить, в самом деле.

— Нет, я хочу сказать, уверены ли вы, что вы можете повернуться и сказать, к примеру, заряжайте по шесть долларов и ни центом больше или я не буду Джими Хендриксом, если стану играть?

— Ну, сказать я всё могу, но видишь ли, все эти контракты, там же стоит твоя подпись и ты уже дал им своё согласие и невзирая на то, как много они заряжают, невзирая на то, как много они могут зарядить, а чаще у тебя просто нет времени вникнуть во все их дела. Всё что иногда успеваешь, это выразить своё мнение об этом и понадеяться, что в следующий раз будет лучше, знаешь. Думаю именно поэтому, они организовали гастроли по Англии и вот почему они так долго возились с этим — необходимо было договориться о цене, чтобы не было ничего лишнего… знаешь, между нами и устроителями. Знаешь, это всегда большая морока.

— Что бы вы сказали, я хочу сказать, что бы вы сказали о разумном гонораре для вас за концерт, скажем, к примеру, с участием 10 тысяч слушателей?

— Сколько мне заплатят или сколько будут стоить билеты, вы хотите спросить?

— На какую разумную суммы вы рассчитываете с учётом группы из трёх человек?

— Гм, говорите 10 тысяч? О, не знаю, довольно трудно сказать это, хотя, я, я бы сказал, как много может быть тех кто сможет заплатить.

— И сколько же это может быть?

— Можно говорить о полутора долларах, я полагаю.

— А если в английских деньгах, тогда как?

— Ах да, полтора доллара это…

— Около 7 шиллингов.

— Да, думаю 6 шиллингов. Сколько они обычно платят здесь? Сколько она готовы заплатить здесь, чтобы сходить на концерт?

— Ну, я думаю, это зависит от места, я хочу сказать, что…

— О, верно. Ну и какая самая большая, неужели поднимут до двенадцати?

— 2 фунта или 3 фунта.

— О, ну, это глупо. Нет, думаю, всё же меньше десяти. Думаю, им не стоит поднимать цену выше десяти шиллингов. Потому что это музыка и они заплатят вдвойне, а то и втройне, поскольку купят ещё пластинку.

— А что вы думаете о концепции бесплатной музыки? Я имею в виду концепцию бесплатных концертов?

— О, это мне нравится, это действительно очень привлекательная идея.

— Но как, по–вашему, её осуществить, сможете ли вы тогда играть при таких условиях?

— Мы сможем, нет причин не смочь. Нам бы только собрать достаточно, чтобы мы смогли доехать от одного города до другого, знаешь, со всем нашим грузом. Потому что у нас достаточно времени, знаешь, на это, без ажиотажа. Видишь ли, иногда сами музыканты, я имею в виду оборотную сторону этого бизнеса, знаешь, они заставляют тебя нервничать, создавая суету вокруг себя и у тебя даже нет возможности среагировать на всё это. Но мы могли бы, и не вижу причин, почему мы не смогли бы дать здесь бесплатный концерт. Но нам бы, знаешь, нам бы достать, нам была бы нужна куча денег, если нам всем вместе придётся платить за всё, скажем, аренду залов. Если у нас будет достаточно денег, чтобы мы смогли… собрать, э… столько людей, чтобы всем вместе заплатить за аренду, за наши перевозки… за наши гостиницы [смеётся], так между прочим. Всё это выльется в большую сумму. За всё, что они должны заплатить так это за билеты и по минимальной цене, и чтобы им это почти бесплатно, должны быть дотации на всё это.

— Ну а лично вам хватает ли на то, чтобы жить комфортно, без поиска дополнительного заработка, работая только на сцене?

— Э, я так не думаю, не так я хотел бы жить. Я бы, просыпаясь утром, скатывался бы прямо с моей постели в бассейн, затем подплывал бы к столику с завтраком, знаешь, выходил бы в сад, может быть выпивал бы апельсинового соку или что–нибудь в том же роде. Затем снова прыгал бы со стула прямо в бассейн, плавал бы там и знаешь, шёл бы бриться и всё такое.

— Вы хотите жить только комфортом и жить только в роскоши?

— Нет, разве это роскошь? Я мечтаю о палатке, может быть [смеётся], на выступе у горного ручья [смеётся].

Глава 6. Последние дни

Суббота 12 сентября

99

В субботу из Америки позвонила Девон, похоже, до неё дошли слухи, что в Лондоне Джими встретила Кирстен Нефер, и она хотела узнать у Джими, в чём дело, что происходит за её спиной. Джими терпеть не мог выяснять отношения и стал успокаивать её по телефону, что ещё больше распалило Девон и она решила лететь в Лондон, чтобы всё увидеть своими глазами. Она прилетела вместе с Аланом Дугласом и его женой, Стеллой, и все остановились в гостинице Лондонберри.

— Я слышала весь их разговор, — рассказывает Кирстен, — она была очень груба с ним, думаю, до Нью–Йорка дошли слухи, что Джими встречается, знаешь, с какой–то датской моделью, и видно она полезла в бутылку, раз он сказал ей: "Слушай, Девон, отстань, ради Христа" и когда она прилетела в Лондон, она, знаешь, устроила ему скандал, я была при этом, сидела прямо рядом с ним, я не смогла вынести это, встала и ушла. Я только слышала, как он говорил ей: "Девон, отстань, я не хочу знать тебя, от тебя только ссоры да склоки, я устал от тебя, знаешь, я ухожу."

Воскресенье 13 сентября

100

На следующий день, 13 сентября, прилетел в Лондон Майк Джеффери. Уже год как он не был соменеджером Джими Час Чандлеру, бывшему басисту The Animals, чьим менеджером он тоже был в своё время. Чандлер спродюсировал наиболее известные пластинки Джими, но теперь он удалился в тень. Майк Джеффери был проездом до Пальмы, где у него был свой ночной клуб под названием Сержант Пеппер. Воспользовавшись ситуацией, он зашёл в контору Трэк–Рекордс к Дэнни Халперну на Олд–Комтон–Стрит в Сохо, в надежде найти следы Джими. Его заботила предстоящая встреча с Эдом Чалпиным и его адвокатами. Ещё в Нью–Йорке в октябре 1965 года Чалпин заключил с Джими трёхгодичный контракт за 11 месяцев до заключения контракта с Трэк–Рекордс и на основании этого тот подал в Верховный Суд иск против Джими и Трэк–Рекордс. Слушание этого дела было назначено на следующую неделю и предстоящий судебный процесс не мог не осесть тяжестью в сознании Джими.

У Джими был запланирован на 13 число концерт в роттердамском Де Доелене, но его пришлось отменить из–за отсутствия бас–гитариста. Джерри Стикеллз уже звонил в Нью–Йорк Ноэлу Реддингу, поинтересоваться не сможет ли он выручить Джими и отыграть с ним остаток гастролей. Ноэл согласился, но по каким–то причинам так и не прилетел в Лондон. Другим кандидатом на заполнение бреши стал Рик Греч, бывший участник групп Family и Blind Fair. Он ещё успевал спасти концерты в Париже и в Вене и на Поп–Блюзовом фестивале в Эссене, проводимом в Гругахаллене, но и он был вынужден отказаться.

Вечером приехала навестить Джими в Камберленд Кирстен Нефер:

— Я поднялась к нему в номер, там было полно народу, но кроме Энджи я никого не знала. Мне нужно было этим же вечером вернуться назад. Джордж Лазенби отпустил меня только до воскресенья.

— Позвони ему и скажи ему: "Знаешь, сегодня же воскресенье, у всех уикенд", — сказал мне Джими. И добавил: "Сегодня ты никуда не поедешь."

Ну я и позвонила тут же Джорджу и сказала, что буду только утром в понедельник. Тогда он начал сходить с ума и всё такое. Тогда я пообещала, что обязательно приеду утром, но он стал

кричать в трубку: "Ты — ничто для него, ты просто грязная группи!" Все в комнате слышали, как он это кричал и Джими завёлся:

101

— Ты никогда больше не будешь работать на этого подонка! Я тебе не разрешаю ехать к нему.

Он был в ярости. Я попыталась объяснить Джими, что мне нужно обязательно быть там, что это моя работа, что я уже полгода работаю над этим фильмом с Джорджем. В конце концов Джими успокоился и согласился с тем, что мне надо будет уехать.

Понедельник 14 сентября

В понедельник Кирстен уехала от Джими. Больше она его никогда не видела.

— Я проснулась, тихо встала и ушла, так это было. Джими попросил позвонить ему вечером, я звонила, но не застала его, только оставила сообщение.

Тому многие свидетелем, что Джими провёл часть вечера в доме у Дэбби Туми, его знакомой американки, на Лимерстон–Стрит в Фулхеме. Там Джими подстриг и сделал ему перманент старый его приятель, всем известный под именем Финни.

Алан Дуглас, остановившийся со своей женой Стеллой и Девон Вильсон в Лондоне у поп–импресарио Дэнни Секунда, утверждает, что весь вечер понедельника Джими провёл в доме у Секунды. Алан заявляет, что они проговорили почти всю ночь, обсуждая карьеру Джими и предстоящие проекты.

Вторник 15 сентября

Ранним утром Джими проводил Дугласа в аэропорт, так как тому необходимо было срочно возвращаться в Нью–Йорк.

— Джими впрыгнул ко мне в такси и мы проговорили с ним всю дорогу до аэропорта, он хотел поговорить со мной наедине, — сказал Дуглас.

Журналист, а теперь считающий себя ещё и биографом Хендрикса, Кит Альтхем, настаивает, что Дуглас уехал один, оставив Джими в постели с Девон и Стелой [sic!? Ни есть его роль подобной роли Ди Мичелл?].

Кирстен снова пыталась дозвониться до Джими, но ей сказали, что его не было в номере всю ночь.

Могло показаться, что мысли его были заняты в это время спором между звукозаписывающими кампаниями, Ed Chalpin/ Capitol и Mike Jeffries/Reprise, но теперь уже на европейской территории, также как это было недавно на американском рынке. Спором, который мог бы завершиться судебным разбирательством. Эд Чалпин прилетел в Лондон по просьбе Джими и его английских представителей:

— Я хорошо помню, — пишет Куртис Найт, — как Эд говорил мне перед Лондоном, что надеется прийти к соглашению без судебной волокиты. В любом случае, за два дня до смерти, Джими должен был встретиться с адвокатами противной стороны. Но на встречу он не явился. Выйдя из отеля Камберленд, где был зарегистрирован, он отправился к Монике. Но по пути исчез в маленькой квартирке где–то в районе Фулхем–Роуд [Рэдклифф–Гарденс, Фулхем].

Лоррейн Джеймс, 21–летняя девушка, работающая в Челси–Драгстор, рассказала Куртису Найту [стр.165], как он появился на пороге её дома:

— Он явно здорово обкурился, в руках у него был большой пакет с травой. Он был в ужасном состоянии, нервы на пределе. Он надолго засел в телефонной будке рядом с домом и всё время кому–то звонил. То он говорил надменно, свысока, то мямлил о каких–то спонсорах и деньгах. У меня гостили две подруги из Америки и Джими прокувыркался с ними всю ночь до 5 утра. Затем мы все отправились в Ноттинг–Хилл развлечься и покурить травки в Западном Лондоне. У Джими полностью съехала крыша. Мы встретили одного парня, так он настолько накачался наркотиками, что прыгнул в пролёт лестницы, и мы отправили его в больницу со сломанной ногой. Похоже, от этого Джими ещё более поплохело, он стал носиться кругами и вопить что–то

нечленораздельное.

— Я была тогда в Лондоне проездом, спешила домой в Лос–Анжелес на работу, — рассказывает Шарон Лоренс. — Джими отыскал меня и стал мне рассказывать, какое он давление испытывает от так называемых "друзей". Он был взвинчен и никак не мог успокоиться. "Я не могу спать. Я не могу сосредоточиться, чтобы писать." Всё ему мешало. Все стояли на его пути. Он перестал отвечать на телефонные звонки и отменил сам для себя все встречи. Раньше такое редко с ним случалось, теперь же постоянно он стал кидаться мебелью в гостиничных номерах.

Моника Даннеманн утверждает своё:

102

— Я заехала за ним в 5:30 вечера и мы вернулись в гостиницу Самарканд. Мне позвонила Альвиния Бриджес и сказала, вечером в Ронни Скоттс будет играть Эрик Бёрдон и я решила пригласить Джими сходить послушать его вдвоём. Он согласился. Так мы пришли в клуб. Но Эрик должен был выступать позднее, а Джими не захотел так долго ждать. Мы посидели минут 45, затем Джими сказал: "Всё, пошли." Мы ушли так и не дождавшись выступления группы. Джими зашёл за кулисы поболтать с ними. Они договорились сыграть вместе джем на следующий вечер. Затем мы вернулись ко мне в Самарканд, где провели остаток вечера.

Эрик Бёрдон вписался на всю неделю, начиная с понедельника 14–го играть в джаз–клубе Ронни Скотта на 5–й Стрит со своей новой группой War.

Бывший Animals гастрольный менеджер, а теперь работающий с War, Терри Пилюля МакВей был категорически против, чтобы Джими играл с ними. Он сказал, что Джими находится в совершенно разобранном состоянии. Позже ребята из War, все в один голос подтвердили, что Джими выглядел тогда полным "торчком".

103

— Я пришла к Ронни Скотту посмотреть Эрика Бёрдона, — рассказывает Шарон Лоренс, — это одно из самых любимых его мест. Я сидела в баре, пила с друзьями. Джими двигался как слепой, понадобилась целая вечность, чтобы он понял кто я. Он был ужасно бледен и в его карих глазах виделись страх и напряжение.

— Я почти мёртв, — с трудом выговаривая слова, произнёс он.

В своей книге, "Иногда я бывал зверем", Эрик Бёрдон комментирует состояние Джими, когда тот пришёл в клуб так:

"Вошёл Джими, он был никакой. С ним была его гитара, но его сильно трясло, чтобы играть, ну я и сказал ему, чтобы

приходил завтра вечером. Ушёл он, уводимый Моникой Даннеманн, очередной своей подружкой."

По–видимому, они вместе вернулись в Самарканд, где и провели ночь.

В беседе с Куртисом Найтом Эрик рассказал:

— Я думал, что он засел в своём отеле, ничего не делая и ни с кем не общаясь. Похоже, он был на грани. За всё время я увидел его только в понедельник к вечеру: хочет поиграть с нами. Мы там нанялись на неделю играть, заявляется в тот понедельник — никакой, не знаю, чем он там так качался. Я подумал, что может быть это smack, но скорее всего, просто мадракс или что–то вроде. Он не выглядел сошедшим с вершины мира, скорее я бы сказал, вылезшим с помойки, так ведь, а? Говорит: "Хочу поджемовать". Я говорю: "Хорошо, приходи завтра вечером. Знаешь, накинь пиджак, не забудь гитару, будешь умницей — сыграем отличный джем". Он в ответ: "Всё, понял, ты совершенно прав". И он сделал это. В среду вечером входит в клуб безукоризненно чистый, прямо как из магазина. Вынимает свой томагавк и начинает играть. Думаю, это был последний раз, когда он играл.

Когда кончили, говорю: "А знаешь, мы неплохо сыгрались". На что он отвечает: "Е-е, О.К." Сказал и исчез, со своими группиз. Вот таким мне он и запомнился, каким я видел его в последний раз: утонувшим в группиз, только махнул рукой на прощанье.

Среда 16 сентября

Следующий день, по общему мнению, выдался для Джими напряжённым. Памятуя смерть Джими, очень многие стали утверждать, что виделись с ним в этот день.

На этой неделе прилетел из Нью–Йорка в Лондон Генри Штайнгартен, адвокат Джими, чтобы обсудить претензии Дианы Карпентер к Джими на отцовство её дочери Тамики–Джеймс–Лоренс Карпентер и он хотел с ним встретиться. Также из Нью–Йорка в Лондон прилетел Эд Чалпин и должен был встретиться с Джими в этот день, чтобы обсудить предстоящее судебное разбирательство в деле Чалпин против Трэк- и Полидор–Рекордс. Но Джими так и не встретился ни с тем, ни с другим.

Однако Час Чандлер заявляет, что Джими заявился к нему домой без приглашения на Аппер–Беркли–Стрит вечером 16–го:

— Вошёл ко мне, на нём лица нет. Просто позвонил в дверь, ни предварительного звонка по телефону, ничего, уселся в кресло и сказал, что хочет, чтобы я обязательно послушал музыку, которую он записал специально для меня, что он уже год или около того редко бывал на студии и что он сожалеет, что затормозился и умолял меня снова стать его продюсером. Помнится, что это был вечер среды, так как я уже спланировал уикенд и собирал вещи, чтобы поехать на Северо–Восток увидеться со своей семьёй. И я сказал ему, что уезжаю в пятницу рано утром. На что он мне ответил: "Хорошо… утром в пятницу полечу в Нью–Йорк и привезу все 24–каналки в Англию." Он сказал также, что хочет записываться на студии Олимпик, где сделаны 90% его прошлых работ. Он хочет снова работать там, так как чувствует, что только там он сможет сделать всё правильно.

104

Скорее всего Чандлер ошибается. Он уже заявлял об этом разговоре репортёрам в марте, когда Джими неожиданно самостоятельно прилетел в Лондон. Также упорно ходят слухи о некоей записи, сделанной на автоответчике Чандлера, следующего содержания: "Мне очень нужна твоя помощь, дружище." Но её быть не могло по одной простой причине: не было у Чандлера в то время никакого автоответчика.

Тем временем в Лондон сыграть своей единственный в Англии концерт в лондонском Лицеум–Боллрум на Стрэнд–Стрит в 8 вечера 16–го приехали Sly And The Family Stone. Эрик Клаптон утверждает, что видел на концерте Джими, но не говорил с ним:

— Я предполагал, что увижу его в Лицеуме, что он придёт

посмотреть на Слая Стоуна. Со мной был переделанный под левую руку Стратокастер. Я его только–что нашёл, думаю, купил я его в Ориндж–Мюзик. Я прежде никогда не встречал эту гитару и хотел подарить её ему. Он сидел в той секции, я сидел с другой стороны, я его видел, но я не мог… мы так и не встретились. А на следующий день, он, вэк! — и его нет уже, так и остался тот Страт у меня.

У Моники Даннеманн совершенно другое мнение о том дне:

— Мы провели весь день вместе. Мы зашли к нему в номер в Камберленде за письмами и за его гитарой, вечером он собирался сыграть джем с Эриком Бёрдоном и его War. Мы вернулись в Самарканд, где я написала открытку моему брату, Клаусу–Петеру. Джими также приписал туда несколько слов. Вечером мы отправились на квартиру Пэт Хартли в 16 по Элвастер–Плейс в Кенсингтоне, где Джуди Вонг справляла свой день рождения. Альвиния Бриджес была там и много другого всякого народу. Мы не стали надолго там задерживаться, может полчаса, не более. Затем мы отправились к Ронни Скотту.

105

Джуди Вонг подтвердила, что Джими заходил поздравить её, но это было не вечером, как утверждает Моника, а днём:

— Я только что разъехалась с Гленом и потому что Альвиния была моей подругой, она спросила Пэт могу ли я пожить у них, у Пэт и Дика Фонтейна, некоторое время на Элвастон–Плейс. Так я и жила в их комнате. Сами они были далеко, на Гавайах, у них были какие–то дела там, связанные со съёмками Rainbow Bridge. У меня 16–го день рождения, я всё ещё жила там, в этой огромной квартире, я разве не сказала, что это была чудовищно громадная квартира и там жило уйма народу. Там жила и Аманда Лир, модель, и один певец по имени Грэм Белл, и Альвиния Бриджес, и дизайнер Джонни Моук, и писатель Эндрю Кокбурн, каждый жил в своей комнате. Там всё время тусовались какие–то люди, да и я там нашла себе тогда убежище. Они все устроили мне что–то вроде дневного чаепития с поздравлениями, многие принесли сандвичи, пирожные — Моника принесла, и Энджи, и моя подруга Дженни Чэпмен. Джими спел для меня Happy Birthday и нежно поцеловал в щёчку. Мы все стояли, когда он сказал: "Знаешь, а мы с Моникой решили пожениться." На что я ответила: "Неужели? Вот, здорово!" Я не знаю, были ли у него эти намерения, я только говорю то, что он мне сказал. После этого мы все, или может чуть позже, собрались к Ронни Скотту, где вечером должен был играть Эрик со своей новой группой. И мы всей толпой перебрались туда. И Моника, и Джими были с нами. Джими ещё поджемовал с ними в этот вечер… я помню.

В свою очередь, позже Моника настаивала при каждом удобном случае, что они с Джими только и были заняты, что предстоящей свадьбой в эти последние его дни. Она заявляла, что обручились они ещё в Феврале–марте 1969 года и что она получала от Джими письма весь 1970 год.

106

Я никогда не видел этих писем и на многочисленные мои просьбы показать мне их, всегда следовал отказ. Моника настаивала, что они глубоко личного характера и позже она их сожгла, чтобы никто другой не смог их прочесть. Если бы эти письма действительно существовали, то они послужили бы вещественным доказательством для многочисленных скептиков в истинности намерения Джими жениться на ней. Моника так же заявляла, что Джими собирался провести пресс–конференцию, посвящённую их предстоящей свадьбе, чтобы донести миру их обоюдные намерения, но признавалась, что очень боялась, что отец узнает о намечающейся свадьбе:

— Совсем недавно, когда я беседовала с Джуди Вонг, она рассказала мне, что Джими тогда ей сказал, что собирается на мне жениться. Джими подолгу, по крайней мере пару раз, говорил с моей матерью по телефону касательно этого и касательно пресс–конференции об объявлении предстоящей свадьбы. Но отец никогда бы не разрешил мне выйти за Джими, из–за его цвета кожи. У отца был уже недавно один инфаркт и мы были вынуждены скрывать наши намерения, иначе если бы отец узнал о планирующейся свадьбе, он мог бы так переволноваться, что это привело бы к ещё одному инфаркту и я никогда бы не смогла быть счастливой, заплатив ценой его смерти. Поэтому Джими и моя мама… они говорили каждый вечер, когда отец уже крепко спал. Джими был очень нетерпелив и хотел побыстрее объявить всем о свадьбе. Он хотел, чтобы она состоялась уже в октябре во время его гастролей по Германии. Он очень сильно хотел, чтобы я ему родила сына. Он даже придумал ему имя, Васформи. Я спрашивала, что это за имя такое, [он ответил] это имя на индейском языке означает "гром", и он хотел бы назвать своего сына Гром или Васформи.

В интервью, данному Моникой в декабре 1994 американскому сценаристу Алану Гринбергу, она подчёркивала, что её отец был бы категорически против этой свадьбы.

— Мой отец был очень консервативных взглядов. Услышь он, что я обручена с музыкантом, это во–первых, а во–вторых, что с

цветным — это бы не обсуждалось. Он говорил, что мы могли бы испытать в жизни большие трудности, будучи смешанной парой, а мой ребёнок… он бы был полностью… поэтому, он был против.

При встрече с Куртисом Найтом Моника рассказывала ему, что в течение этих последних дней, они с Джими проводили много часов, гуляя в тени деревьев Гайд–Парка:

— Джими подолгу оставался молчаливым, как если бы он выстраивал в уме и приводил в порядок свои земные дела. В течение этих долгих молчаливых медитаций и духовного самоуспокоения, он, казалось, общался с кем–то телепатически, используя какой–то метод неизвестный нам, землянам, и я молча шла рядом с ним, зная и понимая его духовное одиночество. В это время мы много разговаривали на необычные темы. Например, один вопрос, казалось, занимал его всё время, он постоянно меня спрашивал, люблю ли я его настолько, что готова умереть вместе с ним? И каждый раз, как он меня спрашивал об этом, я отвечала "да" — это шло из самой глубины моего сердца — ради Джими, моей первой и единственной любви, он был смыслом моей жизни. Он спрашивал меня, позволила ли я ему умереть, если бы мы договорились умереть вместе, и продолжала бы жить на земле, или умерла вместе с ним и отправилась бы в путешествие душ вдвоём. И каждый раз я отвечала одно и тоже: что я была бы рада умереть вместе, так как без него Жизнь бы потеряла для меня значение.

Ещё Куртис попросил Монику рассказать о своих портретах Джими. Он побывал у неё дома в Дюссельдорфе и видел их:

— Она талантливая художница, на полотнах ей удавалось передать внутренний мир Джими Хендрикса: похоже её рукой водил сам Господь. Каждая картина — это захватывающей красоты мир, внутренний мир человека. Особенно мне запомнилась одна, она была настолько насыщена, что мне понадобилось несколько дней, чтобы осмыслить её. Центральной темой картины был крест дымчато–пурпурового оттенка. На розово–лиловом фоне символы общности и смешения рас всего мира. В центре — Джими в виде яркого духа, в остальных частях — люди, которые изменили ход нашей истории в прошлом и настоящем. Среди них Мартин Лютер Кинг, Гитлер, вождь Неистовый Конь, Будда и Джеронимо. Сентиментальности добавляют фигурки младенцев всех рас в каждом их эволюционных эпизодах. Всё это освещено крестом, символом всего хорошего, что есть на свете. Несомненно, она писала свою картину, не без духовного влияния Джими.

О своих картинах в связи с этими последними днями, она рассказала Куртису [стр. 165]:

— Джими, казалось, искал мира и тишины в эти последние дни, ещё он казался занятым мыслями, как бы лучше всё привести в порядок, прежде чем отправиться в путешествие по бесконечности. Он говорил со мной о своих портретах, которые он просил меня написать. Я отвечала, что они уже написаны и именно так как он хотел. Он настаивал, чтобы цвета были подобраны в соответствии с его нумерологическими рекомендациями.

107

А тем временем Эрик Бёрдон со своей War выступал в джазовом клубе Ронни Скотта. Джими наблюдал, как они сыграли свои свежие номера Paint It Black, Spill The Wine и Train. И после небольшого перерыва присоединился к ним, вместе они сыграли Mother Earth и Tobacco Road. Джими нравились такие джемы, но на этот раз, казалось, он всё делал через силу, и постепенно перешёл на второй план. Этот раз оказался последним выступлением Джими Хендрикса на людях.

— Это счастье, что у Эрика Бёрдона с публикой всегда хороший контакт, — делится своими впечатлениями Питер Тордей. — Когда Хендрикс присоединился к ним, я хочу сказать… это же Ронни Скоттс, они ж там не вопят. Публика совсем другая, это тебе не рок–концерт, но очень, очень тёплый приём всегда. Они все были под впечатлением, когда он заиграл.

После джема по словам Моники они вдвоём отправились в Спикизи поесть, затем вернулись к ней в Самарканд на ночь.

Глава 7. Последние часы

Четверг 17 сентября

109

Итак, как же проходил последний день его жизни, четверг 17 сентября. Джими проснулся поздно и провёл послеполуденное время, позируя Монике в её номере с садиком гостиницы Самарканд. Хотя она и не фотограф–профессионал, Моника сделала 29 цветных снимков Джими в разных позах и позже настаивала на том, что каждая поза была "срежиссирована самим Джими". Среди этих снимков были снимки с чёрно–белым Фендером Стратокастером, который она позже благополучно наследовала и несколько снимков за столиком с китайским чайным сервизом. На этих фотографиях у Джими какой–то совсем нездоровый вид: лицо немного припухшее и только на нескольких подобие улыбки.

По словам Моники, она их делала для нового альбома Джими, так как он хотел, чтобы она сконструировала для него обложку и разворот.

— Когда мы проснулись и сели завтракать, я сделала 29 фотографий Джими в садике при номере, было это около 2 часов дня. Он хотел, чтобы именно я сделала фотографию для обложки его нового альбома. Потому что с ним не обсуждали его имидж, и всегда менеджеры уничтожали неудачные, по их мнению фотографии, думая, сохранить таким путём его имидж. И в этот раз он хотел заставить меня сделать разные фото, где бы он выглядел сам собой, так, как представляют его люди, видя его со стороны. Вот причина, почему было сделано так много снимков. Около 3 часов мы поехали в банк, чтобы у нас были деньги, затем прошлись по Кенсингтон–Маркет. Он заказал какие–то особенные сапоги с необычным дизайном. Он купил чёрную кожаную куртку и дал автограф какому–то 15–летнему парнишке. Затем мы прошвырнулись до Челси–Антик–Маркет, где он прикупил рубашек и штанов.

110

Кати Этчингем видела Джими на Кенсингтон–Маркет:

— Он пригласил меня к себе в гости в Камберленд к 8–ми, но я была занята и не пошла. Об этом я сожалею до сих пор.

Несколько раз в течение дня Джими звонил Майку Джеффери.

— Джими старался дозвониться до Майка в четверг в Сержант Пеппер, но Майка там не было, — рассказывает Трикси Салливан, — и Джими попросил оставить записку, чтобы Майк ему перезвонил. Майк был в этот момент на отдыхе, они должны

были найти Джими нового басиста, чтобы не сорвались запланированные на октябрь гастроли. Позже этим вечером Майк старался дозвониться до Джими, но безуспешно, разыгрался сильнейший шторм и ветер повалил телеграфные столбы. И только на следующее утро, когда удалось восстановить связь, Майк получил сообщение, что Джими мёртв. Он тут же вылетел в Лондон, чтобы самому выяснить, что же произошло.

— Мы зашли в Челси–Драгстор [где работала Лоррейн Джеймс, в доме которой Джими провёл ночь] прикупить писчей бумаги, — рассказывает Моника. — По дороге обратно в Камберленд мы встретили на Кингс–Роуд Стеллу Дуглас, Коллетт и Девон Вильсон. Я остановила машину и Джими зацепился с ними языками. Они пригласили Джими к себе этим вечером. Затем мы снова направились в сторону Камберленда, но застряли в пробке у Марбле–Арк. Мы разговорились с компанией из соседней машины и те пригласили нас выпить вместе с ними, на что он тут же согласился, но ему нужно было отправить какое–то сообщение из гостиницы. Я думала, Джими знал тех людей, а он думал, что это мои знакомые, мы потом очень долго смеялись, когда поняли, что болтали с совершенно незнакомыми людьми. В Камберленде он сделал два телефонных звонка, один Эдди Кремеру, что собирается вернуться в Нью–Йорк в ближайший понедельник, он не говорил с Эдди лично, а попросил оставить ему записку какого–то человека, которого застал на студии.

111

— Второй звонок был адвокату Джими [генри Штайнгартену]. Он сообщил ему, что определённо решил разбежаться с Майком Джеффери и даже согласен отдать ради этого все свои записи. Адвокат заверил Джими, что найдёт способ уладить этот конфликт. Когда мы, наконец, вышли из Камберленда, мы поехали за ними. Они впереди, мы за ним. Мы пришли к ним на квартиру. Это оказались какие–то чудики повёрнутые на здоровом образе жизни [вегетарианцы] и они предложили Джими какую–то еду, которую он съел. Я не смогла составить ему компанию и он съел и мою порцию, затем мы вернулись домой. Интересно, из какой страны был тот рис? [Вскрытие подтвердило, что это был именно рис.]

Что рассказал Филлип Харви

Парня, который сидел за рулём той машины из пробки у Марбле–Арк, звали Филлип Харви и он был сыном видного британского политика Лорда Харви Престбёри, члена Парламента от Консервативной партии.

В марте 1995 года, узнав, что Кати Этчингем ведёт своё собственное расследование, Дэвид Кремер позвонил ей домой и сообщил как найти, по кроайней мере, двоих из тех трёх человек (одним из них оказался Харви) с кем Джими и Моника провели первую часть последнего вечера. Филлип Харви до тех пор хранил молчание о своей роли в той истории из–за высокого положения отца, но лорд Харви умер в 1994 году и Филлип Харви дал письменные показания в присутствии своего адвоката:

"Однажды, а именно в четверг 17 сентября 1970 года, я решил пройтись по магазинам на Кингс–Роуд в Челси с двумя своими знакомыми девушками. Одну из них звали Пенни Равенхилл, которой в то время было 16 лет. Она жила со своей матерью в доме 25 по Лэдброук–Вок и посещала школу Холланд–Парк. Я познакомился с Пенни через своего старинного приятеля Скотта Мессенджера. Другой была рыжеволосая канадская певица фолк Энни [Дей] (ей было около 19 лет), более известная под именем Солнечный Лучик. Энни остановилась у меня в доме 4 по Кларкс–Мьюз, находящемся прямо за больницей Эдуарда IV, между Мерилебоун–Хай–Стрит и Вимпоул–Стрит в Западном Лондоне.

Обе они были молоды и очень симпатичны, какими все бывают в этом возрасте. Обе был в обтягивающих джинсах и без следов какой–либо косметики на лице или множества всяких там украшений. В конце сентября 1970 мы с Энни поехали стопом в западную Ирландию, где посетили хиппи лидера Сида Ролза, кто с большой группой людей сделал попытку колонизировать до этого необитаемый остров, носящий название Дорлх, взятый для него в аренду у правительства Джоном и Йоко Леннонами. Я никогда не знал фамилию Энни, а после 1970 года мы и вовсе не виделись. Пенни Равенхилл позже вышла замуж и развелась, сейчас [в 1995 году] она живёт в Уэльсе вместе со своими двумя детьми.

112

Около 4:30 дня 17 сентября 1970 года мы с Пенни и Энни возвращались на Кларкс–Мьюз по Парк–Лейн. Я вёл свой белый Форд–Мустанг 1968 года с левым рулём. Был солнечный день и окна были опущены. Рядом со мной сидели Пенни и Энни, причём Энни — посередине, прижавшись ко мне. Напротив

гостиницы Гросвенор–Хаус Пенни и Энни вдруг начали махать кому–то в окно и кричать:

— Привет, эй!

— Ой, посмотри, это же Джими Хендрикс! — вскрикнула Пенни.

— Где? — спросил я.

— В машине, рядом с нами, — откликнулась Пенни.

Мы ползли со скоростью около 25 миль в час. Я взглянул мельком направо и заметил всю с иголочки крашенную блондинку за рулём, в двигающейся с той же скоростью голубой машине тоже с левым управлением, в глубине рядом с ней сидел приятного вида чёрный молодой человек с копной длинных вьющихся волос. Он тоже смотрел в нашу сторону и широко улыбался.

— Пригласи их на чашечку чая, скажи, что мы живём здесь, неподалёку, на Кларкс–Мьюз, — сказал я Пенни.

Наши машины сблизились и Пенни повторила им мои слова. Я не слышал, что они ответили, но думаю, они согласились, но они остановились у гостиницы Камберленд на Марбле–Арк, где, по–видимому, жил этот молодой человек. Мы проехали по Бейсуотер–Роуд до поворота на Эджвеар–Роуд, где развернулись в сторону Камберленд–Плейс и припарковались за той машиной. Обе были развёрнуты на север и стояли напротив входа в Камберленд.

Выйдя из машины, они подошли к нам. Я первый представился, затем представил Пенни и Энни. Джими Хендрикс не нуждался в представлении, однако он представил свою даму — Монику Даннеманн. Она выглядела лет на 30. Я повторил приглашение посетить мой дом, находящийся всего в трёх–четырёх кварталах оттуда.

— Мне только нужно сделать несколько звонков и мы скоро вернёмся, — сказал Джими.

Джими с Моникой перешли на ту сторону и исчезли в дверях гостиницы, сказав, что вернутся через несколько минут. К моему удивлению не прошло и десяти минут, как они вышли и, подойдя к нам, Джими сказал:

— Так, я готов, мы поедем за вами.

Они сели в машину, повела её Моника. Мы поехали на северную часть Камберленд–Плейс и повернули направо на Джордж–Стрит. Преодолев несколько поворотов мы, наконец, свернули в Кларкс–Мьюз, эти частные дома в то время не имели места для стоянки машин. Кларкс–Мьюз это всего 4 дома, но переходит на севере в Данстебл–Мьюз. Они разделены

деревянным забором, с калиткой и несколькими ступеньками, так как один из них находится на возвышении, всего 3 фута высотой. Обе машины встали рядом капотами к деревянному забору. Мы все вылезли и направились к моему дому. Хотя мой дом и носил номер 4, но был в самом центре, так как номера 1 у нас не было.

114

Было это между 5:15 и 5:30.

Этот дом был первым в моей жизни собственным приобретением и переехал я в него всего 6 месяцев назад. Естественно мебели у меня было немного. Мы устроились в гостиной. Слева в неработающем кабинетном камине у меня были разбросаны огромное количество подушек в турецком стиле, которые создавали уютный альков. Прямо перед ним в центре комнаты были две большие мраморные плиты, которые покоились на невысоких деревянных подставках, высотой примерно 12 дюймов. Подушки, лежащие повсюду вокруг этих "столов", создавали впечатление древнеримского пиршества. Три низких марокканских светильника жёлтого стекла, пара низких восточных столиков и инкрустированный жемчужными вставками небольшой шкаф со встроенным в него стерео — вот и вся моя мебель. Можно было бы прибавить ещё что–нибудь, но и так там создавалась приятная успокаивающая восточная атмосфера, прекрасное место для отдыха и приёма гостей.

115

Джими устроился среди подушек в импровизированном алькове, Пенни и Энни по левую руку от него, а Моника рядом с мраморными столами, ближе к выходу, я же уселся в самом дальнем конце, поближе к стерео. Вскоре я поставил на проигрыватель пластинку, а Пенни и Энни пошли на кухню приготовить чай для всех нас и быстро вернулись с подносами в руках.

У кого–то с собой оказалась трава и Пенни вместе с Энни начали делать самокрутки, чему Джими несказанно обрадовался, Моника определённо вдыхала дым, когда мимо неё передавали такую самокрутку, но было ясно, что это её не интересует, напротив, Джими было очень приятно внимание к нему со стороны Пенни и Энни. Я же ставил одну пластинку за другой и вскоре все мы разговорились в этой расслабляющей атмосфере, лишь одна Моника не участвовала в этом.

Я выходил несколько раз из комнаты и слышал не всё, о чём говорилось тогда, да и сам разговор перескакивал с одной темы на другую, но в основном мы делились своими планами на будущее. Я спросил Джими, каким будет следующий в его жизни шаг, и он сказал, что сейчас ему нужно ненадолго слетать в Нью–

Йорк, а когда вернётся, обязательно купит здесь, в Лондоне, себе квартиру. Он был так растроган нашим гостеприимством, что пригласил всех нас на новоселье. Он казался очень оптимистичным и говорил с большим энтузиазмом о своих планах и идеях, которые хотел воплотить в будущем.

Кроме травки, которую предлагали ему Пенни и Энни и бокала вина, предложенного мною ему позднее, по Джими не было видно, что ему нужно было что–то посильнее, он ни словом не заикнулся про наркотики, тем более про героин. И каждую скрученную Пенни или Энни самокрутку, он считал "за честь" самому им её раскурить. С моего отдалённого от всех места, я мог видеть как Моника, разделённая от них мраморным столом, всё более и более наливалась злостью, всякий раз как маленькая "шарада" шла по кругу. Моника почти не участвовала в разговоре. Помню, я пытался вовлечь её в разговор несколько раз, но безуспешно. [Полагаю, причина ещё в том, что она немка и её английский не был столь хорош.]

116

Около 7 вечера Пенни и Энни убрали поднос с чаем и я поставил на стол пару бутылок красного французского вина и пять серебряных фужеров. При этом Моника заметно оживилась и с удовольствием осушила свой бокал. В этот момент Энни взяла гитару и стала петь. Помню, Джими рассыпался в комплементах по поводу её музыки, чем вызвал недовольство со стороны Моники. Джими, взяв в руки гитару Энни, сыграл несколько аккордов, показывая ей кое–какие приёмы игры, но своё он играть не стал.

Было 8, когда девочки поинтересовались у Джими, не проголодался ли он. Он признался, что ужасно голоден. Не прошло и получаса, как они вернулись с кухни с полным подносом всякой вегетарианской еды. Это был в основном рис, приправленный всякими салатами, сам я ем и мясо, и картофель и мне в высшей степени не нравится взгляд на вегетарианство, как на панацею, по этой причине я лишь чуть притронулся к еде. Джими же съел всё с большим аппетитом и попросил даже добавки, когда я открыл третью бутылку вина.

За исключением Моники, которая всё более и более уходила в себя, все мы были счастливы встрече и нашли много общих тем. Было уже 10, когда Джими спустился вниз в туалет. Тут вдруг Моника, без всякой видимой причины, сорвалась с места и выскочила из гостиной на улицу, вопя: "Я ухожу! Немедленно! С меня довольно!"

117

Думаю, Джими слышал её вопли, он выбежал из туалета и

быстро поднялся в гостиную. Я объяснил ему, что ничего особенного не произошло. Тогда он извиняюще посмотрел на нас, поднял свои карие глаза к потолку и тяжело вздохнул:

— Лучше я пойду, успокою её.

И в кухне, и в холле, окнами выходящих на улицу, слышно было, как Моника срывающимся до визга голосом кричала на Джими, некоторые слова слышны были даже в гостиной, несмотря на то, что там играла музыка. В тот момент, когда Моника испустила особенно долгий визг, я вышел из дома, посмотреть, что на самом деле там могло происходить. Я был несказанно напуган, я не мог предположить, что у человека может так надолго хватить воздуха и я очень боялся, что на её визг из соседней с нами больницы Короля Эдуарда IV вызовут полицию, да и соседи напротив могли это сделать.

Джими стоял, не произнося ни слова, в то время как Моника словесно атаковала его, выбирая наиболее оскорбительные выражения. Не хочу цитировать её, но самое невинное оскорбление, прозвучавшее в его адрес, было: "You fucking pig!" Я прервал её и предложил вернуться в дом, сказав ей, что опасаюсь, что соседи вызовут полицию. Монику несло, попало и мне, обернувшись, она зло прокричала, чтобы я не совался не в своё дело. Её совершенно не беспокоило, что она может разбудить соседей или даже напротив, ей хотелось устроить публичный спектакль. К счастью, в Кларкс–Мьюзе, на самом деле очень тихом, особенно по ночам, местечке, не было в этот вечер никого кроме нас. Я вернулся в дом, оставив входную дверь распахнутой на случай, если они решат вернуться.

Монолог Моники, обращённый к Джими, продолжался по моим скромным подсчётам не менее получаса. Я снова вышел с намерением её успокоить, но крики Моники достигли такого накала, что я решил не перечить ей снова.

118

Я в жизни ничего подобного не видел, а Джими, по крайней мере, в те два раза как я выходил из дома, выглядел совершенно невозмутимым, несмотря на злобные выпады Моники. Но нотки насилия в её голосе и поза говорили мне, что ещё чуть–чуть и она нападёт на него. Я на самом деле боялся, что Моника может быть расположена к серьёзному физическому насилию, но Джими, казался мне парнем, который сможет постоять за себя и ещё я подумал, что ведь познакомился я с ними всего каких–нибудь несколько часов назад и мог не знать некоторых деталей их отношений.

Около 10:30 Джими вернулся в дом один и поднялся к нам в гостиную, где Пенни, Энни и я сидели и гадали, чем же это всё

может окончиться. Он был сильно сконфужен и стал извиняться за поведение Моники и сказал, что сам не ожидал от неё такого и что думает, что это, может быть, от выпитого ею вина. Сказал, что Моника наотрез отказалась возвращаться в дом и, так как он не может её оставить одну в таком состоянии, то ему тоже придётся уехать. Он сказал, что мой дом это самое что ни на есть прекрасное место во всём Лондоне, и что он обязательно навестит нас, когда вернётся из Нью–Йорка, и предполагает, что это произойдёт не позже чем через несколько недель.

Я дал Джими мою визитку, карточку необычно большого размера и такого задумчивого пурпурового цвета с телефонами и новым адресом, которую сам напечатал, когда только переехал в Кларкс–Мьюз. Потом он долго благодарил нас за гостеприимство. Я вышел проводить его и он сел в машину, за рулём уже сидела Моника. Моника всё ещё кричала на него пока они выезжали, но даже ни слова не сказала мне на прощанье. Было это примерно в 10:40 вечера.

На следующий день часа в 2 я поехал в город и на Мэриебоун–Стрит увидел на киоске с газетами большими буквами объявление о смерти Джими Хендрикса. Я не верил глазам своим.

119

Сейчас, в марте 1995 года, когда я пишу эти строки, я совершенно уверен, что отвратительное поведение, которое показала Моника Даннеманн, тогда у меня в гостях являлось следствием болезненной ревности. Пенни и Энни, обе прекрасные как может быть прекрасна только молодость привлекли внимание Джими там, на Парк–Лейн, сколько бы не было на Монике штукатурки и какие бы дорогие не были её наряды. Ясно, он увлёкся ими обеими и всё время он был более с нами с троими и предоставил Монику самой себе, пока они были у меня. Пенни и Энни сделали для него чай, приготовили ему еду, делали для него самокрутки, словом, обихаживали его со всех сторон, Энни даже сыграла ему свою музыку. Совершенно очевидно Монике не могло понравиться, что Джими с таким удовольствием принимает знаки внимания от этих двух девчонок и стала напиваться. Ревность окончательно затмила ей рассудок, и она взорвалась и вылетела из дома как фурия."

Многое из того, что рассказал Филлип Харви соответствует тому, что утверждала Моника все эти годы. Вся встреча, вплоть до вегетарианской еды. Однако рассказ Филлипа Харви сильно отличается в том месте, когда речь заходит о времени, когда они уехали от него. Моника утверждает, что уже в 8:30 они вернулись в Самарканд. Также она настаивает, что не было никакого спора в

конце вечера, и не допускает мысли, что они с Джими могли поссориться.

Моника всегда настаивала, что Джими переехал к ней в Самарканд ещё во вторник 15 сентября, но рассказ Харви вносит большие сомнения в её утверждение. То, что Джими нужно было заехать в Камберленд, чтобы сделать кое–какие звонки и переодеться, говорит только о том, что его вещи всё ещё находились в его номере гостиницы Камберленд. Более того, единственная вещь, принадлежащая Джими, которую наследовала Моника, а произошло это в 1981 году, это чёрно–белый Фендер Стратокастер и синяя бандана. Джими прикупил множество вещей тогда, 17 сентября, на Кенсингтон– и Челси–Маркет и естественно предположить, что он всю эту одежду отнёс прямо в свой номер в Камберленд, а не к Монике в гостиницу Самарканд.

120

Явное противоречие утверждению, что Джими и Моника уехали из Кларкс–Мьюз в 10:40 вечера, заявление Моники, что они уже были в Самарканде 8:30 вечера, но Энджи Бёрдон показала, что Моника привезла Джими на квартиру к Питу Камерону в середине вечера. Так что очень возможно, что Джими направился сразу на квартиру к Питу Камерону в Грейт–Камберленд–Плейс, а Моника вернулась в Самарканд одна.

Звонки

— Мы вернулись ко мне в Самарканд в 8:30 вечера, — рассказывала Моника. — Звонил Мич, звонил Час. Но Джими не хотел говорить и оба раза просил меня сказать, что его нет, и, пытаясь рассмешить меня, корчил разные рожи, пока я с ними разговаривала. Я ему сказала, чтобы никогда так больше не делал, потому что чувствовала себя ужасно. После того как отзвонил телефон, Джими сказал, что хочет видеть Мича и Часа у себя дома завтра днём.

Во время последнего интервью, когда её познакомили с новыми подробностями того вечера, рассказанными Филлипом Харви, Моника заявила, что у неё много свидетелей, что они уже были в Самарканде в 8:30. Естественно последовал вопрос, где эти люди, и кто они были, она только ответила:

— Всё время звонили какие–то люди и Джими с ними разговаривал.

Она отказывалась назвать их имена.

Там временем обслуживающий персонал гостиницы Камберленд настаивает, что видели Джими в гостинице на протяжении всего дня. То он просил, чтобы почистили ему обувь, то просил принести ему в номер поесть.

— В конце дня я звонила ему в Камберленд, — рассказывает Шарон Лоренс. — Оператор на коммутаторе оказался очень милой женщиной: "Меня тоже это беспокоит. У него весь день какой–то встревоженный голос." Она послала кого–то проверить, но в номере его не оказалось. Я села обзванивать его друзей, не так уж много их у него оказалось, кто действительно беспокоился за него. И в этот вечер у всех было какое–то плохое предчувствие. Мы проверяли каждый час, нервно вздрагивая при каждом звонке. Я смотрела на стрелки часов. Снова звонила в гостиницу. У всех у нас была крошечная надежда, что это предчувствие — только горькая шутка разыгравшегося воображения.

121

Мич Мичелл подтверждает, что разговаривал с Джими в тот вечер по телефону, только звонил он не в Самарканд, как утверждает Моника, а в Камберленд, так как он не предполагал, что Моника могла оказаться в Лондоне и тем более предположить, что Джими мог быть у неё. Джерри Стикеллз также сообщает, что разговаривал с Джими по телефону, за несколько минут до того, как к нему домой зашёл Мич.

Джерри Стикеллз жил тогда в Элгин–Крессент, расположенном лишь в двух улицах от Лэнсдаун–Крессент, и если

бы Джерри или Мич знали бы, что Джими находится всего в двух кварталах от них, они бы не стали звонить ему по телефону, а просто встретились бы с ним.

В интервью, опубликованном в декабре 1970 года в журнале Earth, Стикеллз говорит:

— Я разговаривал с ним накануне. Он был в прекрасном настроении. И я в полном недоумении о событиях той ночи. Днём мы должны были встретиться, чтобы подписать контракт на октябрьские гастроли по Германии. Мы также обсудили его поездку в Штаты на День Благодарения. "Окей, мы поговорим об этом, когда ты завтра занесёшь мне бумаги," — сказал он мне.

— С неделю я не разговаривал с Джими, у меня только что родился ребёнок и я был очень занят по дому. Я приехал в четверг вечер в Лондон и отправился прямиком к Джерри Стикеллзу, примерно без четверти семь я был уже у него. Джинджер Бейкер и я собирались встретить в аэропорту Слая Стоуна и поехать с ним в Спикизи. Когда я пришёл к Джерри он только что положил трубку и сказал, что Джими просил передать, что как только я приду, чтобы срочно позвонил ему. Я тут же позвонил в Камберленд и он сразу поднял трубку. Я сказал, где мы могли бы встретиться и спросил, не хочет ли он поиграть вечером со Слаем в Спикизи. Он был в восторге от этой идеи. Это было по-Джими, если была хоть малейшая возможность поиграть с кем–нибудь, он там оказывался непременно. И мы расстались на том, что увидимся в Спикизи.

— Он так там и не появился, такого с ним раньше не было, чтобы пропустить такую возможность, поиграть со Слаем или, как я уже говорил, просто поджемовать! Я прождал его до утра, пока в 4 не закрылся Спикизи. Джими не пришёл, было это очень странно. Я поехал домой, дорога заняла у меня часа два. Я уже не был дома приличное время и как раз перед тем, как проснулся ребёнок, мне позвонили и сообщили, что Джими мёртв.

122

По словам Моники около 4:30 дня Джими сделал несколько звонков из своего номера в Камберленде. Это согласуется с тем, что рассказал Филлип Харви и большая вероятность, что именно Джерри и Мичу он тогда звонил и это не могло быть двумя часами позднее.

Белое вино

— В 11 я приготовила ему сандвич с рыбными палочками и чипсы и мы выпили бутылку красного вина. Эту бутылку он купил ранее. Он купил белого и красного. Бутылка красного у меня оставалась, здесь я знаю, что это было так, потому что она у меня была. Белое, я не знаю больше. Но он любил больше красное, но в этот раз он хотел белого. Красного он отпил буквально глоток и затем заменил её на белое. Потом он принял ванну и около 11:30 Джими написал поэму The Story Of Life. Её протянул мне и произнёс мне, никогда не терять эту поэму, в ней описана вся наша жизнь, сказал он. Эта последняя поэма, он дал её мне и он сказал: "Я хочу, чтобы ты сохранила это навсегда, я не хочу, чтобы ты забыла хоть слово из того, что здесь написано. Это рассказ о тебе, обо мне, не потеряй его или не предавай никому другому, это для тебя, сохрани." Последние несколько дней до его смерти, он говорил странные вещи. Мы много беседовали за последние несколько дней. Но однажды, где он сказал мне: "Я хочу, чтобы ты никогда не забывать, если меня не будет с тобой больше, мой дух всегда будет с тобой." Он сказал: "О, я просто хочу, чтобы ты не забыть, что мой дух будет всегда с тобой." Я думаю, он смягчил нечто, что меня беспокоило, так как он сказал мне: "Ну если я, к примеру, на гастролях." Он пытался мне облегчить так и я чувствовала что–то за этим, потому что он быстро переходил на другую тему. Я подумала, что что–то не вполне верно как он это говорит. Потом примерно без четверти 2 я отвезла Джими на одну квартиру на Грейт–Камберленд–Стрит, оставила его там и вернулась в Самарканд, чтобы высушить волосы, что я помыла ранее. Я позвонила Джими в оговоренное время где–то с полчаса позднее и собралась вернуться за ним на эту квартиру. Я не могла вспомнить номер дома, где высадила его, и мне пришлось позвонить снова ему из небольшого отеля поблизости. Джими вышел и мы вернулись в Самарканд около трёх.

123

Квартира о которой говорит Моника, принадлежала Питу Камерону, музыкальному издателю, связанному по работе с Трэк–Рекордс, она располагалась на Грейт–Камберленд–Плейс недалеко от Марбл–Арк. Джими на эту вечеринку днём пригласили Стелла, Коллетт и Девон. Кроме них и Камерона, хозяина квартиры, там были: Энджи Бёрдон, Алан Дуглас, Майк Несмит, Дэвид Саломон, Берт Кляйнер и ещё кто–то. В продолжение вечеринки Джими съел китайскую еду, которая тоже содержала рис. Энджи Бёрдон, вспоминая этот вечер, подробно описала в письме, которое написала в 1991 году своей подруге Кати Этчингем.

— Я тогда тусовалась с Девон и Стеллой… мы были у Пита Камерона и ждали Джими, — пишет Энджи. — Стелла принесла кое–какую китайскую еду для него. Он пришёл в самом разгаре, какой–то весь нервный. Но точно не под наркотой, уж в этом поверь мне. С ним была эдакая цыпа, но она сразу ушла. Вернулась она за ним и получаса не прошло. Джими попросил Стеллу прогнать её. Она вызванивала его по домофону. Потом она снова явилась. Джими отослал её и в этот раз. Всё время он был какой–то настороженный. Я знаю Джими и понимаю, что он тогда чувствовал. Она вернулась снова. Он вскипел. Что она не могла понять, что ему побыть одному надо?… это такой период, я знаю, со всех сторон тебя кусают. Ну, он и попросил Стеллу снова отослать её, Стелла была груба с ней, а эта цыпа всё стояла на своём, дай ей поговорить с Джими и всё тут. Ну… в итоге он и подошёл к домофону, чего–то мямлил ей, потом, никому ничего не сказав, вышел, сел в лифт и выскользнул. К этому времени было уже часа 3 утра.

Энджи повторяется и пишет, что Моника так всех достала по домофону, что многие гости по очереди высовывались из окон и кричали ей:

— Fuck off и отстань от него, — кричали они, пишет Энджи.

124

Совершенно ясно, что когда Джими пришёл к Камерону, он был ещё под впечатлением той отвратительной сцены, какую ему устроила Моника раньше этим же вечером и это возможно объясняет, почему Моника не осталась вместе с ним на вечеринке. Моника настаивает, что Джими пришёл на эту вечеринку с единственной целью, сообщить Девон, чтобы та отстала от них и оставила их в покое. Она также настаивает на

том, что Джими там оставался не более получаса.

По словам Энджи Бёрдон, Джими задержался на этой вечеринке значительно дольше (что могло вызвать ещё большее раздражение у Моники). Также, из слов Энджи следует, что Стелла купила китайскую еду специально для Джими, а это в свою очередь говорит о том, что Джими пришёл значительно раньше времени, на котором настаивает Моника, так как заказать в 1970 году китайскую еду без четверти два ночи было немыслимо.

— Джими хотел встретить этого одного парня, это Петер Камерон, кроме также сказать что–то Девон. Девон была очень жестка что касается меня и Джими опасался, что он уедет в Америку, Девон постарается что–то мне, и это его беспокоило. Поэтому он хотел сказать её перестать и не отваживаться приближаться ко мне. Вот почему он пришёл на эту квартиру, предупредить её. И он сказал либо она будет другом, либо исчезнет из наших жизней, но он сказал, он не должен это сделать по–другому, кроме как этой ночью. Но когда он пришёл на квартиру, она была под кайфом и он не смог переговорить к ней, потому что она не слушала, она не понимала что он говорит о чём. Поэтому, когда он вышел с квартиры, он сказал он должен говорить к ней на следующий день снова. И он только говорил с другими и этот Петер.

Присутствие амфетамина [Дурофета — также известного как Чёрный Бомбардировщик] было обнаружено при вскрытии, следовательно, он принял амфетамин либо в течение вечеринки, либо сразу после.

В одном все сходятся, что Джими покинул квартиру Пита Камерона около трёх часов ночи. Все, кроме Моники, говорят, что Джими уходил в очень плохом расположении духа. Очевидно, раздражение, вызванное отвратительным инцидентом с Моникой, не могло так быстро пройти, а настойчивость Моники, пытающейся вызвать его по домофону, только привело к тому, что раздражение перешло в гнев. И в свете описанных событий, совершенно не ясно почему Джими ушёл с вечеринки так внезапно, никому ничего не сказав, и вернулся в Самарканд вместе с Моникой. Единственное возможное объяснение этому, только то, что его гитара всё ещё находилась там. Это был чёрно–белый Фендер Стратокастер, сделанный специально для Джими, и он играл на нём на протяжении 1969–70 годов. И если гитаре угрожала опасность, Джими определённо должен был спасти её, это и объясняет, почему он вернулся в Самарканд.

Моника утверждала, что в течение последнего дня к Джими в Самарканд всё время приходили какие–то разные люди:

— Я ещё никогда не рассказывала о моей подруге, которая здесь и приходила к нам и всякое такое, что так надоедает под конец, потому что это был бы не Джими, если бы ты не говорил всё время.

Впоследствии Моника заметила в одном из своих заявлений, при разговоре со следователем, что к ней приходили разные "посетители", но никто никогда так и не поинтересовался у неё, кто именно были эти посетители. И если они действительно были, их имена остаются неизвестны по сей день.

18 сентября

125

По словам Моники, квартира, где проходила вечеринка на следующее утро оказалась совершенно пустой, что показалось ей очень странным.

— Они спрашивали меня все детали той квартиры, так я рассказала им что знала. Они сказали мне, что когда они пришли на квартиру, никого там не нашли, квартира была пуста и я подумала, что было очень необычно. И это всё остаётся в моей голове. Я думала, что может быть что–то могло уже случиться там. Если что–то случилось не так, кроме как я вышла за сигаретами, но потом кто–то мог наблюдать, понимаете, ждать.

— Энджи Бёрдон осталась у Пита Камерона на ночь, — рассказывает Кати Этчингем. — Утром, как только она встала, она созвонилась с Бобом Хоу. У Боба был Роллс и они договорились заехать за Стеллой Дуглас, потом они собирались забрать Джими у Моники и все вместе поехать к Эрику Клаптону. Заехали за Стеллой, там они и узнали о случившемся.

В пятую годовщину смерти, в 1975 году, Цезарь Глеббек взял у Моники интервью. В этом интервью её высказывания радикально отличаются и от первоначальных утверждений, и от более поздних её заявлений.

— Последний день мы были вместе всё время и днём мы пошли по магазинам, и вечером мы оставались дома до двенадцати. И потом я отвезла его на одну квартиру, где некоторые его друзья были, там он оставался около получаса, затем я заехала за ним снова. Я проснулась около девяти и Джими всё ещё спал и я не могла заснуть, но спустя какое–то время я поняла, что он заболел.

126

Сперва я старалась разбудить его, и я только не могла, он не просыпался, так я позвонила в скорую, которые приехали через десять минут и они проверили его. Я спросила их, если он будет в порядке снова, они сказали, да конечно, здесь ничего особенного, он будет в порядке. В машине они посадили Джими в кресло, но его голова откинулась назад, какое я выяснила позже в худшее положение они могли поместить его, потому что через это он не мог дышать правильно, потому что он заболел. Ну всё ещё было в порядке пока мы приехали в больницу и немедленно поместили его в специальную палату. Сестра сказала мне, он будет в порядке и врачи спрашивали меня что случилось и они сказали это будет в порядке, и затем около получаса позднее они сказали мне он

мёртв. Я действительно верю что он отравлен, что он зверски убит. Ну есть некоторое доказательство, но, вы не можете идти в полицию с этим. За этим стоит нечто реальное, вполне мощная группа за всем этим. Я думаю это мафия.

Экстравагантное заявление. В то время, в 1975 году, её словам не придали значения, посчитав чистой фантазией, и что такая трактовка Моники Даннеманн этих событий сочинена, чтобы снять обвинение в смерти Джими с себя.

Терри Сейтер, который работал с Эриком Бёрдоном и The Animals, хорошо знал Джими с самого первого дня его приезда в Англию в 1966 году. Он работал в концертном агентстве Anim многие годы. В интервью журналу Earth напечатанному в декабрьском номере, он заявил, что был тогда в той квартире всю ночь:

— Я был в той квартире в четверг вечером, и хотя он выглядел несчастным, невозможно было предвидеть, что такое могло произойти, — сказал он.

127

Не совсем ясно, что Терри Слейтер хотел сказать этим замечанием, но то, что он говорит о нездоровом виде Джими показывает, что он должен был быть там после того, как Джими покинул квартиру Пита Камерона. Во время расследования, проведённого Скотленд–Ярдом в 1994 году, в своих показаниях он подчёркивал, что он был там до конца и даже помогал убирать квартиру после вечеринки. Он так же заметил, что там не было никаких остатков еды и более того никаких признаков, что на кухне что–либо готовили.

В беседе с Харри Шапиро Джерри Стикеллз сказал, что ему позвонил Терри Слейтер "довольно рано… между 8 и 9 утра." Терри сказал Джерри, что там "какая–то проблема с Джими в гостинице". Стикеллз жил на Элгин–Крессент, соседней с Самаркандом улице, но он даже не мог предположить, что Джими находится так близко. И так как Терри в то время также жил в Камберленде, естественно Джерри подумал, что Джими там и поехал именно туда.

Судьбе было угодно, чтобы в этот день Камни выступили в родном городе Моники Даннеманн, Дюссельдорфе. Мик выразил своё состояние словами: "Я сражён наповал — мы все сражены. Я не могу сейчас ничего говорить, смерть унесла величайшего друга, величайшего музыканта". Вечером Grateful Dead выступали в театре Филлмор–Ист и посвятили свой пятичасовой концерт Джими. Печальная весть облетела весь мир, все музыканты, все деятели искусства посвятили свои песни и выступления ему. Все высказали перед своими слушателями свои переживания, то

потрясение, которое они испытали, услышав известие о его смерти.

Веспаракс

Когда Джими с Моникой вернулись в Самарканд, по словам Моники, она сделала Джими два сандвича с тунцом. С другой стороны Кати Этчингем, настаивает, что Джими терпеть не мог тунца и она не помнит случая, чтобы он его ел.

Также Моника говорит, что Джими посоветовал ей принять снотворное, как только они вернулись, на что она ответила, что повременит.

— Тунца я сделала ему, потому что он сказал, был голоден, и он один раз укусил и отложил сандвич и больше не притрагивался. Одно что я могу сказать, его у него не было в желудке, потому что его сильно рвало перед тем как скорая приехала. Так всё что было наверху, вся еда наверху вышла и некоторое не вышли. Вот почему никто не обнаружил следов тунца.

128

Когда мы вернулись, Джими думал о… это было потом, не сразу как мы вернулись, около четырёх часов… он не мог заснуть и он сказать он нуждается во сне, так он думал о снотворном. И я сказала ему:

— Хорошо, Я подожду вместе с тобой, давай подождём некоторое время, перед тем ты примешь снотворное. Это что случилось… я уже сказала что было около четырёх или немного больше перед тем как я приняла свои. Я была полностью раскалывалась голова, потому что он всё говорил, говорил, не умокая, я чувствовала себя развалиной, мне необходимо было поспать, но не могла заснуть и такое продолжалось, и я тайком приняла снотворное. Я думала, я не засну сейчас, я не засну и на следующий день. Так я приняла, он ничего не знал. Потому что я не хотела потакать ему сделать тоже самое.

По словам Моники выходит, что снотворное хранилось вдали от кровати.

— Он не мог взять снотворное, лёжа в кровати. Он должен встать и идти и взять и открыть дверцу большого шкафа. Там было свыше сорока [таблеток снотворного]. Если он хотел бы сделать что–то, он мог бы взять определённо больше чем те девять, которые он проглотил. В упаковке их обычно десять. Наконец мы залезли в постель и проговорили до примерно четверти восьмого. Джими сказал перед тем как я заснула относительно передозировки. Он говорил что–то о передозировке, о Девон, что он верит относительно её, что она могла его передозировка. Я уже приняла снотворное и я уже почти спала,

когда он говорил мне всё это. Я не отвечала ему, что он посчитал и я была такая уставшая и только дала ему говорить.

Таблетками, которыми пользовалась Моника был веспаракс, сильнодействующее немецкое снотворное, эквивалентное 200 миллиграмм барбитурата. Обычная доза, это полтаблетки перед сном. Главными составляющими является 150 миллиграмм квинолбарбитона, действие которого заключается в очень быстром засыпании и 50 миллиграмм браллобарбитоне, который регулирует продолжительность сна. Рекомендуемая доза, полтаблетки веспаракса, гарантирует восьмичасовой сон для человека весом 160 фунтов [73 кг]. Если бы Моника приняла целую таблетку снотворного, как она говорит, а это двойная доза, поверх выпитого красного вина ранее этим вечером, то совершенно невероятно, чтобы она проснулась так рано, поспав всего три часа.

129

По словам Моники, вот что произошло утром:

— Я проснулась 20 минут одиннадцатого, я не могла дольше спать и встала. Я встала совершенно разбитая, потому что спала всего три часа и снотворное ещё действовало во мне, и я старалась заснуть снова, и я не могла потому что ему нужно было идти в записывающую компанию. Мич должен зайти и Час должен зайти и я думала обо всём этом, что нужно сделать днём, поскольку и мне нужно сходить в магазин и прочее. Это заставляло меня проснуться всё более и более, и затем я встала. Я была готова и позавтракала. Он спал нормально, я ходила на цыпочках по квартире, я не хотела его будить так рано, потому что ему нужно было поспать. Мы оба выкурили все сигареты за ночь, так я подумала, я дам ему поспать ещё и сама выбежала — здесь недалеко, всего два–три дома, есть магазинчик — купить сигарет. Но перед выходом, я подошла к нему посмотреть не проснулся ли он, потому что он не разрешал мне выходить одной из–за Майка Джеффери и всего прочего. Я посмотрела на него, он заснул быстро, но только очень обыкновенно спал. Было около одиннадцати. Я вышла и пошла в магазин на Портобелло–Роуд купить сигарет. Как я купила сигареты, вернулась, на цыпочках вошла снова, я села в кресло, закурила и стала на него смотреть. Он повернулся. До этого он лежал лицом туда где обычно спала я, справа от него, теперь он повернулся налево. Когда я взглянула, вдруг я увидела тонкую струйку вытекающую из его рта. Я быстро подбежала и увидела нечто странное, что–то выходило из его рта. Я постаралась разбудить его и не могла разбудить его. Я не знала что, почему и что вообще? Я быстро отдёрнула занавески, хотя и так видно было с закрытыми занавесками, потому что был

солнечный день. Я снова попыталась разбудить его, но я не могла. Затем я на что–то наступила и я посмотрела на что я наступила и я поняла что это была коробка [веспаракса], всех десяти не было. Но позже когда полиция они приехали, они нашли одну таблетку под кроватью, так что он принял девять таблеток насколько я знаю. Я должна сказать, что я никогда не заглядывала под кровать, поэтому может быть там были и другие где–нибудь ещё они могли закатиться.

130

В другом интервью Моника сообщила:

— Я проверила его пульс, затем я заметила, он принял несколько таблеток снотворного, всего девять. Сначала я думала он проглотил десять, позже я нашла одну, которая упала.

Версия, рассказанная Моникой Куртису Найту при личной встрече, когда он был у неё в гостях в Дюссельдорфе [стр.167]

Мы вернулись домой в 8.30. Я приготовила поесть. Мы выпили бутылку вина, он выпил больше, чем я, но не был пьян. Нам было хорошо вдвоём. Никакого напряжения, мы просто слушали музыку. Около 1.45 он сказал мне, что ему необходимо встретиться с какими–то людьми. Я выпроводила его из квартиры, затем сразу после трёх он вернулся и я сделала ему сэндвич с тунцом.

Потом Джими стал писать, то, что потом станет последним его посланием миру: песню, названную им The Story of Life. Когда он кончил писать, он сказал мне сохранить её, что бы ни случилось, сказал, что будут за ней приходить разные люди, но, что я узнаю, когда и кому её следует отдать. И что только тогда, я покажу её этому человеку.

У меня в пузырьке было двадцать таблеток снотворного, которое мне прописал врач, чтобы я лучше спала. Они были в спальне на моём бюро. Джими был там один, вдруг что–то меня кольнуло, и я вошла в спальню. Как раз в этот момент Джими высыпал таблетки себе на ладонь. Я вырвала пузырёк у него из рук, на что он сказал, что хотел только их пересчитать. Теперь я понимаю, что он это сказал только для того, чтобы я не беспокоилась.

Тем не менее, Джими, выпив рюмку вина, сказал, что хочет лечь спать. Я села на край кровати и сидела так, пока он не заснул, затем я приняла свою таблетку, это было уже в 7 утра.

Проснулась примерно в 10.20, но заснуть больше не смогла. Сигареты кончились, но Джими не нравилось, когда я уходила, не предупредив его. Он любил, просыпаясь, видеть меня рядом. Я взглянула на него — он спал.

Перед выходом я ещё раз посмотрела на него. Похоже, у него начинался насморк. Но дыхание было ровным и пульс в норме — я сравнила его со своим. Я быстро надела туфли, схватила пальто и выбежала на улицу. Я торопилась вернуться.

Вернувшись и подойдя к двери квартиры с ключом в руке, я почувствовала что–то неладное. Дверь было никак не открыть, с ней это иногда случалось, но я ужасно испугалась. Наконец, открыв её, я бросилась в спальню. Одного взгляда было достаточно понять, что произошло нечто ужасное. Горела только одна лампа, так как люстру я выключила, когда Джими собирался

лечь спать. Её свет отбрасывал зловещую тень, тишина в комнате была такая, как если бы время остановилось.

Первым моим движением было разбудить его. Я трясла его снова и снова, неистово. Я дотронулась до его щеки, кожа была холодная. Его губы были приоткрыты и с багрянистым оттенком.

Я молилась, чтобы произошло чудо. Я ни вызвала скорую, ведь Джими всегда гневался, если про него узнавали что–либо лишнее, ни проверила пузырёк со снотворным — только позже выяснила, что не хватает девяти таблеток.

Решила позвонить кому–нибудь, кто бы дал совет, и как только я дозвонилась до одного из наших общих с Джими друзей, он сказал, чтобы я тут же вызвала скорую.

Утренние звонки

Моника говорит, что она в телефонной книге искала доктора Джими, д-ра Робертсона и Харли–Стрит, но не могла найти:

— Я позвонила Альвинии. Я говорила с Альвинией первой, рассказала ей что случилось, спросила телефон доктора или хотя бы его имя и она не могла сказать мне это. И когда я сказала: "Хорошо тогда, я звоню в скорую, и я не знаю ему это не понравится, но я должна сделать это." И это когда Эрик Бёрдон, которому позвонила Альвиния, спросил меня что происходит, и я только сказала: "Ну он болен и я не могу разбудить его, и я должна позвонить в скорую." Эрик Бёрдон сказал мне не звонить в скорую и жать и смотри. Я сказала, что уже вызвала скорую и он только сказал: "Then fucking hell, ну и что ты хочешь."

Всё это в чём–то различается с тем, что Моника говорила прежде. В прежних рассказах время, когда она проснулась колебалось от 9 до 11 часов утра. В интервью Цезарю Глеббеку в 1975 году она сказала, что проснулась в 9. В её первом заявлении, сделанном в полиции сержанту Джону Шоу, следователю, который вёл расследование причины смерти, она заявила, что проснулась в 11 и нашла Джими лежащим в луже рвоты. Далее в ходе дальнейшего расследования она назвала 10:20. В её собственной неопубликованной рукописи With A Little Help From Jimi's Spirit, написанной в 1971 году, она пишет, что проснулась в десять утра.

131

В своём рассказе следователю Моника пренебрегла другими имеющими важное значение фактами, она не сказала, что говорила с Джуди Вонг по телефону. Хотя Моника не могла этого знать в то время, когда Джими впервые приехал в Англию в 1966 году, он записался на приём к д-ру Джону Робертсону в 77 по Харли–Стрит, доктору, который лечили большинство рок–звёзд той эпохи. Д-р Робертсон оставил практику в 1969 году и его партнёр, д-р Рамонд Хазринеманн, занял его место и стал лечащим врачом Джими. К несчастью этого Альвиния не знала, но Эрик Бёрдон определённо должен был знать этого доктора.

— Я иностранка в вашей стране, — говорит Моника. — Единственный человек, кто я думала знает телефон этого доктора, потому что это доктор многих музыкантов, я думала это Альвиния. Я никогда спрашивала Эрика Бёрдона, Я никогда думала об этом. Не забывайте, я только хотела помочь Джими и спросить Альвинию телефон доктора. Она сказала она не знает, и она сказала тебе лучше вызвать скорую. Я даже не подумала

спросить Эрика Бёрдона. "Привет, Эрик Бёрдон, ты не знаешь телефон доктора?" Не забывайте, я разбудила их, так они оба не могли сообразить сразу, и я явилась с такими новостями, которые были, шокирующими, знаете.

Фактически, тем утром Моника сделала несколько телефонных звонков. Первый был Пэт Хартли и Дику Фонтейну домой в 16 по Элвастон–Плейс в Кенсингтоне в безуспешной попытке найти Альвинию Бриджес. [Моника не знала, что Альвиния осталась на ночь у Эрика Бёрдона в гостинице Расселл.] Джуди Вонг спала в хозяйской спальне, когда зазвонил телефон у кровати:

— Полагаю, звонила она мне в половине десятого утра, сама Моника думала, что было уже 10:30. Ну, это было рановато для меня. Зазвонил телефон, а раз я была в хозяйской спальне, я подняла трубку, в спальне Пэт Хартли и Дика Фонтейна был основной телефон. Телефон зазвенел и я подняла трубку. Думаю, было около половины десятого. Она сказала:

— Джуди, это я, Моника.

— О, привет, Моника.

— Джуди, Альвиния здесь? — продолжила она.

— Ну… думаю нет, они все, и Альвиния, и Эриком, и ребята из Войны зарегистрировались в гостинице, потому что было уже поздно.

— У тебя есть её телефон?

— Да, но сейчас ещё очень рано, Моника. Не знаю, проснулись ли из них уже кто–то, — помню, как сказала я ей это.

И она быстро, скороговоркой произнесла:

— Если я не могу получить помощь от Альвинии, помоги мне ты.

Она повесила трубку и предполагаю, позвонила Альвинии. Затем, пару часов спустя, позвонила Альвиния и они обе были в крайней истерике, знаешь, ревели и Альвиния сказала мне:

— Я ничего не могу сейчас сказать, но Джими мёртв.

Я думаю, они звонили, когда уже привезли Монику домой, не думаю, что они звонили из больницы.

Даже если она звонила Джуди Вонг в 10:30, как утверждает Моника, это только означает около 45 минут прошло до вызова скорой. Джуди не помнит точное время этого разговора, она только может сказать, что это было "очень рано". И очень вероятно, что это могло быть даже раньше 9:30.

Вооружённая номером телефона гостиницы Расселл, Моника сделала свой второй утренний звонок. Альвиния Бриджес никогда ни с кем не говорила об этом звонке или о той роли, какую она

играла в развитии этой драмы. Одно её слово могло разрешить все несоответствия этого утра. Эрик Бёрдон, у кого в эту ночь спала Альвиния, взял трубку из её рук, чтобы поговорить с Моникой:

— Когда Моника позвонила, я сказал, что всё будет хорошо, но позже сказал, чтобы она позвонила в скорую. Я думал, что всё обойдётся, но чему суждено было случиться случилось. [декабрьский номер журнала Earth за 1970 год]

133

В июле 1991 года Кати Этчингем позвонила и записала на плёнку весь разговор с Эриком Бёрдоном о событиях происходящих утром 18 сентября:

— Когда я туда приехал, дверь была открыта, — начал Эрик. — Она была там, когда я вошёл, а с ней Альвиния. Я явно что–то пропустил, что там произошло.

— Да, это я ей сказал, чтобы вызвала скорую.

— Не помню, я ей перезвонил или она мне. У меня чертовски болела голова после вчерашнего. Я только что вернулся из клуба, где выступали у Ронни Скотта. Я лежал в постели с Альвинией, когда зазвонил этот чёртов телефон. И когда она стала давить, я ей сказал: "Всё будет хорошо, он просто обкурился до чёртиков и всё." И: "Ну, так разбуди его." Я сказал, чтобы сварила кофе, влила ему в рот и побила по щекам, так и разбудить не долго. Затем я плюхнулся обратно в кровать. Это было раннее утро, когда она позвонила, по крайней мере, мне так показалось, что было очень рано, даже ещё раньше, чем раннее утро. Я думал, что это было как, ну, ещё ночь. Сплю, а у меня в голове звонит этот телефон, я сел на кровати и говорю себе: "Так, минутку, что там не так." Я перезвонил ей и стал кричать на неё, чтобы она немедленно вызвала скорую. Мне никак было не докричаться до неё, не вдолбить ей в голову, что это не тот случай, когда можно обойтись без скорой. Подумал, она не хочет вызывать, потому что там полно всякой наркоты и она боится и не знает с чего начать.

— Да, я приехал туда, помню ясно, дверь открыта и подумал зачем приехал и он был там, я не хотел, знаешь, видеть всё это, знаешь, мне противно было видеть весь их этот беспорядок. Мне бы зайти к ним раньше. Мы собрали гитары и я решил оставить её здесь, пусть Альвиния присмотрит за этой сумасшедшей и мы нашли записку самоубийцы, мы её нашли за кроватью, она точно, как я понял, его предсмертная записка.

— Нет, она не осталась в скорой, она осталась с нами.

По словам Моники, Джерри Стикеллз и Эрик Барретт были там в то утро:

— Джерри Стикеллз и Эрик Барретт забрали кое–какие вещи

Джими. В основном бумаги, и всякое такое. Смешно, так странно. Их интересовала только его корреспонденция. Одежда, они не волновались за всё. Эта гитара, единственное, они хотели забрать. Я сказала им что в 1969 году, Джими сказал мне, если когда–нибудь он не вернётся, я могу иметь эту гитару. И я сказала им это и Джерри Стикеллз всё ещё хотел забрать её от меня, и я была полностью в слезах, не из–за гитары но из–за всего, знаешь что случилось. И это был Эрик Барретт который вроде сказать Джерри Стикеллзу, пусть её оставит себе.

134

Вполне естественно, что Джерри с большой неохотой отдавал что–либо принадлежащее Джими совершенно незнакомой женщине. И Джерри, и Эрик впервые узнали о существовании Моники и до этого момента никто из них не знал, где Джими провёл эту ночь.

Эрик Бёрдон описал события этого утра в своей книге "Иногда я бывал зверем" и пишет, "звонок Моники прозвенел с первым лучиком света, пробившимся сквозь окно".

Он пишет, что когда он перезвонил сказать, чтобы она вызвала скорую, она ответила:

— Я не иметь людей здесь сейчас, все эти [наркотики] дома.

По словам Бёрдона, Альвиния уехала на такси, сам он выехал вслед за ней немного позднее.

Моника категорически отвергает его слова:

— Эрик Бёрдон в своей книге пишет всё другое и всё это неверно, но затем я должна сказать сам он был вполне под всем этим, если вы понимаете что я имею в виду. И это показывает даже ясно, им же написанными словами что он не знает где он был и что собирался.

Даже если бы Бёрдон был обкурен, когда он приехал ещё до того как вызвали скорую, то заявление Моники, что "Эрик был под всем этим", ясно доказывает, что Эрик был там. Моника также заявляет, что когда она ждала вызванную скорую, ей опять позвонила Альвиния:

Потом Альвиния позвонила мне назад снова говоря:

— Какая больница ты собираешься?

— Слушай, я не знаю, потому что они едут, и до их здесь и поедут со мной, я не знаю какая больница мы собираемся.

Потому что я не знаю никакой больницы вообще. Я не живу в Лондоне. Так я сказала к её:

— Я позвоню тебе, когда я есть в больнице, я позвоню и дам тебе знать.

Что позднее я сделала.

135

Все эти несоответствия подчёркивают расхождения в разных описаниях Моникой одного и того же. Моника заявляла, что выбежала за сигаретами на Портобело–Роуд в одиннадцать часов и что когда она вернулась, она обнаружила, что "он заболел" и позвонила Альвинии На самом деле она сначала позвонила Джуди Вонг и только затем Альвинии и Эрику в гостиницу Расселл, затем ей немного позднее перезвонил Эрик, а затем уже позвонила Альвиния. Предполагается, что произошло это всего в какие–нибудь 18 минут, так как в журнале вызовов стоит время 11:18.

Что рассказали санитары скорой

— Скорую вызвала к 11:18 и приехали они к 11:27, — сообщает Моника. — Они проверили глаза, пульс и сердце, и сказали мне не беспокоиться, Джими будет в порядке снова и что они только увезут его как предосторожность и это мы покинем больницу днём смеясь. Они привязали его к стулу, потому что они сказали мне они не могут получить носилки вверх по лестнице, они оставили его сидящим в стуле в больнице. Каждый раз как голова Джими падала на грудь, санитар задирал её снова. Как только мы приехали в больницу санитар одел на Джими, кислородную маску.

Вызов был зарегистрирован в 11:18, но до сих пор не ясно, кто именно вызвал скорую. Самарканд это гостиница квартирного типа, владельцем которой и в наши дни является Денни Холл. Но невозможно установить был ли в то время каждый номер гостиницы оборудован отдельным телефоном с самостоятельным выходом в город.

Скорая прибыла в Самарканд через девять минут, в 11:27. В это утро дежурили: Рэджинальд Джонс, который работал на скорой вот уже около тридцати лет и в этот день вёл машину, и Джон Сауа — 20 лет стажа работы. Напарник Рэджа заболел и Сауа заменял его на этой неделе.

136

— Это было ужасно, мы приехали на квартиру, входная дверь распахнута настежь, никого поблизости, только тело на кровати, — рассказывает Рэдж Джонс. — Мы окликнули, много раз звали, затем вошли внутрь. В спальне было очень темно, шторы были всё ещё задёрнуты, я поискал газовый рожок, но с яркого света глаза не сразу адаптируются. Он был покрыт рвотными массами, там были тонны её, она покрывала всю подушку, чёрно–коричневая. Его дыхательные пути были полностью блокированы, язык завалился назад, он лежал на спине, видишь ли. В комнате было темно, нам пришлось сдёрнуть шторы. Ну, нам нужно было вызвать полицию, у нас был только он один и пустая квартира, Джон вернулся к машине к рации, принёс аспиратор. Мы проверили пульс между плечами, сжали мочку уха и нос, посветили в глаза, никакой реакции. Я понял, что он мёртв, сразу как вошёл, ты это чувствуешь, не знаю как объяснить, но так это есть, я знал, что он уже мёртв. Приехала полиция, но они не стали возиться с ним, мы забрали его и ехали так быстро, как только могли. Видишь, мы только выполняли свои обязанности и мы сделали это, мою рубашку было хоть выжимай. Скорые в те

дни не были оборудованы, скажем, как теперь, у нас были только эти дурацкие Wadhams, ужаснее не придумаешь. Мы отвезли его в больницу при монастыре Святой Марии. Теперь бы мы этого не сделали, но в те дни это было в порядке вещей. Такое было наше решение в тот день. В Святом Чарльзе было кроватное столпотворение и нашей бригадой было решено, куда вести его.

— Кто–нибудь сопровождал вас в машине?

— Нет, мистер Сауа был с этим парнем, я не знал, что это был Джими Хендрикс, я, знаешь ли, из другой возрастной группы. Когда мы его привезли в больницу, то отправились мыть машину, она вся была испачкана рвотными массами. И калом и мочой, такое бывает с тобой, когда ты умираешь. Да, ту квартиру не скоро ещё отмоют.

— Вы его посадили, когда везли?

— Посадили? Нет, ты не будешь усаживать человека, когда у него сдавлено горло. Да, ступени, ведущие из квартиры были очень неудобны, но нет, сажать в таком состоянии — никогда.

— Вы с кем–нибудь разговаривали в квартире или на улице?

— Только с полицейскими и в приёмном покое.

137

Джон Сауа слово в слово подтвердил всё, что сказал Рэдж Джонс:

— Хорошо помню, как чёртову уйму времени потратили, прокачивая его. Я хочу сказать, что рвотные массы были суховаты, и чертовски много их было. Аспираторы в те дни были что надо, но не такие, конечно, как сейчас, мощности не те. Я хочу сказать, мы знали, что это бесполезно, но такая у нас работа. Сказать по правде, я думал, это передозировка. Это не моё дело, ставить диагноз, но такая уж у нас работа. Постель была не разостлана. Бригада скорой помощи должна сделать всё, что в её силах, пока не сдаст пациента в больницу. Но там не было ни пульса, ни дыхания. Мы спустились в квартиру, никого там, только это тело на кровати. По рации вызвали полицию. Мы не имеем права ничего трогать в квартирах. Я уже говорил, мы знали наверняка, что он мёртв, он был полностью одет, хоть и лежал на кровати, но я не узнал его, не думаю, чтобы кто–нибудь узнал его в таком виде, его и мать не смогла бы узнать. Он был в луже рвотных масс, она была везде, но мы не врачи, это просто наша работа, доставить было его в больницу, мы не имеем права объявлять о его смерти… помнится, я собрал образчики рвотных масс в специальные контейнеры, потому что мы не знали, чего он там наглотался. Как только прибыли полицейские, мы поехали. Я был сзади с Джими, Рэдж вёл машину. Когда мы начали его перемещать, газы внутри него забурлили и стали выходить, такое

случается с мёртвыми, не очень приятно, правда? Рвотные массы были повсюду, мы не смогли продуть ему дыхательные пути. Он лежал на спине, какая досада, что он не лежал на боку, возможно тогда, он бы и смог выкарабкаться.

Ни Джон Сауа, ни Рэдж Джонс не разговаривали с друг другом с той недели, когда работали вместе в 1970 году. Напарник Рэджа выздоровел и вернулся на работу, а Джон вернулся на свою станцию — тем не менее, их воспоминания остаются удивительно схожими.

[Тони Браун пишет "остаются удивительно схожими", думаю, что удивительного здесь ничего нет, поскольку нашла этих санитаров спустя 22 года для Кати Этчингем, которая вела своё, "домашнее", расследование, её "подруга", жена Мич Мичелла — Ди Митчелл, в девичестве, как она уверяла всех, Диана из древнего английского рода Бонэм–Картеров, а на самом деле американка из Кливленда, штат Огайо, Долорес Каллен, по первому мужу — Ди Клейтон. Личность её пыталась выяснить Кати Этчингем официальным путём, но в полиции ей дали ясно понять, что делать этого не стоит. Скорее всего, Ди была сотрудником правительственной (США) программы Cointelpro, программы по нейтрализации Чёрных Мессий. По счастливой случайности Кати Этчингем через своих знакомых вышла на её первого мужа, Робина Клейтона [стр. 203]. Уверен, именно Ди проинструктировала старичков, что им необходимо "вспомнить".

Вот некоторые подробности из книги Джими, моя жизнь и 60–е, написанной Кати Этчингем, которых Тони Браун мог и не знать, так писали они в одно время:

— Рассказ Рэджа почти полностью противоречил всему, о чём рассказывала Моника. Она сказала, что сопровождала Джими до больницы. Рэдж утверждает, что в квартире никого не было, тем более никого не могло быть ни в машине, ни в больнице и что Джими был уже мёртв, когда они приехали по вызову. Нам положительно необходимо был другой санитар скорой. То же ли он расскажет или память Рэджа заволокли облака времени. К сожалению, Рэдж только помнил, что в тот день его напарник заболел и на выезде он работал с другим. Он помнил только то, что звали его как–то необычно, вроде Суал.

Ди снова позвонила в архив и спросила, не работал ли у них кто–нибудь с именем Суал. Человек, на другом конце провода сразу перешёл к делу:

— Сейчас, я только взгляну в мои записи, — произнёс он, — здесь есть человек с похожим именем. Его фамилия Суау.

На запрос, отправленный в адресное бюро, ответили, что в Лондоне проживает только один человек с такой фамилией, но он

является отцом того человека, которого мы ищем. Я позвонила ему:

— Мой сын сейчас живёт в Ашби де ла Зуш, — сказал голос в трубке, — я дам вам его номер, позвоните ему.

Ди позвонила ему, а я весь разговор слушала по второму телефону. Она задала несколько вопросов, те же, что мы задавали Рэджу. Его ответы были вточь как у него. Он подтвердил рассказ своего партнёра полностью. В конце беседы Ди произнесла:

— А вы не помните блондинку, которая там была? У неё длинные, серебристо–светлые волосы и немецкий акцент.

Последовала продолжительная пауза и затем он сказал:

— Даже телефон не звонил. И не помню, чтобы там кто–нибудь был.]

Джон Саua дал интервью для программы Wink Of An Eye Би–Би–Си Радио–Один, вышедшей в эфир 10 сентября 1995 года, он сказал:

— Это была стандартная процедура, особенно для тех, кто без сознания. Там всё должно быть под рукой, всё, что нужно для реанимации. Всё должно быть готово к использованию в любой момент.

Он подтвердил, что Моники не было с ними, когда они везли Джими в больницу:

— Только я, пациент и Рэдж за рулём. Никого больше.

В январе 1992 года Дэвид Смит, пресс–атташе лондонской скорой помощи, сделал официальное заключение после своего личного расследования и опроса сотрудников приёмного покоя, работавших в то утро:

— В свете нашего подробного исследования стало ясно, что сотрудники приёмного покоя действовали профессионально и надлежащим образом, — сказано в его заявлении. — Никого не было кроме пациента в квартире [22 Lansdowne Crescent, London W1], когда они прибыли, никто не сопровождал их по дороге в больницу при аббатстве Святой Марии.

— Я могу сказать только одно, — сказала Моника, — из–за всего что мне пришлось пережить — нет, потому что я не знаю, и потому что я сделалась больной из–за всего этого. Теперь, если бы они пришли, а меня бы там не оказалось, никто бы не смог умереть в квартире, потому что Джими был в квартире. И никто не впустил бы их внутрь и это я знаю точно, потому что в тот момент, я знала точно кто был там в тот момент и затем кто были там, никого впустить, ни полиции или никого другого, которых я знаю как–то, но мне нужны свидетели.

Хотя версия Моники развития событий всегда казалась очень

подозрительной, она до сих пор никогда не была исследована. Несмотря на то, что нашли полицейского и санитаров и правда того утра оказалась полностью выявлена, она по–прежнему настаивала на своих прежних показаниях, она отрицала, присутствие там официальных лиц. И теперь вполне ясно из доказанной очевидности, что показания Моники совершенно неправдоподобны.

Из книги Кати Этчингем:

"Теперь мы убедились, что версия Моники, из каких–то соображений скорректирована в её пользу, и мы поняли, что нам нужно всем собраться и обсудить, прежде чем связаться с её адвокатами. Миф об обстоятельствах смерти Джими, такой привычный за все эти двадцать лет, и проникший во все издания и энциклопедии, испарился. И узел начал постепенно распутываться перед нашими глазами.

Следующий шаг, который мы предприняли, это был поиск тех двоих полицейских, который доказал всю трудность нашего начинания. Со временем мы выяснили, что один из них, ныне видный политический деятель в Эйлисбери, уже давал интервью рок–журналистам о том утре в Ноттинг–Хилле. Мы сели на поезд, и его рассказ был как две капли воды таким же:

— Джими был мёртв уже в отеле. Да, он был не один, но не помнит имя напарника."

Что рассказал полицейский

Около 11:30 патрульные полицейские Ян Смит и Том Кини из близлежащего полицейского пункта в Ноттинг–Дейле получили вызов по рации от скорой и направились в отель Самарканд. Не прошло и минуты, как они прибыли на место.

139

Ян Смит, теперь видный общественный деятель в Эйлисбери, очень ясно помнит тот день:

— Мы прибыли в квартиру в цокольном этаже в Лансдауни–Крессент. Скорая уже была там, но Джими был мёртв. Приятного мало, им пришлось заворачивать его в простыни. Он был одет, но кругом было полно рвотных масс, так что им оставалось только завернуть его и отнести в машину. Они уже ничем не могли помочь ему, уж это я вам могу точно сказать. Мы поднялись вслед за ними на улицу. Я видел, как они поставили носилки в машину и уехали.

На вопрос, был ли там кто–нибудь ещё, Смит ответил:

— Нет, я хорошо помню, в раскрытую дверь видны были только санитары и Джими. Мы потом заперли квартиру, так как кругом не было ни души. Если бы она была в квартире, они бы нас не вызвали, потому что они бы тогда отвезли его как обычно. Но так как никого не было, а он был мёртв и обстоятельства были довольно–таки странные, даже подозрительные, они и вызвали нас по рации. Солнце не село, а мы знали уже, что это был Джими Хендрикс.

Я беседовал со Смитом и мне он сказал одну очень важную подробность:

— Уже несколько человек, задавали мне вопросы про тот случай. Кроме того, что я им рассказывал могу сказать, что я стоял снаружи и не видел этого парня, они пронесли его обёрнутого в простыни мимо меня. Я не знал кто это, пока не прочитал в газете.

Том Кини, второй из полицейских, прибывших на место, так никогда и не был найден.

"Мы сели за стол, — пишет Кати Этчингем [стр. 177], — и Рэдж начал свой рассказ:

— Когда мы приехали на квартиру, дверь была распахнута. Тело лежало на кровати, покрытое рвотой всех цветов, и чёрная, и коричневая. На нём, на подушке. Он уже не дышал. Я вернулся в машину, принёс аспиратор. Мы старались его вернуть, но наши усилия были тщетны. Рвота уже засохла, создавалось такое впечатление, что он лежит так уже давно. Сердце не билось. Он

был весь синий, дыхания не было, реакции на свет, на боль тоже. Мы связались по рации с полицией, уверенные, что он мёртв, и сообщили им, что обстоятельства смерти очень странные. Прибыли двое молодых полицейских и сказали, что его следует отвезти в больницу.

— Это обычная процедура? — спросила я.

— Нет. Честно говоря, им не следовало этого делать, но они не хотели провести весь день, заполняя разные формы. Мы уверили их, что отвезём тело в Департамент Несчастных Случаев. Но никто из нас не знал, что это был Джими Хендрикс, пока мы не прочли о его смерти в вечерних газетах.

Что обычно делает полиция, если они обнаруживают мёртвое тело — они сообщают в Департамент Несчастных Случаев. Но для них это был всего лишь ещё один мёртвый наркоман в Ноттинг–Хилле. Будь Джими в гостинице Камберленд, где его знали все, история была бы другой."

Обвинение Моникой доктора в расизме

Около 11:35 скорая с включённой сиреной и мигалкой отъехала от гостиницы Самарканд в сторону больницы при аббатстве Святой Марии на Марлоуз–Роуд. На месте они были уже в 11:45.

— Только это я помню… прибытие, они сразу начали заботиться о Джими. Я приехала в больницу другим путём, чем они везли Джими. Они остановили машину прямо напротив входа — который бы я сказала пожарный выход — они взяли Джими прямо во вход, в больницу, в то время как мне нужно было пройти к другому входу чтобы войти в больницу. Так я подумала этот вход для срочных пострадавших, критических случаев, в то время как я не была пострадавшей, так они направили меня идти через официальный вход для посетителей.

140

Я пошла прямо к доктору. Я не пошла в справочное и ещё куда, я пошла прямо к доктору и я немедленно дала ему эти таблетки. У меня с собой были эти таблетки и предписание, и я дала то и другое ему, так это он не знал точно что это было снотворное, но этот парень даже не взглянул. Этот человек только отшвырнул их от себя чертыхаясь. Когда я заметила это этому человеку, этому доктору его пренебрежение, я сказала ему: "Послушайте, это Джими Хендрикс" и это никак не подействовало на него совсем, так я сказала он очень знаменитый музыкант и композитор, вы должны сделать всё что вы можете сделать и дать ему лучшее обслуживание. После некоторого разговора, где также я попросила первый класс обслуживания, где он сказал ну конечно и бла–бла. Он пошёл в эту палату где Джими. Так после какого–то времени я вошла в эту палату, потому что я хотела знать что происходит, знаете, потому что никто не выходил. И я увидела их обрабатывающих Джими. Он сидел, что–то вроде кресла, как у вашего дантиста, где вы можете что–то вроде делать задом наперёд. И он сидел в этой самой штуке, и они вытолкнули меня снова оттуда, они сказали мне не разрешено там оставаться. Позже я постаралась снова войти, и он всё ещё работали над ним. Я позвонила немедленно Альвинии найти Джерри Стикеллза потому что у меня было такое чувство, потому что я женщина, что они не воспринимают меня серьёзно. Вскоре после Альвиния приехала и позже Джерри Стикеллз приехал и Эрик Барретт. Ко времени они приехали, было уже поздно. У меня было такое чувство с доктором, потому что он больше интересовался, не Джими как пациентом, он интересовался в Джими и моём

отношении и у меня было такое чувство что там было некоторое расистское чувство. Он не был молодым, он был, я думаю 40, 45 около этого. Я была совершенно возбуждена и рассержена потому что он всё время говорил об этом вместо проблемы. Они могли спасти его в больнице. Они всего лишь должны были вставить дыхательную трубочку (трахеотомию) и это было самое простое. Каждый доктор с которым я разговаривала после — потому что я не могла оставить это из моей головы что он мог бы умереть — сказал тоже самое. Никогда бы подобного не случилось. И это таблетки — они все сказали это — они были слишком слабые сделать это, чтобы он умер. Если бы это был несчастный случай, затем они сделали самую большую ошибку вы можете вообразить.

141

И снова Моника обвиняет в смерти Джими кого–то с улицы.

Кати Этчингем пишет:

"Я перечитала автобиографию Эрика Бёрдона, особенно то место, где он описывает события того утра. Ронни Мани дала мне экземпляр книги, когда я навестила её однажды. Он писал, что Джими играл с ними джем в клубе у Ронни Скотта на Фрит–Стрит тем вечером, накануне смерти — не факт, это могло быть и несколькими днями ранее. Эрик пишет далее, что Моника звонила ему и его девушке Алвинии ранним утром и сообщила, что Джими так обкурился, что она не может его разбудить. Эрик посоветовал дать Джими горячего кофе и побить по щекам и отправился обратно спать. Только он задремал, опять зазвонил телефон под ухом, и опять звонила Моника и он сказал ей, что надо вызвать скорую. Она запротестовала, так как в квартире были наркотики. Он приказал ей избавиться от них, и сразу звонить в скорую. Он сказал, что сам приедет так скоро, как сможет, Алвиния собралась ехать с ним. Он написал, что они с Алвинией приехали, как раз как уехала скорая. И что Алвиния и Моника обе ревели. Я позвонила Эрику, и попросила рассказать подробнее, записывая разговор, так чтобы я смогла проиграть его для Ди.

— Ну, — сказала я, — так что на самом деле произошло тем утром, Эрик? Где был Джими, когда вы туда приехали?

— Думаю, я видел, что Джими лежал на кровати, — согласился он, — но я не смотрел туда, потому что был грандиозный беспорядок.

Он рассказал мне, что "вместе с Терри Пилюлей (его роуд–менеджером) старались прибраться до приезда скорой, чтобы те не обнаружили компрометирующие доказательства. В это же время, чуть позже пришёл Джерри Стикеллз и был как раз вовремя. Многое нашли и смерть Джими более смахивала на

чёрную комедию, герои которой пытаются прибраться в комнате человека почти несомненно мёртвого."

Я никак не могла понять одного, о чём говорил по телефону Эрик с Моникой между 6 и 6:30 утра? И почему скорая была вызвана только в 11:18? И что делала Моника все эти 5 часов? По её словам она вышла за сигаретами. Не слишком ли долго она ходила за сигаретами?

Ничто, из случившегося тем утром, и описанного в официальных изданиях, основанных на "достоверных и проверенных фактах", не было похоже на правду. Мне казалось, что мы собрали достаточно данных, чтобы провести собственное расследование. Я привела в порядок услышанное и послала эти документы прокурору, с пометкой, что расследование, проведённое 20 лет назад, основано на показаниях одного человека, Моники Даннеманн, а все остальные люди, кто был в то утро там, рассказывают совершенно другое. Я уточнила, что Моника обвиняет санитаров скорой и врачей из больницы в его смерти, и если это так, а из официальной версии это очевидно, то необходимо было возбудить дело против них. Параллельно мне хотелось, чтобы спала тень с этих добрых имён. Мне совершенно не нравилась компрометирующая всю систему здравоохранения идея, что Джими Хендрикс умер по халатности врачей, тогда как совершенно ясно, что это не тот случай.

Я хотела, чтобы Моника пересмотрела свои обвинения. Прокурор передал документы в 1–й отдел Сколенд–Ярда (SO1). Мне позвонил человек и представился начальником Следственного отдела Дугласом Кэмпбеллом. Голос его звучал по–отечески. Он сказал, что хочет со мной переговорить и предложил встретиться в пабе. Он оказался отзывчивым, понимающим и располагающим к себе человеком. Похоже, был ещё кто–то рядом, связанный с прессой, потому что буквально через несколько дней в газетах появились чудовищные догадки о событиях 20–летней давности.

Мы не хотели, чтобы знали, что Энджи уже нет, так как она была на той вечеринке накануне смерти и могла быть главным свидетелем. Если бы Моника узнала, что она уже не может выступить свидетелем, она бы почувствовала себя много комфортнее. Когда журналисты пришли к Час Чандлеру, он, к их разочарованию, не мог сказать ничего, кроме того, чтобы успешно проговориться, что Энджи уже нет. Газеты тут же это опубликовали и детектив Кэмпбелл подумав, что это я выдала наш секрет, позвонил мне. Могу сказать, он метал молнии. На следующий день он выяснил, кто разболтал нашу тайну, но я уже была взвинчена из–за того, что он посчитал, что я сделала это.

Кэмпебеллу было уже много лет, без пяти минут пенсионер, и у него не было ни малейшего желания тащить свои кости через океан в Америку, чтобы самому допросить Эрика. Он попросил агентов ФБР сделать это для него. Но когда ФБР постучались в дверь Эрику, он, естественно, их не впустил к себе и не стал с ними говорить. Думаю, если бы на их месте оказались англичане, они были бы много успешнее. Не было среди тех такого человека, кто добился бы результата. Сотрудники 1–го отдела были самыми странными полицейскими, каких я только встречала. Они все были из отдела по международным преступлениям. Кэмпбелл ездил на с виду совершенно обычном фольксвагене, но в машину, очевидно, был поставлен сверхмощный мотор и вмонтированы разные причудливого вида рации и радиоприёмники. Его люди похожи были на команду регбистов со сломанными носами и порванными ушами, но у всех у них были дипломы исторических и философских факультетов, все говорили по–испански, по–арабски, даже по–русски. И если они не испугали ни одного международного преступника, то они определенно напугали меня.

Когда она узнала о происходящем, Моника потеряла человеческий облик. В начале нашего расследования она говорила нам, что всегда думала, что в смерти Джими было что–то таинственное, потом, почувствовав, что её поймали на лжи, стала обвинять меня в том, что я хочу заново изобрести смерь Джими. "Почему, — хотела бы она узнать, — Кати заговорила после 20–ти лет молчания?"

Несмотря на то, что ни Эрик, ни Алвиния не стали разговаривать с полицией и, несмотря на то, что Джерри Стикеллз отказался добавить что–либо к его предыдущим показаниям, Терри Пилюля сделал заявление подтверждающее, что он был на квартире и зарывал наркотики в саду. Но он сказал следователю, что приехал уже тогда, когда скорая уехала, мне же говорил, что был там, когда Джими ещё лежал в постели, "как кастрированный". Также он сказал следователю, что когда скорая уехала, Моника осталась с ним, что полностью противоречило её рассказу о том, как плохо обращались с Джими врачи скорой во время поездки.

Версия сотрудников 1–го Отдела

Сотрудники 1–го отдела предложили свою версию, почему Моника упорно говорит про кресло, в которое посадили Джими. Они реконструировали ситуацию так: Моника стояла на улице, наблюдая, как из подвального этажа по крутой лестнице несут Джими в кресле. Однако санитар скорой хорошо помнил, как они его несли на носилках и не помнит, чтобы она была рядом.

Следователи пришли к заключению, что ни санитары скорой, ни доктора не виновны ни в чём; что Джими был определённо мёртв по приезде в больницу и, возможно, до того как приехала скорая. Они сказали, что, по их мнению, Моника не совсем в своём уме, но она выучила свой рассказ на зубок за эти 20 лет, и нового им она ничего сказать не сможет. Что остались два главных свидетеля, с которыми они хотели бы встретиться, это Эрик и Алвиния, но они оба жили в Штатах и агенты ФБР ничего от них не добились. Один из сотрудников сказал мне, что, как он думает, все эти свидетели "чёртовы лгуны" и каждый лжёт по–своему.

Когда опрос всех свидетелей был завершён, Моника сделала заявление в прессе, что она полностью реабилитирована, достаточно невероятное заявление, так как все факты были против и оправданы все люди, которых она обвинила в убийстве Джими.

Судья снял её обвинение с Ноэла, признав её параноиком и истериком. Ноэл всего лишь написал, что она, выбежав за сигаретами, после того как Джими вырвало, оставила его одного. Для нас это стало окончанием длинной цепи событий, для нас."

Никто так и не подтвердил, что Моника была в больнице. Из показаний санитаров совершенно ясно, что её не было рядом с ними. Приведённая беседа автора с Моникой, состоялась до того как были найдены д-р Баннистер и д-р Шайферт. По свидетельствам этих двух почтеннейших джентльменов выходит, что слова Моники — чистейший вымысел. Ни один из них не помнит, чтобы видел, а тем более говорил, с Моникой когда либо. Если она и действительно была в больнице в приёмном покое, то нет ни одного свидетеля, кто мог бы подтвердить её заявления.

Кати Этчингем пишет:

"Патологоанатома Дональда Тира, который делал вскрытие, уже не было в живых, и нам пришлось разговаривать с его коллегой. Доктор Руфус Кромтон, декан кафедры судебной медицины медицинского училища Святого Георга работал с профессором Тиром. Мы показали ему копию отчёта вскрытия и

он сказал, что, по его мнению, Джими был мёртв.

— Он умер от большого количества таблеток снотворного, — заверил он нас. — Совершенно очевидно, что рвота и вдыхание рвотных масс только приблизили смерть. Печень была так увеличена, что вообще странно, как он ещё жил. Он не мог дышать, потому что лёгкие были наполнены жидкостью. Что заставило вас думать, что он проглотил 9 таблеток?

— Девушка, которая была с ним, она рассказала нам, — объяснили мы.

— Ну, — сказал доктор и вид у него был очень смущённый, — я бы сказал, что вам и пяти таблеток было бы много, но если хотите, я могу уточнить у специалиста, какая доза может убить.

Ди сообщила мне, что специалист сказал ей, что наверняка никогда нельзя на это ответить. В одном случае может хватить и четырёх, а в другом и девяти не хватит.

Снова картина полностью поменялась. Вместо проглоченной безответственной рок–звездой горсти таблеток снотворного, которую жадные журналисты обсасывали все эти годы, оказалось, он мог умереть и от нескольких штук. Моника сказала, что это снотворное очень слабое. Если это верно, то он мог взять четыре–пять, чтобы только заснуть."

Красное вино

По прибытии Джими немедленно обследовал д-р Джон Баннистер, дежурный хирург, и затем к нему присоединился парамедик д-р Мартин Шайферт, дежуривший в этот день. Ныне д-р Баннистер, хирург–ортопед, живёт и работает в Австралии. Гарри Шапиро 9 января 1992 года получил от него письмо. Привожу отрывок из этого письма:

"Некоторые заявления, касающиеся его смерти не совсем правильны. В то время я работал дежурным хирургом в приёмном покое больницы при аббатстве Святой Марии. Меня срочно вызвал к пациенту один из парамедиков. Скорая привезла пациента в без сознании. Он тут же на каталке был перевезён в реанимационную. Мы сделали массаж сердца и сделали надрез гортани.

Он был мёртв. Не было ни пульса, ни сердцебиения и попытки реанимировать имели уже чисто формальный характер, такие попытки мы проводим обязательно с поступающими к нам пациентами в любом состоянии. Слизистая его мембраны в гортани была полностью синяя и вместо всасывания красное вино и желудочные массы вылились из его рта. Этот случай особенно мне запомнился из–за невероятно большого количества алкоголя в гортани и лёгких, создалось впечатление, что человек буквально утонул в своих же рвотных массах.

142

В то время я не предполагал, что это мог быть Джими Хендрикс, но вскоре я об этом узнал из газет.

Ясно помню это огромное количество красного вина в его желудке и лёгких и я не сомневаюсь в том, что Джими Хендрикс был утоплен, и если не дома, то уж точно не по дорогие в больницу.

Сначала я думал, что он наглотался снотворного или чего–то аналогичного и это наложилось на невероятно большое количество выпитого красного вина перед тем как отправиться спать. И естественно предположил, что его вырвало красным вином и он захлебнулся.

В вашей книге [Elecric Gypsy] предполагалось, что у него была трахеотомия. Этот случай не отвечал такой трактовке и даже такое предположение было невозможно. Я бы предположил, что он уже был мёртв до того как приехала скорая и не было никаких признаков на возможность трахеотомии.

Я ни в коем случае не допускаю версии, что он умер в реанимационной.

Для себя я тогда решил… что это был случай трагической потери молодого человека от воздействия алкоголя. Обстоятельства ясно сохранила моя память и я хорошо помню то огромное количество красного вина в его волосах и на одежде."

В другом интервью, данном газете The Times и опубликованном 18 декабря 1993 года, д-р Джон Баннистер описал ещё более подробно состояние Джими:

— Джими Хендрикс к тому времени уже был мёртв, это несомненно, скажу даже более, мёртв уже несколько часов, а не минут. Никаких признаков пульса. Чернота полости его рта говорила о том, что он был мёртв уже некоторое время. Никакой циркуляции в его тканях не было уже до отправки его в больницу.

143

Д-р Баннистер высказал своё удивление по поводу смерти Джими Хендрикса, так же это отмечается и в заключении патологоанатома, делавшего вскрытие, выраженное в замечании, что Джими Хендрикс испил "массу" красного вина:

— Они выходило и из его носа и из его рта. Ужасное зрелище. Мои воспоминания очень ярки, не часто встречаешь человека, буквально, утонувшего в выпитом им самим вине. Красное вино было на нём везде, помнится, он был голым, но его шея была обмотана чем–то вроде полотенца или кофты, полностью пропитанной красным вином.

Не волосы, а мочало, тело полностью окоченело. По моему личному мнению он был мёртв задолго до приезда скорой. Тело остыло и посинело. Присутствовали все признаки того, что он был мёртв уже некоторое время. Мы работали над ним с полчаса но не добились никакой реакции. Кроме меня там был ещё дежурный врач, сёстры и ещё один доктор. Никто из нас не знал, что это Джими Хендрикс. Плохо, когда мальчишки умирают такой смертью [25 лет 10 месяцев]. Медперсоналу пришлось использовать 18–дюймовый отсосник, чтобы прочистить парню дыхательные пути, они были полностью забиты красным вином из его желудка.

Также д-р Баннистер выступил в программе Би–Би–Си Радио–Один Wink Of An Eye, вышедшей в эфир 10 сентября 1995 года:

— У него не было непроходимости дыхательных путей, они были, они были буквально затоплены красным вином. Его лёгкие были полностью наполнены жидкостью. Санитары провели трахеотомию, чтобы продуть трахею и дыхательные пути. Но проблема уже была не в этом. Тело уже было холодным, никаких признаков жизни и моё личное мнение, что он был уже мёртв несколько часов.

Самое удивительное в том, что несмотря на такое огромное

количество красного вина в теле Джими, в крови уровень алкоголя был чрезвычайно низким. Удивительно также, что Джими был буквально весь в красном вине. Д-р Баннистер заявляет, что его одежда, волосы, всё было пропитано красным вином. С него текло красное вино, ни одного сухого места. Можно сказать, что его замачивали несколько часов в красном вине. Моника Даннеманн всегда заявляла, что Джими не выпил даже и одной бутылки белого вина за ужином. В одном из интервью она сказала, что Джими купил две бутылки, одну красного, одну белого, также она говорила, что пустая бутылка красного у неё сохранилась:

144

— Тогда, в больнице, я объяснила в деталях и дала таблетки доктору. Он расспрашивал подробно все детали, он также спросил меня кто я и что я делать с Джими, все эти вопросы. Я хотела его столкнуть с этого немного, так я сказала что он — Джими Хендрикс и он очень знаменитый композитор и музыкант и я старалась столкнуть его в эту сторону, стараясь произвести впечатление. Я также спросила доктора дать первый класс обслуживания Джими. Только позже я обнаружила, что не было первого класса во всё больнице. Я старалась два раза увидеть Джими, но мне отказывали. Я позвонила Альвинии найти Джерри Стикеллза для его поддержки. Немного позднее мне сказали, что его сердце остановилось но это всё было хорошо и не беспокоиться. А потом вполне немного позже, я не знаю точного времени, сестра вышла и сказала мне что он умер. Я настаивала увидеть Джими который они первый отказали, но потом настаивала они окончательно разрешили увидеть его. Я хочу сказать, я была в слезах. Я только плакала, плакала, плакала всё время пока я ждала. А Джерри Стикеллз, Эрик Барретт и Альвиния, они все сказали: "Пошли", потому что они беспокоились о журналистах и так прочем. Я сказала: "Нет, я не пойду, я остаюсь до того как я увидела его и я не уйду." И я постоянно только плакала. Я хочу сказать я была опустошена, я хочу сказать для меня, жизнь действительно кончилась во всех проявлениях и потом когда я вошла в маленькую комнату где он был. В тот момент как я вошла, я не могла плакать больше. Это так странно. Я хочу сказать комната была полностью наполнена совершенным покоем, но только это. Взглянув на Джими, его лицо там было, в его лице улыбка, и это было восхитительно. Он выглядел как если бы он спал и смотрел прекрасный сон. Я была полностью ошеломлена, и Альвиния вошла за мной в комнату — она также плакала.

145

В тот момент когда она вошла в комнату, тот же эффект, она не могла плакать. И пока мы были в той комнате с Джими, мы только не могли плакать, в тот момент мы вышли всё стало обычным плачем и полностью опустошены. Джими, как если был живой, как если бы он видел какой–то прекрасный сон и эта улыбка на его лице, это было просто восхитительно. И то что–то вроде полного мне облегчения с его смертью. Не то это случилось, но для него. Такое я знаю он был в порядке.

— Джими быстро поместили в реанимационную, — рассказывает д-р Мартин Шайферт. — Вывели на монитор, но всё гладко, я стимулировал сердце несколько раз, но на экране — ничего, он был мёртв, ничего, что мы могли бы сделать.

Моника Даннеманн утверждает, что сестра ей сказала, что сердце Джими остановилось, после того как он уже был в больнице с час и был ещё жив.

— Никто не выходил, чтобы сказать, что он жив, — сообщил д-р Шайферт, — не было ничего подобного, или что сердце его билось, потому что этого тоже не могло быть. И мы не работали с ним час, всего несколько минут, потому что он был уже мёртв. Смутно помнится его яркая одежда, но с уверенностью сказать не могу, не тем был тогда занят, чтобы разглядывать во что одет.

Моника заявляет, что она говорила с врачом о первом классе обслуживания.

— Я не разговаривал и не видел никого, кроме Джими, — сообщил д-р Шайферт, — не было никакой женщины в боксе, но может она и была где–либо поблизости. Я не смотрю по сторонам, когда надо спасти жизнь человеку, но было уже слишком поздно, он был мёртв.

— Моника заходила в реанимационную увидеться с Джими после всего?

— Никому не разрешается заходить в реанимационную, такого никогда не могло произойти.

Д-р Шайферт также как и д-р Баннистер участвовал в программе Би–Би–Си Радио–Один Wink Of An Eye, вышедшей в эфир 10 сентября 1995 года:

— Мы возможно тогда думали, что нам удастся спасти его. Но, к сожалению, монитор не показывал никаких признаков жизни, было очевидно, что мы никогда не смогли бы вернуть его к жизни, и я всегда могу подтвердить, что Джими прибыл к нам уже мёртвым.

Все официальные лица от санитаров скорой до полицейских и врачей, все в один голос заявляли, что не только не знали кого они пытались спасти, но и не знали даже, кем был этот Джими

Хендрикс. Они все утверждают, что им пришлось иметь дело с мёртвым телом неизвестного человека.

Моника в одном из интервью сказала, что Джерри Стикеллз опознал тело Джими:

— Насколько я знаю, Джерри Стикеллз, потому что я не хотела его видеть, они сказали мне, но я просто не могла бы.

В более раннем интервью Моника заявила, что она настаивала на том, чтобы ей показали тело Джими. Ещё она говорила, что Джими дважды брал с неё обещание, что если ей сообщат о его смерти, она проведёт рядом с его телом три дня и три ночи, пока его душа будет совершать астральное путешествие, и таким образом она предотвратит возможность быть ему похороненным заживо:

— Я отказалась [опознать тело]. Но точность в том, что я видела Джими в госпитале мёртвым — Альвиния мне говорила в отношении этого, потому что она была со мной — и то, потому что то как я запомнила его в госпитале которое было так, так по–особенному. Я никогда не видела мёртвых ещё. Когда Джерри Стикеллз спросил меня, я спросила его где был Джими, и он сказал:

— Ну, в одном из таких ящиков.

Я сказала:

— Нет я не хочу видеть его.

Потому что я не хотела разрушать картину у меня о Джими, когда он только выглядел как если бы он спал. Я была потрясена определённым образом, потому что он [Джерри] знал я видела Джими уже мёртвым в госпитале. И я подумала, почему он старается помучить меня видом Джими снова? Джерри Стикеллз был в госпитале и Эрик Барретт, отдельно от Альвинии и меня. Так вам стоит действительно спросить Джерри [который опознал тело], я не знаю. Никто не просил меня опознать Джими в тот день относительно которого идёт речь говоря: "Это Джими Хендрикс?" Я была как под шоком и как в слезах что никто даже не побеспокоил спросить меня это. Оглядываясь назад после его смерти, я думаю подсознательно он знал. Он мог даже знать это осознанно, потому что так много вещей он говорил мне что я должна сделать. Например, он просил меня что если он бы умер, я должна стоять охраной три дня.

147

Я спросила:

— Зачем? Для чего?

Он объяснил это мне в деталях, те определённые люди например в астральном путешествии, что их телесные функции проявляются так низко, что доктор может объявить человека

мёртвым, и людей хоронят живыми, и он не хочет этого случиться с ним. Так он просил меня, и затем сказал что почему именно меня он просит, и я дала обещание ему сделать это. Это обещание я не сдержала.

После того как Джерри Стикеллз приехал в больницу и опознал тело Джими, д-р Шайферт смог заполнить больничный лист и объявил официальное время смерти Джими Хендрикса 12 часов 45 минут дня.

— Сказали спуститься вниз, и опознать тело, и вернуться, и поклясться, что это его тело. А хорошо изучив за все эти годы свойство Джими исчезать с какими–нибудь женщинами, или какие–нибудь приключения на день на два, я не беспокоился. Я спокойно спустился вниз, размышляя, что меня сюда привело, ну вот я спущусь и это окажется не он, знаешь. Так это и было, но я хочу сказать, я полагал, что кто–то над нами зло пошутил, какой–то неправильный чёрный юмор. Но нет, не улыбка была на его лице, но выражение такое, какое бывало у него, когда всё идёт правильно, по тому, как он задумал.

Джими был перевезён в морг служащим по имени Уолтер Прайс.

Журналисты

Весьма поспешно кто–то в больнице безапелляционно заявил подоспевшим журналистам:

— Мы не знаем где, как и почему он умер, но умер он от передозировки.

Лес Перрин [пиар Джими] незамедлительно сочинил некролог для прессы. И уже спустя час он дал интервью голландскому радио.

Перрин, которого к настоящему времени [к 1995 году] уже нет в живых, заявил:

— Ну, всё что я знаю так это то, что тело мистера Хендрикса было доставлено в больницу при аббатстве Святой Марии в Кенсингтоне, Лондон, к 11:45 этим утром и он по прибытии была уже зарегистрирована смерть. Причина смерти в данный момент не ясна и не будет выяснена до тех пор, пока экспертиза не вынесет своё заключение, ожидаемое на следующей неделе. Мистер Стикеллз, гастрольный менеджер Джими Хендрикса, встретится со следователем, который ведёт расследование причины смерти, завтра утром. Мистер Дик Кац, агент Джими Хендрикса, уже побывал сегодня в больнице. Мы уже провели беседу с секретарём главврача больницы и с полицией.

148

Все мы в большой печали. Этот человек был великим музыкантом, гигантом среди музыкантов современности. Я знал его на протяжении многих лет. Был рядом с ним и на европейских гастролях и на американских. Я открыл для себя в нём мягкого, приятного человека. И как сказал однажды Дик Кац, во все времена он хотел бы быть его импресарио, ни одного случая не было, чтобы ему он создал какие–либо сложности. Он был скорее отзывчивым, сердечным человеком, чем, как все думали, судя по его внешности, причёске и манере одеваться, причудливым экстравертом, человеком искрящегося таланта с прекрасным чувством юмора. И я любил его очень нежно.

— В справке, которую вы получили в больнице, сказано, что причина смерти наркотики.

— Ну, это не исключено. Может быть даже и хорошо, если он умер от излишнего количества снотворного, но говорить сейчас об этом ещё преждевременно, ещё не получено заключение экспертизы. Не стоит гадать на эту тему, что же послужило причиной.

Би–Би–Си Радио–Один первыми сообщили эту новость в своём дневном 2–хчасовом выпуске новостей:

"Джими Хендрикс, признанный миллионами как наиболее талантливый и неподражаемый исполнитель современной поп–музыки, мёртв. Этим утром его отвезли в Кенсингтонскую больницу из дома на Ноттинг–Хилл–Гейт, где он потерял сознание."

К вечеру во всех теленовостях по всему миру было объявлено это сенсационное известие.

Газеты

Крис Велч в конце своей книге о Джими [Hendrix, первое издание в 1972 году] приводит фотографию своего рабочего стола на котором разбросаны вырезки из газет с заголовками о смерти Джими:

"Последние утраченные дни Джими. "Мне нужна помошь, дружище." Такие слова записал автоответчик в пустом офисе Час Чандлера — эпитафия Джими Хендрикса, идола миллионов и пророка поколения наркоманов. Интервью с девушкой Хендрикса [Лоррейн Джеймс], рассказывающей о ночах любви."

Вечерний Стандарт: "Джими Хендрикс мёртв — передозировка" [без фамилии автора статьи, просто подписано "репортёр"].

Скетч: "Джими Хендрикс умер в наркотическом дурмане. Дикарь от поп–музыки, Джими Хендрикс, умер вчера. Он впал в кому, как если бы он заснул в первый раз после нескольких бессоных ночей"

Дейли Мейл, статья Питера Стили: "Последние часы Джими, рассказанные девушкой, которая была с ним, когда он умер. Блондинка Моника Даннеманн плакала, как если бы она… [далее оборвана].

Миррор, статья джеймса Вильсона: Дикарь от поп–музыки Джими Хендрикс мёртв. Гитарист Джими Хендрикс, дикарь от поп–музыки, умер. Вчера его подружка обнаружила, что он в бессознательном состоянии."

The Times поместила крошечную заметку о Джими: "Джими Хендрикс — ключевая фигура в развитии поп–музыки."

Вечерние Известия? статья безымянного репортёра: "Наркотики убили Джими Хендрикса в возрасте 24 [sic!] лет. Поп–звезда Джими Хендрикс умер в Лондоне сегодня после после того как его отвезли в больницу, предположительно — передозировка."

Версия полицейских

Где–то в середине дня констебль Ян Смит приехал в Самарканд, чтобы допросить Монику:

— Мы вернулись позже и из того, что нам удалось узнать, сложилась картина вечера накануне, Джими с девушкой поспорили и он разбушевался. Чтобы успокоиться, он принял снотворное и пошёл спать. Она вышла на улицу, а когда вернулась, ему стало плохо и она никак не могла его разбудить. В те дни нас вызывали беспрерывно. И это был один из множества вызовов. Я даже и не знал, что это мог быть Джими Хендрикс.

149

— Я хорошо помню два полицейских пришли, — рассказывает Моника Даннеманн. — Я не помню больше потому что я была под шоком. Я знала они пришли осмотреть квартиру и я думала о поэме. Эту личную поэму которую я ещё не видела, которую Джими дал мне, но он сказал не читать её, читать её позднее. И я подумала, о, боже, если они найдут её, они её заберут. Я подумала я уже никогда не увижу её снова, и мне не понравилась эта идея. Эта поэма, среди других вещей написанных Джими была в сшитых страницах, как в записной книжке. Первые несколько страниц исписаны и разрисованы мною. Так они начали смотреть первые несколько страниц и затем они только полистали, и как они пропустили эту поэму. Это единственная вещь я могу ясно вспомнить, где я боялась этого они бы унесли её с собой.

В три часа дня полицейский сержант Джон Шоу и констебль Аптон посетили больницу Святой Марии. Никаких опросов ни медицинского персонала, дежурившего в то утро, ни санитаров скорой письменно они не зафиксировали. Фактически никаких записей о пребывании Джими Хендрикса в больнице при аббатстве Святой Марии не было сделано. Единственная официальная запись сохранившаяся с того дня — это запись в журнале учёта с именем, возрастом и временем прибытия.

Около четырёх часов дня Джон Шоу и констебль Аптон были уже в гостинице Самарканд, чтобы официально допросить Монику. Это было первое из двух официальных заявлений, которые сделала Моника и второй, радикально изменённый ко времени следствия.

В первом она заявляла:

— Мы легли спать около семи утра. Когда я проснулась в одиннадцать его лицо было полностью покрыто рвотными массами и он дышал, хрипя. Я вызвала скорую и его отправили в

больницу. Я также заметила, что десять моих таблеток снотворного пропали.

Джон Шоу не допросил ни кого другого, ни Альвинию Бриджес, ни Эрика Бёрдона, ни санитаров скорой, всех тех кто мог бы пролить свет на события того утра.

Вечер пятницы 18 сентября

150

Ближе к вечеру полицейские ушли. Существует фотография, как Эрик Барретт и Терри "Пилюля" Слейтер помогают Монике подняться по ступеням её квартиры в Самарканде. На ночь Монику отвезли в гостиницу Линкольн–Хаус на Глаукестер–Роуд.

— Мы вернулись на квартиру, — рассказывает Моника, — забрать кое–какие мои вещи, и он [Эрик Барретт] помог мне добраться до гостиницы, которая была там всё так вдруг, странно гостиничный номер Эрика Бёрдона. Я не знала Эрика Бёрдона. Я хочу сказать, я его видела у Ронни Скотта, но никогда не разговаривала с и ничего. Но Альвиния была с Эриком Бёрдоном в то время, что я не знала снова. Потому что это была новость, это только случилось тем вечером. Так Эрик Бёрдон только был втянут в это из–за несчастья и не потому что он был близок мне или Альвинии. Это только случилось быть, потому что Альвинии я звонила и он был с Альвинией.

— Вечером, в тот день когда умер Джими, мы все снова собрались у Ронни Скота, — вспоминает Джуди Вонг. — Это не были поминки, это было нечто большее. Помню, Эрик всё время говорил о самоубийстве, я же, напротив, утверждала, что этого не могло быть, что это несчастный случай.

"Я пробиралась в сумерках сквозь модные ряды благоухающих кишок Кенсингтон–Маркета, — пишет Кати Этчингем (стр. 150), — когда Джими подошёл ко мне сзади и обняв произнёс:

— Я остановился в Камберленд–Отеле, — сказал он мне, — почему бы тебе не заскочить ко мне и не сказать "привет"?

— Окей, — ответила я, — загляну обязательно.

Но я знала, что делать этого не буду. Многие годы, прошедшие со дня его смерти, я винила себя, что может быть я могла бы повернуть всё иначе. Но теперь я понимаю, что его всё равно сейчас бы не было с нами.

На следующее утро Маделине позвонила мне домой, мой друг поднял трубку.

— Спроси, может она перезвонить чуть позже, — сказала я, так как была чем–то занята в этот момент.

Но через мгновение он вернулся:

— Она говорит, что это очень срочно.

Я взяла трубку, что–то проворчав в ответ.

— Ты сидишь? — услышала я вопрос.

— Нет, а что? — ответила я и рассмеялась.

— Возьми стул.

— Что? Ну, говори скорее, — я почувствовала беспокойство от её голоса.

— Возьми стул и скажи мне, что ты села.

— Окей.

И через пару секунд:

— Я села.

— Я только что услышала по радио, ночью умер Джими.

Я молча положила трубку. Я кинулась купить Evening Standard, тут же пробежала глазами все новости — ничего. У меня отлегло. Маделине могла и перепутать.

— Это свежий номер? — спросила я у продавца.

— Нет, свежую обычно привозят в три.

Пачки упали на панель, статья занимала всю первую страницу. Джими мёртв. Передозировка. Захлебнулся рвотой. Журналисты ликовали: такой конец ждёт каждого, такого же как Джими, кто пренебрежёт существующим социальным строем. Звучит как мораль из детской сказки про плохишей.

Я читала и перечитывала эту статью, стараясь вникнуть, что же произошло на самом деле. Но ничего не могла понять. Я начала думать, как бы развернулись события, если бы я откликнулась на его предложение, и пришла бы к нему в отель прошлым вечером. Накачался ли он наркотиками, если бы я там была, или нет? Только бы я знала, зачем он меня звал! В газете одни догадки. Я не могла поверить, что его уже нет. Мы могли оставаться друзьями на всю жизнь."

Ноэл Реддинг был в эти дни в Нью–Йорке.

"Только я заснул, после борьбы с последствиями тяжёлого вечера проведённого в городе, надрывно зазвенел телефон, — пишет он в своей книге.

— Алло, ваш друг мёртв.

— Да, кто это?

— Хендрикс.

Я вскочил, сон как рукой сняло. Тысячи мыслей пронеслись в голове, чувства захлестнули меня. Что это? Чья–то шутка? Если да, то это совсем не смешно. Он не может так вот просто взять и умереть. Люди не умирают, когда им всего 27."

Глава 8. Следствие

Суббота 19 сентября

151

Утром в субботу 19 сентября Моника Даннеманн проснулась в гостинице Линкольн–Хаус и осознала, что, покидая свою квартиру в Самарканде накануне вечером, она оставила там листки с последней поэмой Джими.

— Я даже забыла поэму, я уехала с квартиры без этой поэмы, я не думала, я только оставила мой разум полностью. И на следующий день, всё вдруг я поняла когда я оказалась в этой гостинице. И я хотела вернуться в квартиру, и все сказали ни в коем случае ты не пойдёшь на ту квартиру, и я тайно ушла из гостиницы, взяла такси быть там быстрее, потому что я была ужасно напугана что кто–то должен украсть её, это они должны ворваться. Потому что всё там в этом месте, что случилось, понимаете.

Моника вернулась в гостиницу Линкольн–Хаус с поэмой в руках и, по–видимому, с новыми впечатлениями.

Что рассказала Шарон Лоренс

На следующий день я пошла навестить Эрика Бёрдона. Его гостиничный номер был небольшой, вроде кельи в монастыре. Он привёз к себе Монику Даннеманн, обесцвеченную блондинку, одетую во всё чёрное, в компании с которой Джими провёл свой последний вечер:

— Мы были так счастливы на моей квартире, — сказала она мне с горечью в голосе. — Мы так мило поужинали. Я готовила. У нас было немного вина. Он хотел белого, и потом мы легли в постель.

— Что случилось, — спросила я.

— Я не знаю, — шёпотом ответила Моника. — Я нашла его утром.

— Что он проглотил? — снова спросила я.

Казалось, она не понимала, что произошло. Казалось, она была сбита с толку происшедшим, казалось, её волновала только её карьера художницы и что Джими скажет о её работах. Какой–то сюрреализм, а не человек. Мне совершенно было наплевать на её чёртовы картины. Он мёртв и я хотела знать как, зачем и почему. Она начала издалека:

— Я была чемпионкой Германии по фигурному катанию, — сказала. — Случился несчастный случай, затем операция, было много боли. Мне предписали покой. Веспаракс.

— Ты дала их ему?

— Нет, он должно быть нашёл их в шкафу.

— Сколько таблеток он принял?

— Я не знаю, — сказала она и принялась реветь.

— Сколько?

— Они кладут в пачке десять. Я не открывала их.

Я спросила, сколько осталось в пачке.

— Одна. Только одна, — ответила она мне.

Он перестала реветь и добавила, с очень серьёзным видом:

— Они очень сильные. Мой доктор сказал мне никогда не брать больше чем полтаблетки.

Даннеманн вышла на несколько минут. Когда она вернулась, в руках у неё было несколько листков бумаги:

— Это было последняя вещь которую он написал, — произнесла она, с гордостью позволив мне взглянуть на них.

Длинная, логически связанная поэма, написанная его, вьющимся как лесной ручей, почерком, оканчивающаяся словами: "История жизни быстрее взгляда. История любви — это привет–

прощай, пока не встретимся снова."

"Я дала Джими эти таблетки"

Когда пришло время выписываться из гостиницы Линкольн–Хаус, оказалось, что никто не подумал о том, кто будет оплачивать проживание Моники. Денег у Моники с собой не было, а Эрик Бёрдон отказался за неё платить. В результате менеджер гостиницы вынужден был конфисковать вещи Моники. В надежде взять интервью снаружи её ожидал репортёр немецкой газеты Bild, Эгон Ф. Фрайхайт. Видя её расстроенные чувства, он решил предложить свою помощь и взял ей такси, на заднем сидении которого Моника дала ему интервью, рассказав о событиях прошедших 24 часов. Не нужно говорить, что Моника прониклась симпатией к человеку, разговаривающему с ней на её родном языке и к тому же отнёсшемуся к ней с пониманием и добротой. Разговор оказался лёгким и непринуждённым.

Фрайхарту, одному из множества лондонских репортёров, которые каждый день честно выполняют свою работу, просто невероятно повезло, что он получил такое важное интервью, возможно самое знаменитое за всю свою карьеру. Его интервью тут же было переправлено в Германию и напечатано уже 24 сентября, под заголовком через всю страницу: "Я дала Джими эти таблетки".

153

— Я любила его и Джими любил меня. Он хотел, чтобы я вышла за него замуж. Мы были уже обручены. Он много об этом со мной говорил и я собиралась стать его женой. Особенно в эти последние несколько дней… мы планировали пожениться. Мы уже почти всё обсудили, где, как и когда. И ещё я должна была составить ему проект обложки новой его пластинки.

В этой газетной статье подробно описывается, как он познакомился с бывшей фигуристкой, и как она переехала из лондонской гостиницы со своим чемоданом и сумкой в одно из укромных местечек, которое нашёл для неё близкий друг Джими, Эрик Бёрдон.

"Моника рассказала, что исчезла для всех с помощью этого так называемого друга. И что, спустившись вниз, чтобы выписаться из гостиницы, обнаружила, что они хотели забрать все её вещи, и что Эрик не заплатил за номер. Затем эта блондинка долго говорила о вечере, проведённом вместе с Джими накануне его смерти:

— Интриги людей с которыми ему пришлось работать доконали его. Он не мог спать. И я дала ему эти таблетки.

Моника уверена:

— Он умер от них. Никаких наркотиков не было.

На вопрос о тех многих девушках, с которыми он был уже помолвлен, Моника сказала:

— Всё это ложь. Я единственная, с кем он был до конца.

И теперь Моника хочет только одного: всё забыть. Своего мёртвого друга и этих людей, которые претендуют на то, что они друзья Джими."

Позже Моника уверяла, что она никогда не давала этого интервью и что всё это состряпано самой газетой:

— Только одно где я дала интервью кому–то. Я старалась поймать такси и этот парень поймал для меня такси — я была вся в слезах — и он сказал, что позаботится обо мне, и отвезёт меня в любое место, какое я назову, и я была в слезах, я не могла беспокоиться обо всём. Он спросил определённый вопрос и он сказал он репортёр. Но я не ответила потому что я была такая слёзная, я просто не могла. Я думала это ужасно, когда я поняла я сидела, плача рядом с репортёром. И он был из Bild, я помню.

Тем не менее, статья была снабжена фотографиями Джими с Моникой, которые были сделаны в их первую встречу в Дюссельдорфе в январе 1969 года. И это оказалось единственным утешением для Моники в те дни.

154

Каждая газета почти к каждой стране напечатала известие о смерти Джими Хендрикса, причём, из–за устоявшегося имиджа дикаря, большинство газет кричали о смерти от передозировки наркотиков. Английская газета Daily Telegraph связалась с братом Моники, Клаусом–Петером Даннеманном, но по некоторым соображениям он представился им как Хурберт:

— Она позвонила мне в субботу и сказала, что он принял девять таблеток. Она сказала также, что Джими предупредил её, что хочет хорошо выспаться перед полётом в Америку. Он сказал, что может проспать полтора суток. Сказала, что он не собирался покончить с собой.

Моника так описывает нежелание брата, сообщать своё имя прессе:

— Кто–то из прессы позвонил моему брату и он сказал потому что он был под шоком и он был юн в то время, он сказал:

— Я — Хурберт.

— Вы брат Моники, — последовал вопрос.

— Нет, нет я — Хурберт.

Впоследствии Моника отрицала, что её брат когда–либо разговаривал с прессой:

— Мой брат никогда не разговаривал с человеком из прессы, он не был даже в Дюссельдорфе в то время, так никто не мог

звонить ему где он был. Мой брат был в школе в совершенно другой части Германии и никто не мог бы найти его потому что он был ещё мальчиком в то время и, он был ещё в школе.

Эрик Бёрдон

Вечером того дня Эрик сел на поезд в свой родной город Ньюкасл, где у него были запланированы концерты с его новой группой War. И чтобы обезопасить их от лишних разговоров, он взял с собой Альвинию Бриджес и Монику Даннеманн:

— Эрик Бёрдон взял меня и Альвинию в Ньюкасл, потому что он сказал что ему нужно уехать из Лондона. Слишком много прессы и прочего и это не быть приятно и мне надо было уехать. Ну мы сели на поезд до Ньюкасла и остались у матери Эрика на первую ночь. Но я не осталась с матерью. Я осталась в отеле.

Понедельник 21 сентября

155

Вскрытие было назначено на понедельник 21 сентября, делал его профессор Роберт Дональд Тир, патологоанатом–консультант и профессор кафедры судебной медицины на факультете судебной медицины в больнице Святого Георга, в Вестминстере.

Версия Руфуса Кромтона снотворное

"Патологоанатома Дональда Тира, который делал вскрытие, уже не было в живых, — пишет Кати Этчингем, — и нам пришлось разговаривать с его коллегой. Доктор Руфус Кромтон, декан кафедры судебной медицины медицинского училища Св.Георга работал с профессором Тиром. Мы показали ему копию отчёта вскрытия и он сказал, что, по его мнению, Джими был мёртв.

— Он умер от большого количества таблеток снотворного, — заверил он нас. — Совершенно очевидно, что рвота и вдыхание рвотных масс только приблизили смерть. Печень была так увеличена, что вообще странно, как он ещё жил. Он не мог дышать, потому что лёгкие были наполнены жидкостью. Что заставило вас думать, что он проглотил 9 таблеток?

— Девушка, которая была с ним, она рассказала нам, — объяснили мы.

— Ну, — сказал доктор и вид у него был очень смущённый, — я бы сказал, что вам и пяти таблеток было бы много, но если хотите, я могу уточнить у специалиста, какая доза может убить.

Ди сообщила мне, что специалист сказал ей, что наверняка никогда нельзя на это ответить. В одном случае может хватить и четырёх, а в другом и девяти не хватит.

Снова картина полностью поменялась. Вместо проглоченной безответственной рок–звездой горсти таблеток снотворного, которую жадные журналисты обсасывали все эти годы, оказалось, он мог умереть и от нескольких штук. Моника сказала, что это снотворное очень слабое. Если это верно, то он мог взять четыре–пять, чтобы только заснуть."

Эрик Бёрдон вместе с Альвинией и Моникой возвратился в Лондон в конце дня в ожидании заключения специалиста. По возвращении в столицу его пригласили выступить на Би–Би–Си в программе Кеннета Аллсопа 24 Hours. Эрик принял приглашение и приехал на телестудию для прямого эфира. В течение интервью стало ясно, что Эрик сильно нагрузился перед выступлением. Разговор всё время сводился к его собственным экспериментам с наркотиками, но он всё же сделал некоторые поразительные замечания по поводу Джими:

Версия Эрика Бёрдона, белого музыканта, играющего чёрную музыку

— Все пользуются наркотиками, все.

— Вчера в интервью Observer вы сказали, что Джими знал как использовать наркотики. Он очевидно не…?

— Да, он мёртв.

— … не это ли послужило причиной смерти?

— … нет, он сам сделал это. Потому что это переход. Он сделал это по своему желанию. Он сам тщательно спланировал свою смерть. Он был счастлив умереть. Он умер счастливым и пользовался наркотиками, чтобы изменять фазы своей жизни и перемещаться в другие места. Потому что он понимал это как остановку и корректировку направления, в котором он двигался. Фактически он уже давно был артистически задушен, он даже не получал своих денег, не могу представить, какие суммы уходили мимо него. Он понимал, что предотвратить это можно только одним способом, и он был убит как артист уже давно. Переход Джими именно сейчас — единственно верное решение, и он принял его сам.

Прочитав свои комментарии, напечатанные уже на следующий день в Daily Mirror, Эрик пожалел о сказанном и это интервью на многие годы вперёд создало ему массу проблем.

Версия Жаннетт Джекобс

Жаннетт уехал из Лондона в Амстердам 15–16 сентября, потому что ей сказали, что Джими с Моникой хотят пожениться:

— Я из–за этого почувствовала себя отвратительно и уехала из страны. Кто–то ему сказал, что я уехала, а на следующий день его нашли мёртвым. Думаю, Эрик прав, говоря, что это самоубийство.

Жаннетт Джекобс — старинная подруга Джими ещё по Нью–Йорку. Жаннетт — певица и работала с Д-ром Джоном, Джинджером Бейкером и с группой Саке.

С Жаннетт случился нервный срыв, когда она узнала, что Джими не стало. Ей потребовался год, чтобы восстановиться и продолжить работу снова. Она пела у Мэгги Белл и с группой Stone the Crows.

Что удивительно, она напоминала людям, знавшим Джими, его самого, так схожи они были характерами, поведением и манерой речи.

Она вспоминает:

— Думаю, в детстве он так мало испытал счастья, из–за того, что слишком рано умерла его мама. Чувствовалось, что это несчастье глубоко засело у него в душе. Бывало он выхватывает из моей руки бокал с вином со словами: "Тебе хватит." Его мать сильно пила и он часто мне повторял: "Пожалуйста, не пей, ты единственная на всём свете из–за кого я переживаю так же как переживал за свою мать." Сказать, что он был очень одинок, это ничего не сказать. Более всего его одиночество выразилось в его песнях, таких как "И ветер стонет: Мэри". Бывало, ребята из группы говорили мне: "Он побил одну девчонку так, что нам пришлось отправить её в больницу." Не верю. Никто из них не знал его так, как знала его я и я отвечала им: "Может быть она просто достала его." Временами и моё присутствие раздражало его, так он просто не видел меня, не замечал, не разговаривал целый день. Я не обижалась, это была своего рода сложная игра, и в этой игре он был искусен как никто.

Однажды он инсценировал самоубийство. Он сделал вид, что проглотил две таблетки снотворного. Он решил, что я загуляла с одним из его группы и ужасно приревновал. Я вошла к нему, он лежал без движения и когда я уже была на грани нервного срыва, он вдруг произносит: "Он кончил в тебя?" Довольно резко. "Нет!" — только и смогла я выдавить из себя. Сцена ему удалась, я же говорю, из него вышел бы гениальный актёр.

За свою жизнь он любил четырёх. Я была одной из них, Фэй

— другой, ей было 16, когда они встретились. И ещё Кати Этчингем. Последней — Моника Даннеманн, но ему пришлось побегать за ней. Он мечтал о доме, уюте, семье. Нам всем нужно одно и тоже, я имею виду его "Плач по любви".

Его смерть — результат многих стечений обстоятельств. Он пробовал на себе действие многих наркотиков. Этим именем он даже назвал свою группу. Опыты. Он пробовал всё. Он прыгал с самолёта, даже повредил себе там что–то. Разбивал окно рукой. И меня заставлял проделывать тоже самое. Он добивался от меня, чтобы я смогла выкричать свой страх. Он был сильной личностью. В его присутствии становишься смелой. И чувствительной, как оголённый нерв. Сражаясь с чёрствостью, он мог причинить тебе истинную боль.

То вдруг, он спросит меня: "Что ты хочешь?" И я в ответ: "Что ты имеешь в виду?" И он говорит: "В соседней комнате, ты можешь найти всё и совершенно бесплатно." "А кто там был?" — спрашиваю я. "Там были гости и они оставили мне подарки, они хотели, чтобы я обкурился до чёртиков," — смеётся он. Нет, они не хотели причинить ему вред, они искренне желали сделать ему приятное. Там оказывалось всё, что вы можете пожелать — и амфетамины, и антидепрессанты, и белая молния, и пурпуровые сердца — на все случаи жизни.

Не поверишь, они совершенно были уверены, что всё это он проглотит сам. Представь только, что люди, которые любили его, не думали, что это всё может убить его. Не нарочно, конечно. Он был их идолом, в их глазах он был гением, и, следовательно, мог всё. Ему нравилось испытывать себя, но я не видела никогда, чтобы он употреблял что–либо кроме кислоты. Да, он пробовал кокаин, но только в компании, вместе со всеми. Но игла и Джими — несовместимы.

За пару дней до смерти пришла Моника и сказала, что без ума от Джими и что они обручены, и что они собираются пожениться. Я почувствовала себя отвратительно и уехали в Амстердам, подальше от этой страны. "Пожалуйста, подожди," — только и сказал Джими. Но услышать такое от девчонки, стоящей прямо перед тобой! Да, у меня ноги подкашивались. В тот вечер, накануне смерти, он искал меня и кто–то сказал ему, что я уехала, а утром его нашли мёртвым. Я знала, что этим кончится. Многие считают, что с 1968 года он начал скатываться вниз. Но послушайте пластинку Cry Of Love, послушайте внимательного, ничего подобного вы не почувствуете. Для меня, нет более лучшего альбома. Он испытывал тяжёлые времена, ему не давали играть такую музыку, какую он хотел. Это его расстраивало, но не настолько, чтобы сжечь себя. Людям казалось, что Джими может

всё, что он всесилен, но я-то видела, как он был измотан, страдал физически. Временами, казалось, он был готов к этому, потому что все ждали этого от него, это было именно то, что они хотели, чтобы он сделал.

Со мной случился нервный срыв, когда я узнала, что его нет, он длился долгих два месяца, я с трудом осознала, что он уже никогда не вернётся. Я слышу от многих: "Он здесь, он среди нас." Но его нет с нами, ни физически, ни на ментальном уровне. Он знал это, поэтому часто говорил мне: "Когда я умру, просто поставь на проигрыватель мою пластинку."

Крис Велч так комментирует слова Жаннетт Джекобс:

— Ну вспылила, ну уехала, могла и вернуться, думаю, у Джими не раз такое было с множеством девушек, тем более, что по словам Жаннетт, они знали друг друга много лет.

Версия Ноэла Реддинга

— С уверенностью ничего не могу сказать о его смерти. Полагаю, там не обошлось без LSD. Не знаю, был ли это несчастный случай, или самоубийство, или даже убийство. В это время я был в Штатах, но слышал, что Билли сорвался, что он стал всех уверять, что его хотят убить. Он даже еду никому не доверял готовить. Вот Джими и связался со мной, не могу ли я спасти Шведские гастроли. Я уже было стал собираться, я слышал разговоры про его выступление на острове Уайт, поговаривали, что оно не совсем удачно. Затем, вдруг говорят, что он уже мёртв.

[Комментарий переводчика: из его слов ясно одно, почему Ноэл не приехал заменить выбывшего Билли Кокса, хотя и заверил Джерри Стикеллза. Запой. А с Билли, уверен, это предостережение. Джими с помощью Билли, его старинного друга, показали, что может произойти с ним в ближайшем будущем, но он, как всегда, решил испытать свою Судьбу сам.]

Предсмертная записка

Майк Джеффери возмутился, когда люди заговорили о "записке самоубийцы", им в ответ он готов был представить стопки исписанных листов, и о каждом из написанных за многие годы Джими стихотворении можно было сказать: "Вот, это именно она."

История Иисуса стара как мир
Его распяли, женщина одна
Рукою показала.
История Иисуса, вся Библия о нём
Пройдя пустыню
В самом сердце отыскал он
Розу.
Вопросов — нет
Лжи тоже нет
И счастливо женившись
Сколь слёз пролив
Ныть не к лицу мужчине.
В борьбе погибнув
Душа его всё бродит по земле.
И в небе ангелы парят
В то воскресенье
И имя им восхода солнце.
Писать историю решатся люди, кто
За правдою стоит, кто бережно
Тот крест несут и за чертой
Мы свет тот видим лишь тогда, когда
Любовь в объятьях мы сжимаем
И женщина всегда запомнит то мгновенье
Когда мы умираем.
И всё что знаем мы наверняка
Бог с нами, а что сказал он нам тогда
Услышать просто, понять
Нам не дано.
Быть одиноким — никогда
Уважать должно другое сердце
История Иисуса, рассказ о нас с тобой
И одиночество не выход
Я в поиске твоём дарю тебе свободу.
Рассказ всей жизни — быстрее взгляда
Любви рассказ — привет–прощай

До встречи новой.

Версия чёрных музыкантов, игравших с Джими

— Знаешь, он уже был готов к переходу, — говорит Джума Султан [01:29:52,700]. — Думаю, многие его близкие видели, что он был готов к переходу. На людей это обычно сильно действует, но Джими относился к этому по–своему. Происходит своего рода перемещение. Ну как… много говорят о смерти… оглянись, взгляни на его музыку, на стихи, им написанные… Почитай, только не пытайся их напеть, просто прочти, узнаешь про него многое… Меня они потрясли, но я не был удивлён.

— Он чувствовал, что ему осталось совсем мало, что он сгорит, — уверен один из братьев Аллен [01:29:06,100]. — Мы, чёрные, про себя это знаем, каким–то образом. Будто в нас что–то горит внутри. Что–то плавится в каждом из нас. Каждый знает свой срок, предел… как скоро это произойдёт. Мы, чёрные, можем убыстрить этот процесс плавки или замедлить. Процесс убыстряется по разным причинам. Веришь ты или нет, про тебя скажу, у тебя быстрая плавка. У нашего поколения, знаешь, этот процесс ускорен. И вот в нём, и во всех нас, кто кругом живёт. Если ты не такой, то мне не о чем с тобой говорить, но если да, то ещё скажу вот что… Иногда душа просто спит внутри тела. Есть два состояния, в которое вы можете войти. Одно — это обычная смерть, в другом тело ещё живёт. Так я считаю. Они, я думаю, решили, что он… в глубоком трансе. Ты тоже можешь там побывать. Это когда… Ты разве никогда не говорил себе: "Вау! Я залетел не в ту дыру!" И ты веселишься от одной этой мысли. Потом понимаешь, что дыра эта и не дыра вовсе, а может туннель, который ведёт к смерти. Ещё ты можешь просто заснуть и попасть в своё подсознание… обычный сон, со всеми это случается. Думаю, Джими, возможно, мог впадать в свой собственный транс, и он приносил ему оздоровление… он взлетел высоко, очень высоко, и мог сказать себе: "Знаешь, меня зовут Джими Хендрикс. Интересно, смогу ли я умереть?" Или так это могло быть: впал в транс и думает про себя: "Fuck it, опять попал не туда" и соскользнул. Мог он, конечно, и просто умереть… Так я это себе представляю. Крушение надежд — и смерть, только и успеваешь сказать: "Fuck it".

Сон Куртиса Найта [стр.37]

Однажды мне приснился сон, всё было так реально, хотя всё, что снилось, происходило в будущем. Мне показали будущее Джими. В розово–лиловых тонах я увидел Джими, прекрасного и безмятежного. Полностью успокоенного. Увидел его дух. Ничего подобного я прежде не видел, и представить не мог. Во сне я увидел, что Джими выполнил свою миссию, и его лицо светилось от счастья. Как только я проснулся, я тут же отправился к Джими, и рассказал ему свой сон. Он посмотрел на меня как–то по–особенному, долго ничего не говорил, а затем произнёс:

— Куртис, знаешь, хочу тебе сказать, сейчас 1965 год, и меня не станет через пять лет. Все эти годы я буду много путешествовать и умру, как только моё послание любви, мира и гармонии распространится между людьми всего мира. Так надо.

Никогда прежде передо мной не выстраивалась цепь событий, рассказанная тихим спокойным голосом и, вдруг, в одно мгновение, в моей голове зазвучали стихи новой песни с такой силой, как будто я знал её всю свою жизнь.

Стоял сентябрь 1965 года — ровно через пять лет почти день в день Джими не станет, песню, которая тогда родилась, я назвал "Баллада о Джими" и слова в ней такие:

эта песня
посвящается памяти
моего лучшего друга
его имя было
Джими
как–то однажды
шли мы по жизненному пути
думая вслух
как бы встретить
любовь
обоим нам
в мечтах
о жизни без презрения
о жизни
полной любви
в тот день, он впервые
взял в руки мою гитару
и я узнал
его путь не близок
не далёк

к его родной звезде
много испытаний
ему успеть пройти
в его
короткий срок
но почему?
за что?
нам грустно
без него
но он
оставил нам
что время не сотрёт
любим он
всеми нами
вот мой рассказ
но нет конца ему
вот Джими ушёл
но с нами он
мы помним его
как сейчас
вот его лисички
с ним навек
хотя все
чувствуем боль
пять лет
он сказал
но он не ушёл
а всего лишь умер

Как только я пропел последнюю строчку, Джими впал в такой восторг, что тут же потребовал, чтобы мы отправились на студию. Он захотел сам играть на всех инструментах. Накладывая разные инструменты, он добился того звучания, которого хотел. В итоге при записи он играл на всех инструментах, кроме ударной установки. Даже пел со мной дуэтом.

В Штатах запись не издана до сих пор. Зато успешно растиражирована в Европе — в Англии, Германии, Голландии и Италии, её издали даже в Австралии. Несколько дней спустя его смерти граммофонная компания Пате Маркони пригласила меня в Париж спеть Балладу о Джими по французскому телевидению в программе, посвящённой моему другу Хендриксу.

В Англии сорокопятка вышла уже после его смерти, и многие музыкальные критики вместе с поклонниками Хендрикса

посчитали, что я написал её в память о нём в коммерческих целях. Не придумать более фантастического заявления, чем это, ведь видно, что поёт и играет сам Джими.

Многое из того, о чём Джими со мной говорил тогда, в 1965, я не понимал. О каком–то послании, и что прибыл он с ним из других миров. О том, сколько мы должны выстрадать прежде, чем наш дух возвысится и обретёт своё место в каком–то другом мире.

Радуга Мелинды Мерривёзер

Конечно же, я любила его! Его трудно не любить, — говорит Мелинда Мерривёзер [3–00:36:40,700]. — Замечательный, удивительный человек. Повторю это ещё и ещё. Это исключительно скромный, добрый, и такой чуткий человек.

Это было на съёмках: Чак [Вайн] попросил меня найти Джими и передать, что сегодня будут съёмки и ему нужно выбрать место для следующей сцены. Джими посмотрел мне в глаза:

— Меня здесь не будет.

— В каком смысле?

— Меня не будет в моём теле, я буду мёртв.

В фильме есть одна сцена, где Джими сидит на чердаке. Если кто–нибудь меня спросит: "Что он был за человек?" Я скажу: "Посмотри эту сцену, на чердаке". Первую часть снимали с трудом, он сопротивлялся, Чак заставлял его, в итоге он сыграл самого себя. Он рассказал о том, каким был в школе, рассказал о полёте над пустыней. Он был так похож на самого себя! Он вспоминал всю свою прежнюю жизнь, а в конце сцены подавился виноградом:

— Если помните, я подавился виноградом, никак не мог выплюнуть косточку.

Вот так это всё и было. Как раз в конце сцены. Помню, что когда это произошло… когда я узнала об этом из новостей, вся эта сцена возникла перед глазами, та самая, когда Джими сказал мне, что его здесь не будет, и незачем обсуждать будущее, я поняла, что это пророческие слова. Месяц спустя его не стало. Он улетал с Мауи… как сейчас, перед глазами: он сел в самолёт… я увидела его в окне. Он показал, что у меня что–то за спиной. Сделал такой жест — мол, "у тебя за спиной!" Я оглянулась и увидела огромную яркую радугу, прямо над головой. Вся долина была озарена ею. Он отдал мне честь, как лётчик из старого фильма. Всё сжалось у меня в груди: это конец.

…В моём сердце есть место для Джими. Я хочу сказать, Джими живёт в моём сердце. Слушаю его, плачу. Ставлю пластинку, не могу наслушаться. Просто не могу наслушаться. Со мной творится невероятное: куда бы я ни пошла, в магазин, в бар, в ресторан… всюду я слышу его музыку. Это он звучит во мне.

Вопросы без ответа

Программа Cointelpro курировалась Эдгар Гувером, главой ФБР конца 50–х, — рассказывает Джим де Юджинио [3–00:51:14,400]. — Сначала она называлась 'Золотая Программа' целью программы была нейтрализация и дискредитация любых молодых, словами Гувера, "Чёрных Мессий", могущих возглавить движение за права человека, либо националистское движение чернокожих. Это могло касаться и белых, за которыми могли пойти неуправляемые массы.

ФБР засекретились настолько, что в целях национальной безопасности документ частично замазан чёрным, значит была и внутренняя цензура. Думаю, самая важная часть информации останется недоступной. Кто–то пересматривал эти документы через 7, 8, 9 и 10 лет и самое интересное, что находил в них замазывал чёрными чёрнилами. Видимо, что–то они ещё не готовы предать огласке, что–то, что компрометирует их.

Операция ЦРУ 'Хаос' началась в начале 60–х, она была нацелена на либералов, антивоенных активистов, подпольных газетчиков, коммунистов, etc. Методом борьбы с ними было проникновение в их ряды с целью отвлечь их внимание, внести раздор, ослабить их положение, добиться распада движения или его максимального ослабления 'Хаос' была одной из самых грандиозных за всю историю ЦРУ, ЦРУ удалось взять под контроль те силы, которые в то время набирали обороты и находили поддержку в массах. ЦРУ прежде всего… Целью было не допустить объединения… чтобы те враждовали, шли порознь, не стали единой политической силой.

Музыка Хендрикса была такой сильной, и приобрела такую популярность, что уже к концу 1968 года, а особенно после Вудстока, который, на мой взгляд, стал пиком его карьеры. Для многих он стал иконой. Только представьте, со сцены звучит Национальный Гимн! В исполнении Джими Хендрикса! Музыкант номер один американской рок–сцены! А националисты из 'Black Power'? А его сочувствие либералам? Но Хендрикс их поддерживал материально и те смогли укрепить свои позиции. У Чёрных Пантер не хватало денег, профинансировать крупные операции, о которых они мечтали. В Джими Хендриксе они увидели такого спонсора. С его деньгами это стало возможным.

В некоторых деталях, особенностях, убийство Хендрикса схоже со многими другими убийствами, исследованными мною. В нашем случае, необходим был свой среди чужих, кто–то, кто был бы всё время рядом и пользовался доверием. И чтобы никто даже

не подозревал, что он работает на два фронта. Таким человеком был Майк Джеффери, его менеджер. Только потом выяснилась его связь и со спецслужбами, и с мафией.

Ещё больше подозрений вызывает расследование таинственных обстоятельствах его смерти. Не было проверено заключение о времени смерти. Так спешили, что даже не успели сопоставить показания разных свидетелей. Вскрытие… тоже вызывает… очень большие подозрения: Оно установило, что он умер, захлебнувшись своими рвотными массами. А оказалось, он чуть ли не утонул в красном вине. Ну, а дальше, политика клеветы, называйте как хотите, [ещё один способ сделать деньги] когда поливают грязью уже посмертно.

Думаю, 9 из 10, кто знал Хендрикса, уверены, что он умер от передозировки героином, хотя он никогда не принимал героин и тут началась серия таинственных смертей среди тех, кто его окружал. Девон Вильсон в 1971 году выпадает из окна гостиницы, с восьмого этажа. Затем Джеффери погибает при странных обстоятельствах в авиакатастрофе в 1973 году. А Моника Даннеманн? Как установлено: самоубийство. Отравилась в гараже угарным газом 5 апреля 1995 года. Накануне прямого эфира, посвящённому таинственным обстоятельствам смерти Джими.

Антиверсия Майры Паначе чёрный голливудский агент — Джими Хендрикс

11 июня 1969 года в ЦРУ завели дело на Хендрикса после его появления на нескольких "антиправительственных" концертах. Его наиболее оскорбительным действием было участие в концерте в защиту Джерри Рубина, Эбби Хоффмана, Тома Хайдена, Бобби Сила и других подсудимых из Чикагской Семёрки:

— Присоединяйтесь к Чёрным Пантерам, — сказал он репортёрам подросткового журнала, — мы всего лишь стараемся испугать… Я знаю, это звучит как призыв к войне, но такое тоже имеет место быть. Это должно быть войной… повернитесь лицом к реальности — вокруг происходят дьявольские вещи и они хотят видеть в вас пассивных пешек, слабых и безвольных, чтобы намазывать вас как джем на хлеб… Вы должны ответить огнём на огонь.

На шведских гастролях в Лисбурге в интервью Томми Рандеру Хендрикс сказал:

— Живя в Штатах, вам необходимо сделать выбор на какой стороне вы находитесь. Вы либо повстанец, либо франк синатра.

В 1979 году студенты поместили статью в своей университетской газете о файлах ЦРУ, с которых за давностью лет была снята секретность, а именно, о деле Хендрикса. Шесть полностью вымаранных чернилами страниц под грифом "в настоящее время и должным образом соответствует приказу 11652, в интересах национальной безопасности в международной политики". Этот материал был с большой неохотой передан в учебных целях студентам Калифорнийского Университета в Санта–Барбаре. Оказалось, что Хендрикс попал в федеральный секретный список лиц, ведущих подрывную деятельность и рекомендуемых к перемещению в нейтрализационные лагеря в случае национальной угрозы.

И если агенты Британской разведки решили установить слежку за Хендриксом, то лучшего кандидата на эту роль, чем менеджер Хендрикса, Майк Джеффери, им было не найти. Джеффери, по его собственным словам в прошлом агент британской разведки, родился в Южном Лондоне в 1933 году. Единственный ребёнок в семье почтовых служащих, окончив школу в 1949 году, служил клерком в Мобил–Ойл и был призван в армию на два года. За свои способности его отправили учиться в Образовательный Корпус. Выбрав военную профессию, он вошёл

в состав Британской разведки и с этого момента его дальнейшая деятельность не ясна.

По словам биографов Хендрикса Шапиро и Глебика Джеффери часто хвастался, что участвовал в секретной миссии против русских, работая в отделе по расследованию особо тяжких преступлений, связанных с мародёрством и пытками в иностранных городах… Отец Майка, говорит, что сын редко говорил о своей работе, возможно по причине личного характера, но утверждает, что Майка за всю его военную карьеру ни разу не видел в форме, и знает наверняка, что тот был в Египте и предполагает, что именно там он выучил русский язык.

Далее Шапиро интригующе заявляет, что Майк Джеффери часто намекал на свою связь с силами зла. Общеизвестно, что он поддерживал отношения со Стивом Вейссом, адвокатом и Опытов Джими Хендрикса, и группы Vanilla Fudge (менеджерами которой были представители мафии), из адвокатской конторы Штайнгартен, Ведин и Вейсс. Однажды, когда Мич Мичелла задержала полиция за то, что он разбил катер, взятый им напрокат, вмешались гангстеры из менеджмента Vanilla Fudge и вызволили его из тюрьмы.

Ещё со времён войны музыкальных автоматов организованная преступность контролирует звукозаписывающую индустрию. Мафиозо Майкл Франчини засвидетельствовал на открытом заседании суда в конце 80–х, что его крёстный, Франчини, по прозвищу "Сынок", был теневым инвестором Buddah Records.

В 1971 записывающийся на Buddah Records Бобби Блум убит выстрелом иногда описываемым как "нечаянным", иногда "самоубийством", в возрасте 28 лет. Бобби Блум записал много сольных пластинок, такие, как например, Love Don't Let Me Down и Count On Me. Вместе с Джеффом Барри, который писал музыку, они писали песни для Monkees, особенно в их поздий период. В 1970 году Блум попал в горячую десятку с сорокопяткой Montego Bay. Такими же аполитичными были и ещё несколько руководств мафией кроме Vanilla Fudge, таких мотауновских звёзд, как Глэдис Найт и Куртис Мейфилд. В конце 60–х мафия стала контролировать и перевозчика, Тимстерс–Юнион. Ни одни гастроли рок–групп не обходились без оплаты наблюдателям о верном пути следования их инструментов при отправке в аэропортах.

Агент Британской разведки или член мафии, Джеффери, или и то и другое вместе, но очевидно как–то связанный с мафией, значительно повлиял на музыкальную индустрию целой декады и совершенно точно, что Хендрикс не мог не разглядеть в нём

нечто, чему он так отчаянно стал сопротивляться в последние месяцы действия контракта с Джеффери.

Вечная невеста Хендрикса, Моника Даннеманн, описывает тактику контроля, которую выбрал Джеффери по отношению к Джими так: изоляция и манипулирование.

В мае 1969 у Джими в аэропорту Торонто находят героин. Джими уверен, что Джеффери использовал третье лицо, чтобы этот героин попал к нему в сумку, как предупреждение, чтобы преподать ему урок. Джеффери понимал не только то, что Джими ищет способ разорвать контракт, но и то, что он может вычислить, что арест в Торонто, это лёгкий способ заставить замолчать Джими… Джеффери изолировал Джими от друзей, которые способны были его поддержать. Джеффери окружил его людьми, на которых имел влияние, чтобы манипулировать им.

Финансы группы полностью контролировались менеджментом и оседали в налоговом предприятии на Багамских островах основанном в 1965 году Майклом Джеффери под названием Ямета и Ко., являющимся дочерней Банку Нью–Провиденс с капиталом в Нассау–ветви Банка Нова–Скотия и Химического Банка НАСА в Нью–Йорке. Солидная доля заработанных группой денег бесшумно оседала в Ямете. Банки в которых Джеффери открывал счета были известны тем, что отмывали наркоденьги деятельности дуэта ЦРУ/мафия. Так, Химический Банк предоставил защиту в 1980 году 445 подсудимым, когда следствие вскрыло связь сотрудников банка с перевозкой наркотиков. Журнал Time описал Банк Нова–Скотия, являвшийся основным инвестором Международного Коммерческого и Кредитного Банка, как "наиболее активный финансовый суперрынок по отмыванию денег, когда–либо существовавший" и имеющий связи с верхними эшелонами правительств некоторых государств, ЦРУ, Пентагоном и Ватиканом.

Друзья Хендрикса выкрали некоторые документы из нью–йоркского офиса и передали их Джими. Из одного из них следовало, что сумма полученная группой за выступления занижалась до 10 тысяч долларов, тогда как фактически она составляла 50 тысяч." Друзья Хендрикса уверены, что "Джеффери с мёртвого Хендрикса получил больше денег, чем если бы продолжал быть его казначеем." Менеджер Опытов сконструировал "финансовую империю, основанную на посмертных изданиях прежде неизданных записей Хендрикса.

В июле 1970 года за месяц до своей смерти, когда Хендрикс прекратил уже все связи с Джеффери, на съёмках Rainbowbridge он сказал Чаку Вайну:

— В следующий раз, когда я поеду в Сиэтл, я буду в сосновом ящике.

Версия Алекса Константина или антиверсия ретушёра общественного сознания

Думаю, Хендрикс был в безопасности, пока не влез в политику, — считает Алекс Константин, политический исследователь [3–00:30:05,100]. Нельзя сказать, что он интересовался ею, но Чёрные Пантеры насели на него. В прессу просочились его высказывания о захвате Вашингтона Чёрными Пантерами. "Это похоже на войну, и это то, что мы заслуживаем. Нам нужна война!" Такие заявления ФБР не могли пропустить.

Джими Хендрикса убили, и на это у них были причины. Первая, в прессе печатались его высказывания о Чёрных Пантерах, о походе на Вашингтон… Вторая, его пожертвования Бобби Силу и Чикагской Восьмёрке, которая привлекла внимание ФБР. Их расследовательская программа и программа убийств, в рамках которой были обезврежены 28 Чёрных Пантер. Тупак Шакур был 29–м, потому что он был одним из Пантер. Хендрикс покупал газеты Чёрных Пантер, по одному этому он уже был покойником.

В 1976 году группа студентов университета в Санта Барбара, ссылаясь на закон о свободе информации, раскрыли документы, касающиеся Джими Хендрикса. В их руки попали 6 страниц с замазанным текстом. Они заявили, что есть ещё 7 страниц списка лиц, представляющих угрозу для безопасности страны и Джими Хендрикс был среди них. Это означало, что таких как он планировалось изолировать в специальных лагерях, чтобы ни он, ни такие как он больше не принесли вреда обществу.

Никсон был очень озабочен этим. В его распоряжении лучшие агенты. Том Чарльз Хьюстон из движения 'Юные американцы за свободу' кладёт на стол Никсону план ареста неблагонадёжных. В этом списке Джими Хендрикс, понимаете? Но Хендрикс не был опасен. Он — музыкант. Это его призвание, вот, кем он только хотел быть. Но он ввязался в политику, а это уже другая история. Думаю, знаменитости нужно следить, о чём можно говорить. Скажешь что–то не так: и могут быть плохие последствия.

В своё время мафия устроила целую битву за музыкальные автоматы, Ещё в время II-ой мировой войны, USS начали операцию 'Underworld' на выполнение которой привлечены ключевые фигуры из мира организованной преступности Италии и США. После войны этот союз продолжал действовать, союз ЦРУ с мафией продолжается и по сей день. И вот теперь, в рамках

операции 'Хаос', они запустили дочернюю программу. Мафия тоже в этом участвовала. Музыкальный бизнес контролируется мафией, а мафию легко контролировать и использовать для убийства музыкантов, которые слишком резко выражаются в адрес правительства США.

Майк Джеффери очень интересная фигура. Работать на правительство начал ещё на воинской службе, потом перешёл на работу в военную разведку. С этого момента о его карьере больше ничего не известно. Мы не нашли никаких сведений о его службе в контрразведке, кроме того, что он выезжал в Египет и хорошо говорил по–русски. Он любил говорить, что у него есть знакомые мафиози, но никто не воспринимал это всерьёз. После его смерти осталось множество документов и вырезок из газет, так что, очень возможно, он говорил правду. И что все эти годы он был связан с мафией. Джеффери специально усложнял жизнь Хендриксу: концерт в Торонто, на следующий вечер — в Майами, затем — в Калифорнии. Он изматывал его, держал в зависимости и под полным контролем. Джеффери был очень коварным типом. Он основал фиктивную компанию на Багамах, куда переводил большинство украденных денег. Потом они распределялись между двумя банками: Химическим банком NASA [Комитета по Аэронавтике и Космическим Исследованиям] и банком Нова Скотия. Джеффери обкрадывал его, портил карьеру, подговаривал его окружение следить за ним, мешать ему во всём и портить жизнь. Хендрикс почувствовал, кто в этом виноват. Когда он узнал, что деньги исчезли, он подал на Джеффери в суд, но умер как раз тогда, когда ответчик должен был явиться на слушание по повестке.

В кармане нашли коробку веспаракса, в которой оставалось 42 [sic!] таблетки. Недавно Эрик Бёрдон заявил: "Джими Хендрикс покончил жизнь самоубийством." Если бы он это хотел сделать, думаю, проглотил бы все имеющиеся у него таблетки. Совершенно ясно, о самоубийстве не может быть и речи. Если бы это было самоубийство, или несчастный случай, он не был бы полностью одет. Когда приехала скорая, в квартире никого не было. По словам Моники Даннеманн, она там была. В её показаниях сплошь одни дыры с Бруклинский мост. Итак, раз он был полностью одет, раз это не был несчастный случай, раз он не умер во сне в одном из лондонских отелей, его напоили силой. Я очень сомневаюсь, что красным вином он мог сам себе наполнить желудок и лёгкие, я ни разу о таком не слышал. Возможно, его окунали головой в раковину, наполненную красным вином, пока он не захлебнулся. Либо ему просто заливали вино в рот. Последний вариант более вероятный, иначе, как бы он смог

выпить так много? Думаю, ему запрокинули голову и держали так, пока лили вино в рот. Вино заполнило лёгкие, и он умер в считанные секунды. Майк Джеффери вёл себя как виновник убийства. [В день смерти он был на Майорке, ураган оборвал все провода. Ему предали, что Джими пытается дозвониться до него и когда восстановили связь первый звонок был: "Умер Джими".] На похороны он приехал, но так и не вышел из автомобиля. Фактически он признался джазовому продюсеру Алану Дугласу, близкому другу Джими, что он имеет отношение к убийству. Он не сказал об этом прямо, но Алан Дуглас понял, что Джеффери признался.

Дискредитация Джими Хендрикса началась сразу после его смерти. Все газеты мира писали: "умер от передозировки героином" [как ввести иначе моду на героин? было время кокаинового бума] не смотря на то, что все знали, что он даже не пробовал героин! Он же явный галлюциногенщик! Героин не был обнаружен в крови. Но журналистам было всё равно, они упорно твердили: "Героин!"

Скажем, вы стали свидетелем убийства, вам пригрозили: ты следующий, если скажешь хоть слово. Наверняка не раскроете рта. Приходят полицейские, задают вопросы — вы отвечаете, но не то, что было на самом деле: вы чувствуете, что вы следующий.

22 сентября

Заключение о причине смерти Хендрикса должно было быть зачитано среду 23 сентября, но оно было сразу же засекречено и в ожидании проведения дополнительных анализов отложено до 28 сентября.

156

Накануне 23 сентября П. Уийилл из следственного отдела взял показания у Моники Даннеманн и Джерри Стикеллза.

Моника, чьё полное имя Моника Шарлотта Даннеманн, представилась художницей и свой адрес она назвала так: "Квартира с садиком", 22 Лансдауни–Крессент, Лондон. Под присягой она сказала:

— Я знаю Джими Хендрикса последние два года. Я познакомилась с ним в Германии и мы подружились и когда я приехала в Англию в этом году я нашла его и мы продолжили наши отношения. Со вторника 15 сентября он жил со мной в моей квартире на Лансдауни–Крессент. Он был очень счастлив в это время и попросил меня быть его единственным фотографом и дизайнером обложки для его новой пластинки.

Мы ходили в среду и в четверг в джаз–клуб у Ронни Скотта ели и пили вино каждый вечер и проводили вечер слушая музыку. В четверг 17 сентября мы остались и я приготовила на ужин спагетти и мы проговорили до 2–х ночи. Он затем сказал что ему нужно идти куда–то и увидеть каких–то людей о своей группе и я довезла его до дома на Грейт–Камберленд–Плейс, и он ушёл в какую–то квартиру там. Я спросила его я могу ли идти с ним но он сказал что они не очень приятные люди. Я видела его входить в дом и позже около 2:45 ночи, я встретила его там и мы отправились домой.

Он затем сказал мне что он курил марихуану пока он был на квартире. По нашему прибытию я сделала сандвич и мы проговорили до 7 утра. Он затем сказал что он хочет идти спать. Он принял несколько таблеток и мы легли в постель. Я проснулась около 11 утра и увидела что лицо Джими покрыто рвотой. Я постаралась разбудить его но не смогла. Я позвонила в скорую и его отвезли в больницу в Кенсингтоне. Он не восстановил сознание и позже умер в 12:45 дня. До прихода с ним в больницу, я проверила мои прописанное мне снотворное веспаракс и нашла что девять из них исчезли. Он был очень счастлив и я никогда не слышала его говорить о убийстве себя. Он только составлял новую долгоиграющую пластинку и был увлечён делать какой–то фильм.

Джерри Ричард Стикеллз представился гастрольным менеджером и сказал, что живёт на 133 Эльгин–Крессент и также под присягой сообщил следующее:

— Я опознал пострадавшего. Я был его гастрольным менеджером по Англии и главным менеджером последние два года. Знаю я его с 1966 года. Последние два с половиной года он провёл в Америке. Здесь, в этой стране и Швеции он три недели. Ни разу за последние два года не обращался к врачам. Мне кажется, он вообще был крепкого здоровья. Не помню ни одного раза, чтобы он жаловался на боли в животе и тем более рвоту. Изредка он пользовался снотворным, насколько я знаю, сильные наркотики он избегал. Он принимал амфетамины, но не регулярно. Не видел, чтобы он курил гашиш. За последние три недели он был в очень хорошей рабочей форме, за исключением одного дня, когда он сильно устал и к тому же простудился в самолёте. По большей части он всегда был уравновешенным. Я никогда от него не слышал никаких разговоров о смерти, или чтобы он желал себе смерти.

Полицейский сержант Джон Шоу сделал следующее заявление:

— В пятницу 18 сентября 1970 года в 3:00 дня я прибыл в больницу при аббатстве Святой Марии, где я увидел безжизненное тело Джеймса Маршалла Хендрикса, 27 лет, рождённого 27.11.42., которое прибыло с адреса 22 Лансдауни–Крессент приблизительно в 11:45 с предположительным диагнозом — передозировка. Тело было обнаружено мисс Моникой Шарлоттой Даннеманн лежащим в постели в луже рвотных масс приблизительно в 11:00 утра. Скорая была вызвана в 11:18 и прибыла на место в 11:27. Со слов мисс Даннеманн я выяснил, что они легли спать приблизительно в 7 утра. Когда она проснулась в 11, его лицо было всё залито рвотными массами и он дышал с хрипами. Она вызвала скорую и скорая отвезла их вместе в больницу. Она также заметила, что пропали её десять таблеток снотворного.

Я прибыл по адресу 22 Лансдауни–Крессент и увидел в спальне двуспальную кровать без постельных принадлежностей. Со стороны кровати у кабинета я нашёл на полу одну единственную белую таблетку и коробку с надписью "Веспаракс".

24 сентября

Заключение не обнародовали вплоть до 28 сентября, тем временем Моника решила лететь домой в Дюссельдорф, где 24 сентября она позировала у себя дома фотографу из кейстоунского пресс–агентства. Позировала на фоне своих картин и выглядела на удивление умиротворённой и счастливой, особенно удивительно для тех, кто знал о трагическом несчастии, случившимся с её женихом всего день назад.

Версия белых, официальное заключение 28 сентября

158

Как и планировалось заключение было обнародовано 28 сентября в Вестминистерском следственном суде районным коронером Западного Лондона, мистером Гэвином Леонардом Бурдасом Тёрстоном.

Отпечатанный на машинке документ отражает содержание, сказанного в заключении, и ходил все эти годы среди коллекционеров. Но этот документ никогда не был *точной* записью заключения. Это был кем–то сделанный конспект и появился он, как приложение к неизданной, но широко известной, благодаря самиздату, рукописи Моники With A Little Help From Jimi's Spirit. Судя по документу, создаётся впечатление, что заключение сделано ещё до заседания суда, фактически присяжных вообще не было в этом исключительном фарсе.

Первым свидетелем, давшим показание, был Джерри Стикеллз, который повторил слово в слово всё, что сказал полицейскому сержанту Джону Шоу 24 сентября, который был следующим свидетелем.

Затем очередь подошла профессору Роберту Дональду Тиру, который просто зачитал протокол проведённого им обследования:

Наружное обследование

Физическое состояние. Молодой человек в меру упитанный и с нормально развитой мускулатурой.

Следы насилия и пр. Никаких внешних повреждений. Стигмата наркотической зависимости не обнаружена. Небольшой шрам на левом запястье.

159

Время смерти. Не установлено.

Обследование внутренних органов

Костная система. Нормальная.

Центральная нервная система. Вполне здоров и менинговые сгустки.

Кровеносная система. Правая половина сердца заметно увеличена. Левая нормального размера. Никакой патологии в клапанах. В коронарных артериях заметен тромбоцит.

Дыхательная система. Обнаружено 400 мл свободной жидкости в левой части груди и значительно меньше в правой. Левое лёгкое полностью блокировано. Отёк лёгких. Оба лёгких полностью забиты рвотными массами по всей видимости попавшими из уменьшенных бронхов.

Внутренние органы. В желудке обнаружены среднего размера частично переваренные остатки еды, в которой легко обнаруживаются гранулы риса. Печень чрезмерно перегружена, желчный пузырь в норме.

Моче–половая система. Почки совершенно здоровы. Мочевой пузырь наполовину наполнен прозрачной мочой.

Селезёнка. В норме.

Эндокринная система. В норме.

Причина смерти. Вдыхание рвотных масс вызванных барбитуратной интоксикацией.

Дополнительное исследование

160

Таблетки: Каждая таблетка веспаракса содержит:

Hydroxyethyl hydroxyzine dimoleate. 39 мг содержит антигистаминный стабилизатор

Quinalbarbitone sodium. 150 мг

Brallobarbitone calcium. 50 мг катализатор

Рекомендуеая доза — половина таблетки за час до сна.

Капсула дурамета d и 1 амфетамина 20 мг (Также известного как Чёрный бомбардировщик).

Желудок содержит: В пробах под микроскопом обнаружены гранулы крахмала. Невооружённым взглядом видны целые рисины.

Кровь: Содержание этанола не хватает, чтобы обнаружить более 5 мг%. В пробах крови содержится смесь барбитуратов с такими же из веспаракса, количество квиналбарбитона 0.7 мг%. Присутствие других наркотиков не обнаружено.

Печень: В пробах печени обнаружен только секонал и браллобарбитон. Количество квиналбарбитона — 3.9 мг%. Исследование на токсичные наркотики не достаточно чтобы обнаружить гидроксиетил–гидроксизин, однако присутствует некий изолированный компаунд с подозрением на метаболин. Никотин обнаружен.

Моча: бледная и прозрачная. ph 6 и содержит протеин. Уровень алкоголя 46 мг. Заметно некоторое количество амфетамина в моче. Пробы на основные наркотики показали некоторый компаунд, который был выделен печенью, но идентификация его не представлялась возможной. Никаких других основных, включая морфин, не были обнаружены, за исключением никотина.

161

Анализ смытого с пальцев: Не было возможности определить и опознать присутствие остатков каннабинола в растворе хлороформа. Довольно необычно, однако, надеяться найти их после более чем трёх часов прошедших с момента курения.

* * *

Первоначальное следствие было отложено до дальнейших проведений тестов. Только одна запись прибавилась после проведения дополнительных анализов, это определение Секонала.

Секонал….. = 1.3 мг 100 мл крови = 3.9 мг 100 мл печени

Нормальная доза — половина таблетки. Также обнаружен

браллобарбитон. Амфетамин в моче в очень малых количествах. 46 мг алкоголя в моче. Алкоголя в крови возможно 100 мг в то же время как он принял веспаракс.

Версия Моники

Слова Моники Даннеманн на следствии отличались от прежде ею сказанных:

— Я художница и я живу в "Квартире с садом" 22 Лансдауни–Крессент, в Лондоне. Я знала Джими Хендрикса последние два года. Я связывалась с ним по телефону и письмо пока он был в Штатах. Я встретила его когда он приехал в эту страну в августе. Я знала его ходить к доктору пока в этой стране. Я бы сказала что всё время как я знала его он был утомлён. Поскольку я знаю он всегда был наполнен своими обязательствами. У него было снотворное от его доктора потому что он был на нервах, но оно было не сильным. Я не знала его брать сильные наркотики, он старался их однажды, только ради опыта. Я не знаю где–либо он принял амфетамин. Я не знала его чтобы иметь рвотные позывы.

162

Он оставался со мной с четверга 15 сентября 1970 года. Никто ещё не оставался в этой квартире. Он хорошо спал во вторник и в среду ночью. Я не знаю о четверг ночи. Мы не провели утомительный день в четверг и прибыли домой около 8:30 вечера. Я приготовила ужин и была бутылка белого вина, около 11 вечера. Он выпил больше из этой бутылки чем я. Он ничего не пил другого чем это вино. Он принял ванну и вымыл свои волосы и потом мы говорили. В это время не было стресса и спора, была счастливая атмосфера. Когда мы вернулись мы разговаривали. Я приняла снотворное около 7 утра. Я сделала ему два рыбных сандвича. Мы были в постели разговаривая. Я проснулась около 10:20 утра он спал нормально. Я вышла за угол купить сигарет, когда я вернулась он был уже болен, он дышал и его пульс был нормальный но я не могла разбудить его. Я видела что он принял снотворное, девять моих пропали. Я вызвала скорую они отвезли его в госпиталь где он жил короткое время. Я бы взяла одну или две веспаракса. Девять пропали. Я думаю он знал точно что он мог бы взять так снотворное. Когда я последний взгляд на него перед тем как он пошёл спать он был счастливым. Таблетки были в шкафу, он должен был бы встать с постели чтобы взять эти таблетки. Насколько я знаю он не принимал таблетки для понятия настроения. Он сказал он имел коноплю на той квартире. Нет вопросов об усталости в тот заслуживающий внимания вечер. Он был не тот мужчина иметь уныние. Он не был возбуждён или взволнован. Я никогда не слышала чтобы он говорит он хотел он быть мёртвым или жизнь была бы не хуже жизни. У него были неприятности на работе но

это не беспокоило его.

В первом официальном заявлении, сделанном Моникой Джону Шоу 18 сентября она не рассказывала, что вышла за сигаретами. Она только сказала, что проснулась в 11 утра и увидела как лицо Джими было залито рвотными массами и что вызвала скорую. В её заявлении следственному офицеру П. Уийиллу 24 сентября она более–менее рассказала тот же сценарий. Ко времени окончательного расследования она изменила время, она сказала что проснулась в 10:40, на 40 минут раньше, и сказала что вышла за сигаретами. И никаких упоминаний следователю о времени и о поездке на квартиру на Грейт–Камберленд–Стритона не сделала, или если бы об этом говорилось, то д-р Тёрстон посчитал это незначительным фактом и не стал упоминать его в своих записях.

163

И ни разу, во всех этих заявлениях, она не упомянула о телефонных звонках ни Джуди Вонг, ни Альвинии Бриджес, ни Эрику Бёрдону. Позднее она заявила, что они с Джими были обручены и планировали пожениться, но снова об этом не упоминалось на окончательном заседании. Странно, что по поводу этого Гэвином Тёрстоном не было задано ни одного вопроса, и ещё более странно, что он не задал вопросов об очевидных изменениях в её показаниях.

Также странно, что никто из остальных свидетелей не был вызван, и не было попытки установить точное время наступления смерти. Даже профессор Тир не сделал попытки установить хотя бы приблизительно время смерти. Всё заседание больше было похоже на разыгранный фарс, так формально все отнеслись, включая и следователя к серьёзному исследованию причины этой трагической смерти. Возможно больше бы вопросов возникло, умри Джими Хендрикс в своём за 112 фунтов в день номере гостиницы Камберленд, а не в квартире в подвальном этаже в Ноттиг–Хилле.

Заключение Гэвина Тёрстона

Причина смерти ясна. Вдыхание рвотных масс, вызванных интоксикацией барбитурата, но совершенно не очевидно на попытку самоубийства. У него было много проблем с делами, которые он не собирался решать и я лично не вижу в этом достаточной мотивации. И если вопрос о самоубийстве остаётся нерешённым, то необходимо выяснить истинную причину смерти и оставить его для дальнейшего расследования.

В 1976 году я написал мистеру Гэвину Тёрстону письмо с просьбой выслать мне копии всех сделанных заявлений, а также копию отчёта патологоанатома. Среди полученных мною копий был первоначальное заявление Моники, которое хранилось ещё недавно в архиве следователя. Гэвин Тёрстон умер несколько лет назад и его архив теперь хранится у вестминстерского следователя мистера Поля Кнапмана.

Профессор Дональд Тир тоже умер несколько лет назад и его отчёт остаётся единственным, так как никаких дальнейших исследований проведено не было. Однако д-р Руфус Кромтон, который был в то время студентом, а теперь наследовал профессору Тиру на кафедре судебной медицины в медицинском училище при больнице Святого Георга, был настолько любезен, что заново пересмотрел этот отчёт и провёл опрос среди врачей и санитаров, работавших в тот трагический день.

Версия д-ра Руфуса Кромтона

164

Итак, из отчёта патологоанатома ясно, что в желудке у Джими обнаружена среднего размера частично переваренная еда, в которой хорошо различимы гранулы риса. По словам д-ра Кромтона, обычно желудку необходимо около четырёх часов, чтобы справиться с такой едой, следовательно время наступление смерти не могло быть больше, чем 2–3 часа после того, как был съеден рис. Джими ел рис в гостях у Филлипа Харви. По словам Энджи Бёрдон, на вечеринке у Пита Камерона Стелла Дуглас заказала китайскую еду специально для Джими Пита и пришёл он туда «в середине вечера», то есть, по–видимому, где–то около или сразу после 11 вечера, хотя это могло быть и значительно позже. Итак, никто не знает приблизительного времени, когда именно Джими ел, но определённо это должно было быть между 11 и полночью, следовательно, смерть наступила между 3 и 4 часами ночи, почти сразу как он вернулся в Самарканд.

Также очевидно, что Джими на вечеринке проглотил амфетаминную капсулу дуропет 20 мг (Чёрного бомбардировщика) и, также очевидно, покурил травы. Д-р Кромтон предположил, что Джими хотел барбитуратами сбить то возбуждение, полученное от амфетамина. Запас Моники составлял свыше сорока таблеток веспаракса, упакованных по десять штук. Для Джими это немецкое новейшее снотворное было незнакомо, оно соответствовало 200 мг барбитурата и стандартная доза — полтаблетки. Следовательно, сколько бы таблеток ни проглотил Джими, это бы во много раз превысило дозу. Д-р Кромтон заявляет, что уровень квиналбарбурата в крови не должен превышать 0.5 мг/100 мл. Следовательно, уровень 0.7 мг/100 мл, обнаруженный в крови Джими, был уже токсичен.

Такая большая доза барбитурата могла серьёзно подавить жизненно важные рефлексы. Когда Джими выпил некоторое количество красного вина, оно могло попасть в лёгкие и организм не смог с эти справиться. Когда же небольшое количество съеденного ранее "пошло в неправильную сторону", то естественно это должно вызвать кашель. Организм Джими, однако, был не способен это осуществить. Возможно, он конвульсивно дёргался некоторое время, безуспешно борясь за восстановление дыхания.

165

Остаётся невыясненным, как (и когда) Джими выпил такое огромное количество красного вина обнаруженного д-ром

Баннистером, отчёт о вскрытии показывает, что уровень алкоголя в крови был чрезвычайно низок, всего на 20 мг превышающий лимит нормы. Джими определённо выпил некоторое количество красного вина в гостях у Филлипа Харви и, возможно, выпил немного на вечеринке у Пита Камерона. Тем не менее, ни в том, ни в другом случае он не мог выпить столько, сколько зафиксировал д-р Баннистер. Следовательно, Джими должен был выпить такое огромное количество красного вина непосредственно перед своей смертью, но подтвердить это уже никто никогда не сможет.

Слухи

Джими Хендрикс умер от передозировки героином на квартире друга, после чего его тело подбросили на квартиру Моники.

Джими Хендрикс летал в Голливуд, был убит, и тело перевезли обратно на частном самолёте.

Джими Хендрикс умер в доме одной рок–звезды, а вместе с ним тогда была Девон.

Моника пятница 5 апреля 1996 года

"Мне позвонил Боб Дёршук, — пишет Кати Этчингем [стр. 191], — его только что назначили главным редактором американского журнала Musician, и спросил, "не найдётся ли у меня большой совковой лопаты". Сказал, что ему одному не разгрести мусор вокруг Моники, создавшийся в других рок–журналах. Он просил моей помощи и я согласилась. Сказал, что приедет в Лондон и хотел бы сам разобраться на месте. Юристы журнала настаивали, чтобы он всё выяснил, но так, чтобы не было повода выдвигать против Моники никаких обвинений.

Приехав в Англию, Боб остановился в местной гостинице, у него было в запасе 5 дней. И выслушал всю историю снова. Я рассказала всё, что знала, показала вырезки из газет. И… он провёл несколько недель, расследуя всё самостоятельно, отказываясь помещать в статье факты, непроверенные им самим. Всё, что бы он ни обнаруживал, противоречило рассказам Моники. Он взял интервью у Филлипа Харви, кто был тем вечером вместе с ней и Джими, и Харви утверждал, что они не были влюблённой парой, как на том настаивает Моника. По его словам, она больше походила на адъютанта, чем на любимую женщину. Он сказал также, что в тот вечер его поразило поведение Моники: она ревновала его ко всем женщинам, с которыми Джими заговаривал, и сказал ещё, что видел, как на улице у гостиницы выстроилась огромная вереница кобылок, в надежде попасть в его конюшню.

Но проверил он не только её рассказ о последних часах Джими, но и помолвку, и отношения, по её словам, выходящие за рамки взаимоотношений звезды и группиз. И то, что они однажды встретились за много лет до этого, а снова только за несколько дней до его смерти. В результате статья была опубликована в февральском номере за 1996 год, как заглавная и Моника была в ярости. Одна из её подруг позвонила Бобу в Америку, а Боб перезвонил мне и вот что он мне рассказал:

— Женский голос на другом конце провода сказал мне, что она не знает вас, — сказал мне Боб по телефону, — но Моника рассказывала ей, что вы замужем за доктором, который спас вас от передозировки героина, когда нашёл вас, лежащей без сознания на улице. Ещё сказала, что вы и прежде были девочкой на одну ночь, такой остаётесь и ныне.

Трос натянулся и был готов вот–вот лопнуть. Мне были неприятны её выпады в мою сторону, но когда она начала вовлекать мою семью, я не стала молчать. Я не собиралась быть,

по словам этой сумасшедшей, безнадёжной наркоманкой. Я не собиралась подставлять ни Ника, ни, тем более, детей под её удары. Ей было мало того, что она чудовищно игнорировала правовую сторону вопроса и не собиралась прекращать распускать ложь обо мне, она, казалось, наметила новый удар. Одного я не могла понять, как будто кто–то руководил ею, как марионеткой, а она повторяла за ним всё, как вызубренный урок. И неважно сколько и как она собиралась предпринять, я решила раз и навсегда оградить себя и свою семью от слухов. Я снова обратилась за помощью к адвокатам и они предупредили её о последствиях пренебрежения решениями суда.

Журналистскую мельницу Моника Даннеманн раскрутила на полные обороты, жернова журнала Hello трещали — на фотографии Эл Хендрикс с семьёй на могиле Джими вместе с безутешной невестой. Шесть журнальных страниц, 18 месяцев жизни. Вот она пишет портрет Хендрикса у себя дома, а вот она подаёт показания на полицейском расследовании.

За два дня до этого мы списались с её адвокатами, чтобы те передали ей оливковую ветвь перемирия, со словами, что мы не намереваемся доводить дело до суда, мы только хотим, чтобы с её стороны прекратились обвинения в мой адрес. Но они письменно отвергли наше предложение и отметили, что это только показывает слабость наших позиций и они с удовольствием встретятся с нами в суде. Уже позже оказалось, что та же адвокатская контора курировала её в ходе расследования смерти Хендрикса, которое полностью было сплошной мистификацией. В чём причина, зачем она продолжала настаивать на своих показаниях?

На заседание суда Моника пришла в пушистом цвета электрик пиджаке, под ним алая сатиновая рубашка, массивные бусы и серьги, змеевидные кольца на пальцах рук. Длинные обесцвеченные перекисью волосы, покрытое толстым слоем штукатурки лицо.

Судья, казалась, не обратил никакого внимания на то, что она принесла с собой в зал заседания пачки экземпляров своей книги, роскошно изданной, богато иллюстрированной психоделическими портретами Джими, сопровождаемыми эксцентричными бессвязными подписями о сверхъестественных силах и духовных посланиях, которые она продолжала развивать далее в тексте.

Монику сопровождал загорелый молодой человек с сильным кокни акцентом, пришедший с явной целью превратить заседание суда в фарс. Он окружил себя журналистами и с жаром рассказывал им о том, как я все эти 26 лет преследовала Монику

и ещё, что я просила судью усадить Монику за решётку, но судья был против этого. На самом деле мы дважды просили судью избежать, по возможности, тюремного заключения, который ей грозил за пренебрежение к судебным решениям, а только лишь наложить на её судебный запрет.

В самом начале заседания она подошла к судье и подарила ему экземпляр своей книги, при этом королевский адвокат с моей стороны, немного наклонившись вперёд, пробормотал: "Ошибка первая."

Казалось, всё, о чём говорила Моника, она считала истинной правдой, даже несмотря на то, что ей не удавалось придать конкретную форму никаким обвинениям в мой адрес. Она не знала о показаниях полицейских и с каждым её заявлением для собравшихся в зале суда становилась всё более очевидной неуравновешенность её психики. Её адвокаты уже не старались заявить, что все её заявления в мой адрес это чистая правда, говоря вместо этого, что она всего лишь хотела защитить себя от меня. Судья, однако, выразился вполне ясно, что это тема для другого суда, в рассматриваемой же ситуации очевидно, что именно меня она преследовала.

— Мисс Этчингем, — было вынесено заключение, — никогда ни действием, ни словом не оскорбляла мисс Даннеманн.

Он нашёл её виновной в пренебрежении суду, выражаясь стандартной формулировкой, доказана её ‘beyond reasonable doubt’.

Когда суд завершился в нашу пользу, мы все вскочили со своих мест и стали поздравлять друг друга. Имея дело с законом, всегда есть доля риска и это всегда высокое нервное напряжение. Мы все, весело болтая, вышли в холл, Моника следовала за нами, идя зигзагами, как если бы была сильно пьяна. Создавалось впечатление, что человек не знает в какую сторону ему идти.

— Как по–твоему, она на транквилизаторах? — спросила я у Ника.

— Нет, — покачал он головой, — думаю, у неё сильное потрясение.

Когда она направилась к пожарному выходу, её адвокаты перехватили её, развернули и направили в нужном направлении. И она отправилась домой к своей матери.

Во всех газетах написали, что в суде я вела себя очень сдержанно, в то время как Моника выглядела "ушедшей на пенсию рок–цыпочкой". Я пожалела её, думая как это всё жестоко, но потом была удивлена, её адвокаты не советовали ей самостоятельно подавать жалобу в Верховный суд.

На следующий день из газет мы узнали, что соседи Моники

видели, как она возилась с чем–то в своём саду. Вероятно, она пыталась длинный поливочный шланг разъединить на две части, при помощи которых она и убила себя этим же вечером.

Как только мать заснула, она вышла в гараж и плотно прикрыла за собой дверь. Она прикрепила шланги к выхлопным трубам своего Мерседеса и через окно просунула внутрь машины. Затем заклеила скочем щель в окне, села на переднее сиденье и завела мотор. Как только она стала терять сознание, она выключила двигатель, чтобы шум мотора не привлёк внимание. Должно быть она очень серьёзно подошла к тому, чтобы уйти из жизни. Скорее всего она верила в то, что сможет воссоединиться с Джими, где бы он ни был.

Ди

К счастью родители Ника были с нами — они приехали на Пасху — и помогли спокойно разобраться в случившемся.

— Эта женщина очевидно не совсем в себе, — рассудили они. — Очень жалко, что её друзья и семья поддерживали её в этих фантазиях, вместо того, чтобы помочь больному человеку.

Я до сих пор чувствую ужасную неловкость перед этой женщиной. Она тщательно продумала до самых мелочей выдумку о своих взаимоотношениях с Джими, чтобы защитить себя от правды той ночи, когда он умер. И понемногу из целостной картины исчезали фрагменты, пока окончательно она не рассыпалась.

Через месяц в Нью–Йорке состоялась презентация книги Ноэла, и в тот момент, когда он начал подписывать экземпляры в магазин Virgin Megastore, ворвался человек и, назвавшись старинным приятелем Моники Элом Ромеро, стал кричать, что Моника всё время говорила ему, что я и убийца, и насилую детей, и извращенка. Охране пришлось выкинуть его вон.

Я всё время не могла понять, что кроется за ложью Моники, кто за ней стоит. Вскоре я это обнаружила.

Хотя в Ди я нашла преданную подругу, я всегда осознавала, что она "немного непредсказуема". Она, казалось, полностью была увлечена музыкальным миром. Впервые при мне её эксцентричность проявилась в Нью–Йорке на фуршете после вручения музыкальных наград. Мы вместе ехали на лимузине и Ди рассказала, что подружку Ноэла, Кэнди, избила какая–то пуэрториканка из обслуживающего персонала прямо в женской комнате. Я удивилась всей нелепости ситуации, так как приём был закрытый и на нём присутствовали такие люди, как Нил Янг и Фил Спектор.

Когда Кэнди, которую я прежде никогда не видела, приехала с Ноэлом, Ди понесло и в исключительно ярких выражениях она описала своё отношение к ней. Мне говорили, что с ней бывает такое, но я всегда пропускала мимо ушей всё, что касалось плохих манер других людей. И в этот раз Ди вихрем пронеслась по моим ушам. Мне рассказывали о ней разные истории, но я не верила.

Работа над выяснением обстоятельств смерти Джими нас сблизила, и наши отношения оставались очень тёплыми. Она часто звонила мне домой просто так, поболтать. Постепенно эти звонки становились всё регулярнее, пока однажды, она не позвонила мне семь раз подряд. Ника эти звонки начали

раздражать, телефон не умолкал с самого утра и до вечера.

— Она очень одинока, — пыталась я защитить подругу, — Мича подолгу не бывает дома. Она даже машину не водит.

Но я согласилась с тем, что это стало немного утомлять. Если же она не звонила несколько дней, она потом долго извинялась, в выражениях принятых в их аристократической семье Бонэм–Картер. Я уже стала подозревать, что истории, которые она мне рассказывала, далеки от правды. В один из звонков она сказала, что собирается ехать в Женеву посмотреть квартиру, которую они с Мичем собираются купить, так как им нужно уехать из Лондона, чтобы не платить слишком большие налоги.

— Вы не можете так просто переехать в Женеву, — сказала я невинным голосом, — они не принимают иностранцев.

— С чего ты это взяла? — вспыхнула она и бросила трубку.

Объясняя откуда у неё лёгкий американский акцент, она всегда мне говорила, что её отец работал послом в Америке. Отец Ника всю жизнь проработал с дипломатами и как–то сказал, что никогда не слышал о человеке по фамилии Бонэм–Картер в Вашингтоне.

— Насколько мне известно, — сказал он, — в дипломатических кругах нет никаких Бонэм–Картеров.

Ещё она нам рассказывала, что посещала школу Св. Марии, хорошо известную католическую школу для девочек в Эскоте, недалеко от Виндзора. Мы были знакомы с одной семьёй, девочки которой учились там примерно в то же время, но никто из них не знает её. Колокольчик тревоги зазвенел у меня в голове, но Ди была настолько внешне искренней и такой занятной, что я не стала прислушиваться к нему.

Бывает, говоришь с ней, и вдруг она сообщает, что ей срочно нужно куда–то, "потому что кто–то смотрит в окно". Затем она снова перезванивает и сообщает, что эта была соседка, которая пыталась увидеть через окно Мича, так как "Мич — звезда". Оглядываясь назад, понимаешь, что её поступки были несколько странноваты, но когда видишься с человеком часто, почти каждый день, всё, что он говорит, тебе кажется таким естественным и простым. Тем более что меня отвлекали неприятности, связанные с Моникой.

У Ди ещё была одна странная привычка, встанет сзади и начнёт машинально перебирать мои волосы. Что–то во мне говорило, что это сексуальные вибрации, которые человек улавливает в воздухе, но я всегда придерживалась другого мнения, что если на них не обращать внимания они исчезают. Но однако, я чувствовала что–то, иногда оставаясь у неё ночевать, когда Мич был в отъезде. Она заходила ко мне в спальню часов в

6 утра совершенно голая и сообщала, что ей срочно понадобилась какая–то книга. Или когда утром я бежала в уборную, она следовала за мной и залезала в душ, весело сообщая: "Не обращай на меня внимания."

Ответ не заставил себя долго ждать и наши отношения сошли на нет. Я уже упоминала, что временами она была чем–то раздражена, но не видела в этом ничего плохого. Телефон мог зазвонить в любое время суток, днём, ночью, поднимали трубку — иногда отвечал какой–то другой голос, а иногда в трубке тишина или странное шуршание, как будто комкают лист бумаги. Однажды вечером позвонил брат Ника.

— Думаю, вы должны знать, — сказал он, — Полиция хочет задать вам несколько вопросов.

— Что за вопросы?

— О распространении наркотиков.

Несомненно двое в штатском следили за бывшей невесткой его брата. Они сказали, что есть сведения, что Ник подделывает книги учёта лекарств и продаёт наркотики.

Когда я сообщила Нику последнюю часть известия, мы решили отправиться в участок и выяснить, что происходит. Мы пошли прямо на приём к инспектору.

— Я ничего не знаю об этом, — сказал он. — Детективов, которые этим занимаются, сегодня нет на месте, но я постараюсь разъяснить ситуацию и сообщить вам.

— Если они ведут расследование о подделывании мной книг учёта лекарств, — сказал Ник, насколько мог спокойно, — не лучше ли обратиться к Медицинскому совету, чем к бывшей невестке моего брата?

Мы видели, как неловко себя чувствовал инспектор, очевидно было, что он не знал, о чём идёт речь, поэтому мы пришли к выводу, что лучше подождать от него известий. Но прежде чем уйти мы поделились нашими сомнениями на счёт Ди, как она завладела нашим вниманием и, как мы знаем, досаждает и другим. Покидая участок, мы представляли себе как они позвонят в Медицинский совет и узнают, что не только Ник не подделывал учётные записи, но и то, что он является членом этого совета и, вдобавок, советником министра здравоохранения. Ещё я представила, как это расследование ускользнёт из рук не в меру усердных и опрометчивых молодых полицейских, которым уже позвонила Ди и которые уже доложили своему начальнику.

После выходных к нам пришёл следователь и мы рассказали ему целую историю.

— По существу, — суммировал Ник за меня, — эта женщина преследует мою жену.

— Понятно, — сказал он. — Вижу, что мы собрались здесь, по чьему–то злому умыслу.

Так как у нас уже только что был опыт распутать клубок лжи, спутанный Моникой, мы выяснили чем занималась Ди за кулисами. Всплыло, что она назвала полиции имя Тони Брауна, биографа Джими Хендрикса, как ещё одного свидетеля, что я торговка наркотиками, и они задали ему вопрос, предлагала ли я ему когда–нибудь наркотики.

Брауна очень удивило такое предположение и он категорически его отверг.

Она также звонила в попечительский совет и сообщила им, что я издеваюсь над своими детьми. Полиция попросила разрешения встретиться с детьми, которые приехали на выходные домой, и они были разочарованы, увидев почти взрослых детей. Я заметила им, что оба посещают школу закрытого типа и предложила позвонить их наставнику, чтобы убедиться, не замечал ли он каких–либо следов побоев на их теле. Они задали тот же вопрос Джеймсу, он долго смеялся, а затем сказал, что если и есть в нашей семье человек, который может наказать, так это только он сам и есть. Здесь полицейские сообразили, что не только потеряли своё рабочее время, но их ещё и повели по ложному пути. Ди так мастерски лгала, что все ей верили. Мы все в равной степени оказались заинтересованы остановить её кампанию.

Когда полицейские уходили, они сообщили, что сами разберутся с ней. Третьи лица нам сообщили, что они навестили её через час с четвертью в её доме в Райи и предупредили её, чтобы она впредь не тратила их рабочее время на свои фантазии.

Мы узнали, что она продолжает распространять слухи о нас телефонными звонками в Нью–Йорк. Мы отправились в Ассоциацию по защите медицинских работников. Объяснили им, что я подвергалась преследованию женщиной, выдающей себя за английскую леди, и теперь просим у них защиты, потому что она также начала преследовать Ника. Они обещали подумать. Они послали Ди составленное адвокатом предупредительное письмо и через несколько дней мы узнали, что они с Мичем уехали во Францию. В ходе полицейского расследования выяснилось, что она не та за кого она себя выдаёт, но у них нет разрешения на то, чтобы открыть, кто она есть на самом деле.

Прежде она уже была на французской земле и, как нам позже удалось узнать, оттуда наладила связь с Моникой, рассказывая ей про меня всякие гадости и подстрекая описать меня в своей книге в худших тонах. Она обещала поддержку, если я подам на неё в суд. Адвокатам Моники пришлось вырезать многие

отвратительные пассажы, но не всё. И когда настало время Монике защищать свои слова в суде, Ди, конечно, исчезла, а несчастная Моника оказалась покинутой и сыграла свой похоронный марш в одиночестве.

Параллельно, исследуя направления, в которых действовала Ди, мы обнаружили, что она методично обкладывала всех людей, которые были связаны с Джими, не обойдя даже Ноэла Реддинга. Она даже переехала в Ирландию, чтобы быть поближе к нему и однажды напала на него на улице, что чуть не привело к разрыву его 17–летних отношений с Кэрол. Когда же Кэрол погибла в автомобильной катастрофе, Ди посчитала это удачей и, сжигаемая ревностью, начала войну против Кэнди, визажиста с Эн–Би–Си. Она позвонила начальнику Кэнди на Шоу Леттермана, назвавшись агентом Мич Мичелла, и сказала, что собирается обвинить компанию, так как слышала, как Кэнди на одном из фуршетов на Би–Би–Си заявляла, что Мич алкоголик и наркоман. В итоге Кэнди чуть не потеряла работу, но сумела доказать, что в те дни её не было в Англии.

Вдруг я поняла, что за драка была на обеде в Нью–Йорке (у Ди зрел план рассказать людям, что я избила Кэнди, тогда как сделала это она). В то время я ещё не знала о нападении на Ноэла.

Похожая история случилась с Селией, когда Ди работала в благотворительном фонде кошек, основанном бывшей моделью Селией Хаммонд. И чем больше людей мы встречали, тем больше ужасных историй нам рассказывали.

Как–то однажды Ди мне рассказала о знакомом музыкальном продюсере и я его имя упомянула при разговоре с Кэнди. К этому времени я уже начала, по–возможности, накапливать материал о Ди. Кэнди его знала и мы позвонили ему. Он рассмеялся и сказал, что про Ди он знает всё. Она как–то была замужем за английским музыкантом Робином Клейтоном, и у неё "навязчивая идея замучить всех, кто вышел из лондонских 60–х. Это самая величайшая лгунья в мире."

От него мы направились прямиком к Робину Клейтону, в Фулхам.

— Знаете ли вы кого–нибудь по имени Ди? — спросили мы, когда мужчина открыл нам дверь.

— О, — вздохнул он, — вам лучше зайти. Ну, что ещё она натворила?

Мы рассказали ему всю историю, он слушал внимательно, но без тени удивления.

— Ну, — произнёс он, когда наш рассказ подошёл к концу, — характер у неё, видно, стал ещё хуже, но лгуньей она была всегда.

Я подцепил официантку из Кембриджа, штат Массачусетс, женился, привёз в Англию. Звали её Долорес Каллен. Как только мы оказались здесь, она развелась со мной.

Он настоял на том, чтобы мы посмотрели фотографию группы и попросил забыть всё, если нашей Ди там не окажется. Сомнений не было. Мы оба знали этого человека.

— Откуда она родом? — спросила я, поражённая услышанным.

— Кливленд, штат Огайо. Она американка, разве вы об этом не знали? Она была одержима британским роком и старалась научиться говорить с английским акцентом. Моя мать дала ей полторы тысячи фунтов, чтобы она смогла вернуться в Штаты, но она этого не сделала. Последний раз я её встретил на Фулхам–Роуд, на ней были луноходы и обтягивающие брюки. "Кис, кис, кис", шла она, подзывая котиков. Я спрятался в ближайшей парадной. Пожалуйста, не говорите ей, где я живу.

Мы подобрались совсем близко к решению головоломки. У Кэнди была копия свидетельства о рождении Долорес Каллен, а Робин дал мне копию их свидетельства о браке. Мы чувствовали, что у нас в руках то, что она меньше всего хотела видеть.

Одним ранним утром Ди позвонила Ноэлу, автоответчик был включён, он записал разговор, который привёл к несчастному случаю.

— Извини, что так рано, — сказала она, но я сегодня уезжаю. Неужели ты веришь во всю ту ложь обо мне, которую несёт Кати?

Ноэл проснуться не мог и она недовольно буркнула, а он передал трубку Кэнди.

— Привет, — сказала Кэнди.

— Это ещё кто? — возмутилась Ди.

— Кэнди.

— Ди на проводе.

Кэнди внезапно проснулась:

— Долорес!

— Меня не так зовут! — огрызнулась Ди.

— Долорес Энн Каллен, — сказала Кэнди, — ты же вышла замуж за Робина Клейтона.

— Ты не за тот конец палки схватилась, это не моё имя.

— Я знаю, что ты проделала с Кати и с Ником.

— Раз знаешь, так докажи, — выпалила она и бросила трубку.

Это последнее, что кто–нибудь из нас слышал о Диане Бонэм–Картер, о Ди Клейтон, о Ди Мичелл и о Долорес Каллен."

Версия переводчика несчастный случай

Итак, Долорес Каллен. Она нашла санитаров скорой. Она же нашла и полицейского. Думаю, ничего удивительного нет в том, что их показания совпадают, хотя с того дня и прошло столько лет. Уверен, именно она проинструктировала старичков, что они должны были так ясно вспомнить. С моей точки зрения совершенно неважна картина смерти рок–звезды, которую она помогла им вспомнить, а именно, смерть от передозировки и/или — захлебнулся своими же рвотными массами, и которая очень хорошо вписывалось в программу по дискредитации, а важно то, как постепенно затушёвывалось сознание людей, для которых оставалась небезразличной трагическая смерть Джими. Если бы Джими рвало, как это придумала Ди, то при вскрытии не нашли бы снотворного в желудке Джими (также как не нашли тунца).

Если дать волю фантазии, то можно продолжить цепочку имён Ди, приводимую Кати, и тогда выйдет, что фамилия Каллен вовсе не фамилия, а кличка хорошо подготовленного агента, подумайте сами, откуда у официантки из Огайо, мог взяться лондонский выговор? Кличка, сродни имени богине смерти Кали, впрочем, это могло быть и совпадение. И ещё, почему детективы предупредили Кати, что "Ди не та за кого себя выдаёт, но у них нет разрешения на то, чтобы открыть, кто Ди есть на самом деле?"

Поэтому, думаю лучше оставить опрошенных свидетелей наедине со своею совестью, тем более, что они не только не предполагали, что чёрный мёртвый парень из пустой квартиры в подвальном этаже, или как ласково её назвала Моника "квартиры с садиком", мог оказаться Джими Хендриксом, но они даже не знали кто такой Джими Хендрикс, как они сами это утверждали, да и узнать его в полумраке спальни, да ещё при газовом освещении не представлялось никакой возможности.

Итак, вернёмся к Монике. Весь вечер она провела в состоянии всё усиливающегося напряжения эмоциональных сил и чтобы остановить Джими, который говорил не смолкая, и/либо в попытке его усыпить, понимая, что ему надо выспаться, чтобы восстановить силы перед завтрашними предстоящими деловыми встречами и полётом в Нью–Йорк, она, тренированная фигуристка, да ещё в состоянии аффекта, обмотав полотенцем шею Джими (Джими помылся и полотенцем были завязаны волосы) и сев верхом на грудь тощему гитаристу с вегето–сосудистой дистонией [думаю, сначала Джими воспринял это всё как игру], стала насильно впихивать в него одну за другой

таблетки снотворного (в её состоянии время раздвинулось и она никак не могла понять почему он не засыпает), давая запить их красным вином. Проделала она это с таким жаром, что Джими захлебнулся. Спустя мгновение Моника почувствовала облегчение и, в силу своей болезни не помня ничего и придя в себя, позвонила Энджи, затем Альвинии, разбудив при этом Эрика, и сообщила, что не может разбудить Джими, на что тот ей спросоня сказал, чтобы она "сварила ему кофе и побила по щекам." Моника помылась, расчесала волосы, переоделась во всё чёрное, к этому времени подъехали друзья (Эрик, Джерри, Терри и Альвиния) и прибрались в квартире, закопав всё лишнее в саду (принесённое Девон/гостями). Затем, вызвав скорую, увезли Монику с собой, оставив дверь открытой. На всё это и ушло те 5 часов, о которых недоумевает Кати Этчингем.

Так, она навечно привязала Джими к себе, затворнически проведя остаток жизни и создав из своего убежища что–то вроде музея–культа Джими Хендрикса. И спустя 25 лет, запутавшись в сетях Ди, сама оборвала нить своей жизни.

Как–то однажды Джими сказал своему другу Куртису:

— Если человек думает улучшить своё самочувствие с помощью лекарств/наркотиков, то со временем они разрушат в конечном итоге его душевный потенциал.

Именно это подразумевал Джими, когда предостерегал Монику от огромного количества лекарств (в устах журналистов превратившихся в наркотики), которые постоянно принимала Моника, ссылаясь на некоего своего доктора, который их ей прописывал.

Сиэтл

После официального заключения сотрудники похоронного бюро Кеньён и Ко, расположенного как раз напротив больницы Святой Марии, подготовили тело Джими к отправке в Сиэтл. Одежда Джими была настолько испачкана, когда его привезла скорая в больницу, что Моника настояла на том, чтобы Джерри Стикеллз заменил её. В итоге, служители культа одели его в рубашку, которую обычно носят канадские лесорубы, и тёмно–синие джинсы, одежду, какую сам Джими никогда бы не надел. Моника также потребовала от Джерри Стикеллза, чтобы сняли все драгоценности, которые Джими обычно носил.

Всё это она требовала в такой же странной манере, в какой пыталась сохранить себе гитару Джими, хотя именно Джерри Стикеллзу пришлось следить за тем, чтобы наложили грим именно так, чтобы Джими выглядел естественно и именно у него оказались все украшения Джими, снятые с него в больнице. Если, как утверждает Моника, она присутствовала в больнице в качестве невесты, то они должны были быть переданы ей.

В четверг 29 сентября Джерри Стикеллз в последний раз проследил, чтобы с Джими было всё в порядке, сопроводив его тело до Сиэтла. Отпевали Джими 1 октября в Данлэп баптисткой церкви на Райнер–Авеню–Саут в присутствии родственников и друзей. [Предугадать шутки Судьбы невозможно, ведь из этой самой церкви его с позором выкинули, когда он был совсем ребёнком, только потому, что был "несоответствующе одет", тогда он поклялся себе: "Пока жив ноги моей не будет в этой церкви".] Пертонелла Райт спела три спиричуэлза: Just A Closer Walk With Thee, His Eyes Is On The Sparrow и The Angels Keep Watch Over Me.

166

Панегирик произнесла старинный друг семьи Фредди Мэй Готье. Она зачитала стихи из песни Джими Angel и поэму, которую написал брат Джими, Леон Хендрикс. В ней были такие строчки:

Он знал и мир и любовь
Он знал, где их найти
И музыкой своей
Туда ведёт он нас

"Я испытал какое–то сюрреалистическое ощущение, когда вошёл в церковь, набитую всеми этими сотнями людей,

пришедшими на церемонию, — пишет Леон Хендрикс [стр. 211]. — Сплошной, ничем несдерживаемый поток эмоций. Каждый раз, как я видел кого–нибудь из родственников, моё сердце сжималось всё сильнее. Такой силы грусть я никогда прежде не испытывал. Мы с отцом прошли по центральному проходу до своих мест в первом ряду. Джун, Жени, бабушка и дед сели рядом с нами. Никто и не пытался сдержать рыдания. Слёзы, слёзы, море слёз. Вот Ноэл Реддинг и Мич Мичелл, а там Бадди Майлз, и Джонни Винтер, и Майлз Дэвис. Даже мэр Сиэтла, Вес Ульман, был здесь. Когда я обернулся, то увидел не менее пятидесяти молодых женщин, одетых в чёрное и скорбящих о смерти Джими. Вы может быть подумали, на их месте должны были быть его бывшие, но так и было на самом деле. Но узнал я среди них не более нескольких.

Церемонию вёл преподобный Харольд Блэкбёрн, аккомпанировавший также солистке, спевшей несколько гимнов. По правую руку от кафедры возвышалась в рост человека роскошная гитара вся сделанная из белых и пурпуровых цветов. Одна из лучших маминых подруг, Фредди Мэй Готье, поднялась и обратилась к более чем двумстам собравшимся с речью. После нескольких вступительных тёплых слов она прочла стихи, которые Джими написал за несколько месяцев до смерти, "Ангелы" назвались они, затем продолжила моей поэмой "Звёздное дитя Вселенной". Когда она кончила читать, все вскочили, выкрикивая амен и аллилуйа.

Мои ноги сделались ватными, когда пришло время идти к украшенной серебристо–серым металлом шкатулке, в которой лежал Джими, чтобы сказать ему последнее прощай. Они одели его в зелёный парчовый костюм и вид его был спокойный, как если бы он спал или только что закрыл глаза, обдумывая новый музыкальный проект. Во всяком случае, мне хотелось так думать. Коротко помолившись над ним, я сложил лист с моей поэмой и положил её рядом с ним.

После церемонии мы с отцом всю дорогу до кладбища Рентон проехали молча. О похоронах было объявлено по радио и люди вышли на лужайки перед своими домами и жестами пытались поддержать нас, пока мы медленно проезжали мимо на лимузине. Приехав на кладбище, я огляделся и меня поразило запустение, царящее вокруг. Временное пристанище охотника в лесу выглядело лучше, чем эта кладбищенская контора. У меня не укладывалось в голове, как после такой яркой жизни брата не смогли найти ему менее убого места последнего отдыха.

— Почему Бастера хоронят в таком месте, как это? — нагнувшись к отцу, тихо спросил я.

— Потому что наша мама лежит здесь, — ответил он.

— Она здесь?

— Да. Она где–то на этом кладбище, но я не знаю где точно. Мы до сих пор не можем найти её могилу. Но это здесь, и я решил пусть будет это нашим семейным местом, сынок.

Я не стал продолжать. Это совсем неподходящее ни время, ни место для споров, пусть всё остаётся как есть.

Друзья детства Джими — Эдди Райи, Донни Хауэлл и Бадди Бёрнс несли гроб вместе с Джеймсом Томасом, лидером одной из его ранних групп, и Хербом Прайсом, его ассистентом. Яма была уже вырыта. После того как они медленно опустили его в землю, люди стали кидать ему кто медиаторы, кто записки, а кто и пакетики с травой. Вся наша семья была здесь и они крепко поддерживали друг друга. Мне очень не хотелось в тот момент думать, что кто–нибудь из нас тоже когда–нибудь покинет эту землю."

Гроб несут шесть ближайших друзей, Дейв Андерсон, Джеймс Томас, Стив Филлипс, Эдди Райи, Денни Хауэлл и Херберт Прайс.

Среди присутствующих на похоронах были, Эл Ароновиц, Эрик Барретт, преподобный Харольд Блэкбёрн, Майлз Дэвис, Алан Дуглас, Фредди Мэй Готье, Долорес Холл, Эдии Холл, Джон Хаммонд Мл., Джеймс Аллен Хендрикс, Айяко Джун Хендрикс, Жени Хендрикс, Леон Хендрикс, Нора Хендрикс, Том Халлет, Эйб Джакобс, Майкл Джеффери, Эдди Кремер, Бадди Майлз и все музыканты из его группы War, Мич Мичелл, Стив Пол, Ноэл Реддинг, Джерри Стикеллз, Чак Вайн, Девон Вильсон и Джонни Винтер.

Гроб поставили рядом с вырытой ямой и открыли крышку для последнего прощания. С глазами полными слёз подошли Мич и Ноэл, поддерживая друг друга. По словам газетчиков, Майк Джеффери решил не покидать своего лимузина и отдал последнюю дань, не поднимаясь со своего заднего сидения. Так же по словам газетчиков, с Девон Вильсон случилась истерика и она пыталась прыгнуть в открытую могилу.

С того дня Джими покоится рядом со своей бабушкой Норой Хендрикс [могилу матери к этому времени найти уже не было никакой возможности]. На плоской части камня простая надпись, "Навсегда в наших сердцах". [По инициативе Жени Хендрикс, приёмной японской дочери отца Джими от второго брака, могила была тайно, в одну из ночей (sic!?) перенесена на то место, где находится в настоящее время.]

Как то Джими сказал в одном из интервью:

— Когда я умру, всего лишь сыграйте музыку.

[Помня эти слова, Майлз Дэвис захватил с собой на похороны

свою трубу, но японские родственники Джими настояли на том, чтобы никто не посмел играть на могиле Джими.]

Ближе к вечеру в Сиэтл–Сентер–Арене прошёл неформальный джем–сейшн. Ноэл Реддинг и Мич Мичелл присоединились к Бадди Майлзу и Джонни Винтеру, но их сердца не были с ними. Сразу после короткого джема они разъехались по своим гостиницам, им всем оказалось необходимо побыть в одиночестве.

"Одним ранним сентябрьским утром меня разбудили лучи восходящего солнца, осветившие через ряд окон на противоположной стене выкрашенную в зелёный цвет решётку и стену моей 6 на 6 футов камеры, — пишет Леон Хендрикс [стр.2 и 202]. — От этого цвет стен стал ещё более давящим на мозги. Я стал собираться на ставшую уже мне привычной работу на кухне, когда услышал приглушённые голоса, доносящиеся из камер на нижних этажах. У ребят были включены уже радиоприёмники, но это больше походило на перешёптывание.

Вдруг, в утренней тишине раздался возглас:

— Слушай, друг, кончай трепаться!

— Говорю тебе, умер Джими Хендрикс! — произнёс другой голос. — Только что слышал по радио.

— Заткнись! — одёрнул его ещё один. — Разве ты не знаешь, там, прямо над нами его младший брат.

Сначала я не придал никакого значения услышанному, мало ли люди о чём могут спорить.

До меня уже доходили время от времени слухи, что брат умер, и я подумал, что они обсуждают очередную небылицу, которую напечатали в газетах, чтобы привлечь читателей и увеличить свой тираж. Все эти годы журналисты приписывали Джими такие вещи, которые он никогда не делал, и рисовали его таким монстром, каким он никогда не был. Обычное дело, слухи, сплетни и никакой правды.

Но вскоре, сообщение, переданное по внутренней трансляции, разрушило мир в нашем Си–блоке.

— Заключённый Леон Хендрикс, номер 156724. Вас ждут в кабинете капеллана.

Моё сердце сжалось, такое объявление могло здесь означать только две вещи, либо тебя выпускают на свободу, либо кто–либо из твоих родственников умер. Но до моего освобождения оставалось ещё шесть долгих месяцев.

В полной тишине раздалось кляцание открывающегося замка на двери моей камеры, в полной тишине провожаемый взглядами остальных заключённых я шёл по тюремному коридору по направлению к кабинету капеллана. Пока я шёл, где–то в одной

из камер по радио заиграла If 6 Was 9. Капеллан стоял у своего стола и рядом с ним стоял телефонный аппарат.

— Плохие новости, сынок, — сказал он

За все девять месяцев моего здесь пребывания он не был так серьёзен как в этот момент.

— Твой отец на линии и хочет переговорить с тобой.

Осторожно сняв трубку, я поднёс её к уху и услышал знакомый скрипучий голос. Я всегда рад слышать его, но теперь всё было по–другому.

— Что случилось, отец? — медленно, будто оттягивая время, спросил я.

— Я не хотел бы этого тебе говорить, но Джими уже больше нет, сынок. Они говорят, он умер этой ночью, — скороговоркой произнёс отец сквозь слёзы. — Но не волнуйся, всё будет хорошо.

— Да, я понимаю.

Только это я и мог заставить себя произнести. После разговора с отцом, я не помню, как вышел из кабинета. Опомнился, когда эмоция начала кричать где–то внутри живота. Нужно было скорее добраться до своей камеры, пока крик не вырвался наружу. Охране бы это не понравилось.

Я виделся с Джими больше года назад, как раз перед тем, как меня замела армейская полиция и передала в руки городской. И вот теперь, я уже наверняка не увижу его никогда, по крайней мере, в этой жизни. Только одна вещь держала меня на плаву всё это время, объединить наши пути, после того, как отсижу срок. Мы с Джими предполагали начать работать вместе и предпринять новые путешествия, но теперь этому уже не суждено было случиться.

Вернувшись в камеру, остаток дня я молча просидел на углу своей кровати, перед моим взором проносились годы, проведённые нами вместе. По тюремным обычаям меня заперли на 72 часа, так делалось со всеми заключёнными, когда им из дома приходили плохие известия. Итак, я был заперт в своей камере. Я улыбался, вспоминая счастливые времена, и рыдал, когда на меня наплывали грустные. Как ни старался, я не мог сдержать слёз. С тех пор как я попал в Монро, я обнаружил, что могу управлять своими чувствами. Но теперь, я вдруг осознал, что надежда пропала. Здесь, в тюрьме, это единственное, что не могут у тебя отнять.

Заключённые, проходя мимо моей камеры просовывали сквозь решётку кто несколько сигарет, а кто и пакетик с травой.

Стремясь чем–либо унять боль в сердце, я скручивал крошечные самокрутки и выкуривал их за одну–две затяжки. Мы называли такой способ "последней затяжкой", потому что если

тебя застанут за этим занятием, то не только накажут, но и увеличат срок. У меня же не было никакого интереса сидеть в яме или оставаться в Монро на дополнительное время.

Сидя на своём изношенном матраце, я рассматривал трещины на стене моей камеры, как если бы они были дорогами, по которым нам с братом пришлось пройти, плохим или хорошим, и никак не мог осознать, что его больше нет. Что никогда я больше не смогу насмешить Бастера своими нелепыми поступками. Что дни эти ушли навсегда.

Помню, заключённые один за одним выключили свои радио. С тех пор, как я попал в Монро, это был первый раз, когда в блоке наступила такая тишина. Меня очень тронуло, что парни так тепло отнеслись к моему горю. Этим они показали мне своё уважение. Пять этажей камер замерли почти на весь день. Никто не слышал, чтобы в Монро такое случалось. Возможно, за всю историю Монро это был единственный раз.

В конце дня, я поднялся и подошёл к решётке. Почувствовав кожей лица холод стали, я поднял глаза к окнам на противоположной стене. Начинались сумерки и свет слабел. Я смотрел, как угасает последний луч, пробивающийся из дальнего окна, я не мог оторвать взгляда от ночного неба. Я стоял в оцепенении с пустотою в груди, размышляя, где найти сил, унять эту боль. Вот ещё чуть блеснул напоследок луч и солнце село.

Заснуть я так и не смог.

К утру я несколько успокоился и моя боль превратилась в поэму "Звёздное дитя вселенной". Слова сами возникали в моей голове, мне же только оставалось их успевать записывать. Это было моё печальное прощай Джими. Мой брат всегда казался посвящённым во что–то большее, избранником высших энергий. С самого начала он испытывал на себе звёздное предназначение. У него было это нечто, отличающее его. Он был выше всех, когда жил, и я уверен, воспарил ещё выше после перехода."

— Он… он был влюблён во всё, в жизнь, в музыку, в себя, в людей, его окружающих, — делится с нами Стелла Дуглас [01:30:25,800]. — Ему нужно было всё, но он всё и отдавал. Знаешь, многие талантливые люди несут разрушение, но это не про него. Он не нёс разрушение… не то что те парни, которые разбились в самолёте. Я хочу сказать, кто знает, как, например, твоё разрушительное начало могло повлиять катастрофу? [10 декабря сбит самолёт с музыкантами Отиса Реддинга.] Я не знаю… Его музыка, как бесконечность. Идёшь, идёшь вдоль неё, а конца нет. Виртуоз. Непревзойдённый мастер. Величайший дух. Все об этом говорят. Какая разница, что кто говорит. Его музыка здесь, рядом. Она бессмертна. И никто это уже не изменит. Мы

состаримся, а он нет.

Индекс концертов

31 августа, фестиваль на острове Уайт
1. Боже храни королеву
2. Сержант Пеппер
3. Spanish Castle Magic
4. All Along The Watchtower
5. Machine Gun
6. Lover Man
7. Freedom
8. Red House
9. Dolly Dagger
10. Midnight Lightning
11. Foxey Lady
12. Message To Love
13. Land Of The New Rising Sun
14. Ezy Ryder
15. Hey Joe
16. Purple Haze
17. Voodoo Chile Slight Return
18. In From The Storm

* * *

31 августа, Швеция, Tivoli Gardens
1. Lover Man
2. Catfish Blues
3. Midnight Lightning
4. Ezy Ryder
5. Red House
6. Come on (Part one)
7. A Room Full Of Mirror
8. Lord Of The New Rising Sun
9. Machine Gun
10. Voodoo Chile
11. In From The Storm
12. Perple Haze
13. Foxey Lady

* * *

1 сентября, Стора–Сценен, Лизебург (Cat Mother и The All Night Newboys)
1. Land Of The New Rising Sun
2. Spanish Castle Magic
3. Killing Floor
4. Getting My Heart Back Together Again.

5. Message To Love
6. Land Ot The New Rising Sun
7. In From The Storm
8. Foxey Lady
9. In An English Country Garden
10. Foxey Lady
11. Red House
12. A Room Full Of Mirrors
13. Purple Haze (Sunshine Of Your Love)
14. Voodoo Clie Slight Return (Cat Squirrel)

* * *

2 сентября, Vejlby Risskov Hallen, The Electric Circus, 54

1. Freedom
2. Message To Love
3. Power Of Soul
4. Land Of The New Rising Sun

* * *

3 сентября, KB Hallen, Копенгаген, 100 минут, 61

1. Stoned Free
2. Foxey Lady
3. Message To Love каждому.
4. Land Of The New Rising Sun
5. All Along The Watchtower
6. Machine Gun
7. Spanish Castle Magic
8. We Gotta Live Together
9. Satisfaction
10. Ezy Ryder
11. Freedom
12. Red House
13. In From The Storm
14. Purple Haze
15. Voodoo Chile Slight Return
16. The Sunshine Of Your Love
17. Voodoo Chile (cont.)
18. Hey Joe
19. Fire

* * *

4 сентября, Берлин

1. Land Of The New Rising Sun
2. Straight Ahead
3. Spanish Castle Magic
4. The Sunshine Of Your Love
5. Land Of The New Rising Sun

6. Message To Love
7. Machine Gun
8. The Breeze And I
9. Purple Haze
10. Red House
11. Foxey Lady
12. Ezy Ryder
13. Hey Joe
14. Power Of Soul
15. Lover Man
* * *
6 сентября, Fehmarn Isle
1. Louie, Louie (The Kingsmen)
2. Killing Floor
3. SpanishCastle Magic
4. слушатели требуют Hey Joe
5. All Along The Watchtower
6. Hey Joe
7. Land Of The New Rising Sun
8. Message To Love
9. Foxey Lady
10. Red House
11. Ezy Ryder
12. Freedom
13. A Room Full Of Mirrors
14. Purple Haze
15. Voodoo Chile Slight Return
* * *
остров Фехмарн
* * *
пятница 4 сентября 1970
Krawinkel
Burning Red Ivanhoe
Fotheringay and Sandy Denny
Renaissance
Taste (отмена)
Cactus (отмена)
Colosseum (отмена)
John Surman Trio
* * *
суббота 5 сентября 1970
Frumpy und Inga Rumpf
Aardark
inger Baker Airforce

Fat Matress
Keef Hartley Band
The Faces
Peter Brotzmann
Mungo Jerry and Ray Dorset
Canned Heat
Sly & The Family Stone
Cluster
* * *
воскресенье 6 сентября 1970
Witthuser und Westrupp
Jimi Hendrix
Embryo
Thrice Mice
Floh de Cologne
Limbus 4
Rote Steine
Ten Years After (отмена)

Индекс

A Room Full Of Mirror, 40,41
Abe Jacobs, 166
Actuelt, 50 шведская газета
Aftonbladet, 37
Airways Hotel, 79 лондонская гостиница, где после Фехмарна поселился Билли Кокс и где друзья установили над нам посменное дежурство
Al Aronowitz, 166
Alan Douglas, 99, 123, 166
Alexander the Great, 51
Alexis Korner, M.C., 72 ведущий фестиваля на острове Фехмарн, первоначально обязанностью Алексиса была встреча и размещение музыкантов, но оставшись один за кулисами, он взял на себя также и роль ведущего, за все три дня, так никто из так называемого менеджмента и не появился за кулисами. Всякий раз, когда снова назревал хаос, Алексис поднимался на сцену и начинал развлекать слушателей.
Alvin Lee, 85 лидер группы Ten Years After
Alvina Bridges, 14, 105, 130, 154
Amanda Leer, 105 модель
American Forces BFBS, 65
American Forces Television, 65, станция в Западном Берлине
Anders Stefansen, 57 организатор датских концертов
Andrew Cockburn, 105 посатель
Angie Burdon, Angelia, 14, 100, 123б 164
Anim, 126, концерное агенство
Anne Bjorndal репортёр Morgenposten, 51, 57
Anne 'Sunshine' Day, 111–8, канадская фолк–певица (около 19 лет)
Antonioni, 80
Arhus, 50–е
Arhus Stiftstidende, 43 Архус–Стифттюнэ
Arlanda Airport, 37 аэропорт в Стокгольме
Arthur Lee (Love), 52
Atlantic, 50, 57 гостиница в Архусе
Ayako June Hendrix, 166
Band of Gypsys, 25, 51
BEA, 28 веролёт на котором Джими перелетел на площадку
Beate Uhse, пионер немецких секс–шопов, Беата Ухсе, выделила на организацию фестиваля на острове ФЕХМАРН 200 тысяч марок и предложила использовать 20 её секс–шопов, как

места распространения билетов на этот фестиваль.
Belgravia, 60 фешенебельный район
Bembridge Airport, 28 аэропорт на острове Уайт
Bendix Music, 29 шведское концертное агенство
Bert Kleiner, 123 …..?
Bild, 152, немецкая газета
Billy Cox, 14, 22, 28, 30, 45, 54, о нём 68–9, паранойя 73–4
Bing Crosby, 21
Bo Jacobsen из Blue Sun, 55
Bob Hoe, 124 ….? общий приятель Энджи и Стеллы
Bob Partridge, 21. Репортёр Record Mirror
Black Bomber, Duraphet, 160, амфетамин
Black Panthers, 89
Blue Sun, 55, 61 группа из Копенгагена
Brallobarbitone, 128, компонент снотворного, регулирующий длительность сна
British Forces Broadcasting, 66 радиостанция в Западном Берлине
B. T. Frokosten, 50
Buddy Miles, 22, 166
Burg, столица острова Фехмарн
Cactus, 83
Caesar Glebbeek, 125, 130, репортёр, взявший в 5–ю годовщину интервью у Моники Даннеманн
Canned Heat, 65
Capitol Records, 22, 25, 51
Cat Mother, 44–5, 49, 65
Cat Squirrel, 46 (Cream)
Catfish Blues, 40
Charlie, 30
Chelsea Antique Market, 110
Chelsea Drug Store, 110
Chris Pomburg, 65–70 репортёр American Forces BFBS
Christian Berhold, 72 28–ми летний владелец гостиницы Христиан Бертольд, один из трёх организаторов фестиваля на острове Фехмарн
Christian Burchard, барабанщик группы EMBRYO, выступавшей сразу после Хендрикса на Фехмарне
Chuck Berry, 24
Chuck Wein, 166, Чак Вайн
Chus Chandler, 47, 99
cocaine, 51
Cold Blood, 65
Collette, 110

Come On (Part One), 40
Cumberland, 79 гостиница, в номерах 507/508 которой остановился в последний раз Джими
Cream, 46, 65
Dance To The Music, 68
Dania, 72 гостиница в Путтгартене на северном берегу острова Фехмарн
Danny Hall, 135, владелец гостиницы Самарканд
Daily Mirror, 155
Daily Telegraph, 154
Danny Secunda, 101 поп–импрессарио, дома у которого остановились Алан и Стелла Дуглас, когда прилетели в Лондон и где Джими провёл весь вечер 14 и ночь на 15 сентября
Dave Anderson, 166
David Kramer, 111, Дэвид Кремер нашёл для Кати Этчингем двоих из трёх (одного из них звали Филлип Харви), у кого в гостях были Джими и Моника в последний вечер. Американский художник и телепродюссер
David Smith, 138, пресс–атташе лондонской скорой помощи
David Solomon, 123 ….?
De Doelen, 100 13 сентября в роттердамском Дедоелене должен был состояться концерт Джими, но был отменён из–за отсутствия басиста
Debbie Toomey, 101 американская подруга Джими, в доме которой по Лаймерстон–Стрит в Фулхеме, Джими провёл вечер понедельника и где ему сделал завивку его старинный приятель Финни
Denver, 77 последний концерт Опытов в июне 1969, окончившийся бегством группы в грузовике от слезоточивого газа, выпущенного полицией для усмирения публики
Devon Wilson, 99, 110, 123, 166
Deutschlandhalle, 65 берлинский концертный зал
Dick Fontain, 105 друг Пэт Хартли, они оба были заняты на Гавайаях в фильме Rainbow Bridge
Dick Katz, 49, 147–8, агент английского продюсерского агенства Harold Davidson Ltd,
Disc and Music Echo, 20
Ditta, 39 дочь старинного друга Джими ещё по Гринвич Виллиджу
Dolly Dagger, 26, 33 второй раз исполненная на фестивале о. Уайт (первое было на Мауи)
Dolores Hall, 166
Donny Howell, 166
Doughters Of The American Revolution, 44

Dr. John Bannister, 141–3, дежурный хирург

Dr. John Robertson, 130–1, доктор с 77 Харлей–Стриит, лечащий врач Джими, оставил практику в 1969 году

Dr. Martin Seifert, 141 письмо, 145 интервью на Би–Би–Си, ассистент дежурного хирурга, в настоящее время — хирург–ортопед, работает в Австралии

Dr. Ramond Hasrinemann, 131, лечащий врач Джими

Dr. Rufus Crompton, 163, в описываемое время студент и ассистент проф. Тира

Dunlap Baptist Church, 165

Durophet, Чёрный бомбардировщик, 124, 160, амфетамин

Dusseldorf, 154, 157

Earth, 121, 126, журнал, в декабрьском номере за 1970 год было напечатано интервью с Джерри Стикеллзом и Тэрри Слейтером

East afton Farm, 28 ферма в Freshwater, на полях которой проводился фестиваль на о.Уайт

Ed Chalpin, 100 с Эдом Чалпиным 15 октября 1965 года был заключён трёхгодичный контракт с Хендриксом, но через 11 месяцев Джими исчез и появился в Англии, где заключил новый контракт с Час Чандлером и Трэк–Рекордс

Eddie Hall, 166

Eddie Kramer, 110, 166

Eddy Rye, 166

Egon F. Freiheit, 152–3, репортёр немецкой газеты Bild

El Tusso, 27 ресторан (кафе)

Electric Gypsy, 141, биография Хендрикса, написанная Гарри Шапиро

Electric Lady, 24, 26

Embryo, пионеры немецкого краут–рока, группа выступавшая после Хендрикса, на фестивале острова Фехмарн

Eric Barrett, 13, 32, о нём 68, 150, 166

Eric Burdon, 150, 155

Eric Clapton, 104

Erik Thomsen, агент шведского Bendix Music, 49

Eva Sundqvist, 39

Experience, 21

Ezy Ryder, 34, 40

Fehmarn, 72 вдохновлённые успехом фестиваля на острове Уайт и в надежде пригласить музыкантов, принимавших участие на острове Уайт, дата фестиваля была перенесена на 4–6 сентября. Предполагалось что в фестивале примет участие 30–40 групп и ожидалось около 60 тысяч зрителей.

Fillmore, 22, 32

Fluegger, маяк на северном берегу острова Фехмарн, рядом с которым проходил фестиваль

Flueggerstrand, по опыту острова Уайт была подобрана территория: так называемая Флюггерстранд, организаторы арендовали 50 га, принадлежащих фермеру мистеру Стортенбеккеру, расположенных недалеко от маяка Флюггер, поскольку рядом уже находились 55 туалетов местного кемпинга, которые можно было бы использовать. К этому добавили ещё 100 специальных автобусов–туалетов.

Ford Crull, помощник стейд–менеджера фестиваля на острове Фехмарн (17 лет), в настоящее время известный нью–йоркский художник

Foxey Lady, 33, 42

Franch Maoists, 94

Freddie Mae Gautier, 166

Frederiksberg, 60

Frederiksvej, 60

Freedom, 32, 56

Freshwater, 28 городок на о.Уайт, рядом с которым проходил фестиваль

Fuhlsbuttel, 65, 72, 77 аэропорт в Гамбурге

Gavin Leonard Bourdas Thurston, 158, 160–3, районный коронер Западного Лондона

Gene McFadden, 32, о нём 68, новый звукоинженер из рабочей группы Джими

Genghis Khan, 52, Ченгиз–Хан

George Lazenby, 27, 60, 64, 100 кинорежиссёр.

Gernot Piltz, 74 фотограф фестиваля на острове Фехмарн

Gerry Richard Stickells, 29, 49, 61, о нём 68, 72–3, 121, 157, 165–6, в описываемое время жил в Elgin Crescent в двух кварталах от Lansdowne Crescent, где жила Моника в Самарканде

Gethenburg–Tidningen, 43, шведская газета Гётенбург–Тильниген

Gibson Flying V, 32, 76

Gillian Saich, 25, 26, репортёр газеты NME.

Ginger Baker, 121

Glen Cornick, 105 бывший муж Джуди Вонг

God Save The Queen, 29

Gothenburg, 42, 50

Graham Bell, 105 певец

Greenwich Village, 39

Grossenbrode, 72 оттуда на пароме до острова Фехмарн

Grugahallen, 100 зал в Эссене, где в сентябре проходил фестиваль Поп–энд–Блюз, на котором должно было выступить

трио Хендрикса
Gunni, Гунни, очевидец фестиваля на острове Фехмарн (20 лет)
Gypsies, 52
Hampshire, 37
Hans Christian Andersen, 53, 57
Harold Blacburn, 166, преподобный Харольд Блэкбёрн
Harold Davidson Ltd, 49 английское продюсерское агенство Хендрикса
Harry Shapiro, 127, 141, Гарри Шапиро, автор книги Electric Gypsy, биографии Хендрикса
Hawaii, 33, 105
Heinz Zweidrei, 74 репортёр Рекорд Миррор
Helle Hellmann, 63 репортёр датской газеты Politiken
Hell's Angels, 72, 74
Helmut Ferdinand, 72–73 33–ёх летний инженер Хельмут Фердинанд, один из трёх организаторов фестиваля на острове Фехмарн
Helsinki, 50
Hendrix Big Band, 19
Henry Steingarten, 103, 110 Хенри Штайнгартен, нью–йоркский адвокат Джими
Herbert Price, 166, костюмер Джими
Hey Joe, 34
Hurbert, 154, вымышленное имя, которым представился брат Моники, Клаус–Петер, когда ему позвонили в Дюссельдорф из редакции британской газеты Дейли–Телеграф, Моника считает, что газетчики выдумали этот звонок, так как брата в это время даже не было в городе
I Used To Be An Animal, 134, автобиография, написанная Эриком Бёрдоном
Ian Smith, 138, лондонский констебль
IOW, Isle of Wight, 16, 23, 28, 67 Фестиваль на острове Уайт.
In An English Country Garden, 34
In From The Storm, 34, 42
In The Summertime, 70–1
Inga Rumpf (группа Frumpy), известная блюзовая певица из Гамбурга, выступившая первой на фестивале осторва Фехмарн
Inn On The Park Hotel, 80 гостиница, в которой в четверг 10 сентября записывающая компания RCA устроила вечеринку по поводу выхода первого сольного альбома Майка Несмита
Island Studios, 22
James Allen Hendrix, 166
James Daniel Sundqvist, 39 шведский сын Джими

James Thomas, 166
Janie Hendrix, 166
Jean Voigt, 60 дизайнер одежды
Jeff Dexter, MC, 29–30 ведущий фестиваля на о. Уайт
Jenny Chapman, 105 подруга Джуди Вонг
Jesus, 52
Jethro Tull, 16
Johann Strauss, 92
John Hummond Jr., 166
John Saua, 137, санитар скорой
John Sebastian, 88
John Show, 130, 149, 157, полицейский сержант, следователь
Johnny Moke, 105 дизайнер
Johnny Winter, 166
Joni Mitchell, 16
Jorn Rossing Jansen, 43, репортёр Arhus Stiftstidende
Judy Wong, 105 день рождения 16 сентября
Karen Davis, 26–28, 35, 54, 57, 65 знакомая по Нью–Йорку, жила в том же квартале, что и Джими
Kastrup Lufthaven Airport, 50 аэропорт в Копенгагене
Kathy Etchingham, 15, 123–4 писмо Энджи, Kathy Page
Keit Robin, 70, сержант Кит Робин с берлинской телестанции American Forces
Keith Altham, 81 сотрудник Record Mirror, известен тем, что 11 сентября в гостинице Камберленд взял последнее интервью у Джими Хендрикса, в настоящее время считает себя биографом Джими
Kempinski, 71 гостиница в Берлине
Kenneth Allsop, 155, журналист Би–Би–Си телепрограммы 24 Часа
Kensington Market, 110
Keystone Press Agency, 158
King George Clemons, 39 старинный друг Джими по Гринвич–Виллиджу
Kirsten Nefer, модель, 26–28, 34, 54, 57, 65. 79
Klas Burling, 37–39, журналист, интервью для шведского радио
Klaus Moller, 59, фотограф датского журнала SE og HOR
Klaus–Peter Dannemann, 104, 154, брат Моники
Knud Thorbjornsen, 49, шведский агент из SBA (Scandinavian Booking Agency)
Land Of The New Rising Sun, 34, 41, 46
Landvetter Airport, 50, аэропорт в Гётенберге
Lars Buch, 59 репортёр датского журнала SE og HOR

Leon Hendrix, 166

Les Perrin, 16, 147, пиар–менеджер Джими

Linncoln House Hotel, 151–2,

Londonderry, 79 гостиница, в которой произошёл отвратительный инцидент с Энджи

Lord Harvey of Prestbury, 111, член Парламента от Консервативной партии

Love (Arthur Lee), 52

Love And Peace Festival, 72 немецкий фестиваль на острове Фехмарн

Lover Man, 32, 40

LSD, 51–2, 91

Lund, 42

Lyceum Ballroom, 104 зал в лондонском Сткэнде, где Sly And The Family Stone дали свой единственный британский концерт, на котором по словам Эрика Клаптона был среди слушателей Хендрикс

Machine Gun, 32,42

Mafia, 126

Margaret Street, 107 на этой улице находится клуб Спикизи

Marshall усилители, 55

Martin Luther King Memorial Fund, 43–44

Maui, 33

Message To Love, 34, 41, 56

MM, Melody Maker, 17. Самая популярная в те годы британская музыкальная газета, выходящая раз в неделю.

Mike Jeffery, 166, если агенты Британской разведки решили бы установить слежку за Хендриксом, то лучшего кандидата на эту роль, чем менеджер Хендрикса, Майк Джеффери, им было бы не найти. Джеффери, по его собственным словам прошлом агент британской разведки, родился в Южном Лондоне в 1933 году. Единственный ребёнок в семье почтовых служащих. Окончив школу в 1949 году служил клерком в Мобил–Ойл и был призван в армию на два года. За свои способности его отправили учиться в Образовательный Корпус. Выбрав военную профессию он вошёл в состав Британской разведки и с этого момента его дальнейшая деятельность не ясна. Джеффери часто хвастался, что участвовал в секретной миссии против русских, в отделе по расследованию особо тяжких преступлений, связанных с мародёрством и пытками в иностранных городах. Отец Майка, говорит, что сын редко рассказывал о своей работе, возможно по причине личного характера, но утверждает, что Майка за всю его военную карьеру ни разу не видел в форме, и знает наверняка, что тот был в Египте и предполагает, что именно там он выучил русский язык.

Майк Джеффери часто намекал на свою связь с силами зла. Общеизвестно, что он поддерживал отношения со Стивом Вейссом, адвокатом и Опытов Джими Хендрикса и группы Vanilla Fudge, руководителями которой были представители мафии.
Mick Jagger, 52
Midnight Lightning, 33, 40
Mike Legerwood, 20. Репортёр Disc and Music Echo.
Mike Nesmith, 80, 123, вечеринка устроенная RCA по поводу выхода первого его сольного альбома Magnetic South
Miles Davis, 166
Mitch Mitchell, 25, 28, 30, 51, 54–5, 68, 166
Monika Charlotte Dannemann, 156, в дни, когда писалась книга, покончила с собой (в пятницу 5 апреля 1996 года). Я был знаком с ней и хотя многое из того о чём она мне рассказывала о произошедшем в ту ночь, когда умер Джими, вызывало у меня сомнения, она всегда относилась ко мне с чистым сердцем. Последние 14 лет она призывала к ответственности многих, кто пытался обвинить её в смерти Джими. Истратив уйму денег на адвокатов, она так и не выиграла ни одного судебного дела, и за неделю до своей смерти её репутация была сильно дискредитирована Кати Пейдж, (Кати Этчингем). При последней нашей встрече, за несколько недель до самоубийства, она сообщила мне, что собирается подать в суд на Omnibus Press, издавшее мою книгу Jimi Hendrix: A Visual Documentary. Лучше бы она последовала моему совету, не тратить столько времени и денег на адвокатов, а написала бы о своих воспоминаниях. Думаю, смерть Моники Даннеманн закрыла последнюю страницу в смерти Джими Хендрикса. Унеся с собой тайну его смерти навсегда.
Monterey Pop Festival, 51, 69, 95
Morgenposten, 51
Mother Day, 42
Motoh Miller, 45, Мич Мичелл
Montain, 83
Mungo Jerry, 70–1
Murphy Blend, 65
Music Lover, 68
Music Now, 23
Napoleon, 50–1
Nashville, 22
Neil Young, 51
Newcastle, 154
NME, New Musical Express, 25
Noel Redding, 25, о нём 68–9, 150, 166

Nora Hendix, 166, бабушка Хендрикса
Norman Joplin, 23–25. репортёр Music Now
O. D., over dose, 128, всем сказали "передозировка"
Observer, 155
Olle Jonssen, 37, репортёр Aftonbladet
Olympic Studios, 104, на этой студии сделано Хендриксом 90% записей
Omnibus Press, 170. Издавшее книгу Тони Брауна Jimi Hendrix: A Visual Documentary.
Otis Redding, 50
Otto Fewser, 57, директор концертного зала в Архусе
Pat Hartley, 104, на её квартире 16 Elvaston Place, Kensington Джуди Вонг справляла днём свой день рождения 16 сентября
Penny Ravenhill, 111–8, в описываемое время её было 16 и жила с матерью в 25 по Ladbroke Walk, в настоящее время живёт в Уэльсе
Pete Cameron, 123–5, музыкальный издатель, связанный деловыми контактами с Трэк–Рекордс, на квартире которого на Great Cumberland Place вблизи Marble Arch Джими провёл по разным сведениям от получаса до несколько часов в свою последнюю ночь
Petronella Wright, 165
Phillip Harvey, 110–9, 164б сын лорда Харви Престберийского члена Парламента от Консевативной партии, в гостях у которого в доме 4 в Clarkes Mews Джими провёл последний вечер в своей жизни
Pichie Havens, 23
Pink Floyd, 18, 84
Polydor Records, 103
Portobello Road, 129, улицу, на которую выбежала Моника за сигаретами утром 18–го
Portsmouth, 28
Power Of Soul, 56
Procol Harum, 65
Purple Haze, 34, 42
Puttgarden, 72 город на северном берегу острова Фехмарн
Quinolbarbitone, 128, собственно снотворное
Rainer Langhans, известный мюнхенский хиппи, приехавший вместе со своей подругой, Uschi Obermeier, на фестиваль острова Фехмарн, в надежде потусоваться с Джими Хендриксом
RCA, 80
Record Mirror, 21, 74, 81
Red House, 33, 40
Reg Jones, Reginald Jones, 135, санитар скорой

Ric Grech, 100 басист, играл с Family и Blind Faith, ему звонил Джерри Стикеллз, когда искал замену Билли Коксу, Рик мог ещё спасти концерты в Париже, Вене и на Поп–энд–Блюз фестивале в Грюгахаллене в Эссене

Robert Donald Teare, 155, патологоанатом–консультант и профессор кафедры судебной медицины на факультете судебной медицины в больнице Святого Георга, в Вестминстере.

Ronnie Scott, 102, 150, 156, владелец ночного джаз–клуба Ronnie Scott's Jazz Club на Frith Street

Roy Hollingworth, 17. Репортёр MM.

Rubinen, 37 гостиница в Стокгольме

Russel Hotel, 132, гостиница, где остановился Эрик Бёрдон с Альвинией Бриджес

Samarkand Hotel, 22. Lansdowne Crescent, Notting Hill, 14

San Francisco Examiner, 64

Sandy Denny, солистка британской фолк–рок группы Fotheringay

Satisfaction, Rolling Stones, 34

SBA (Scandinavian Booking Agency), 49 Скандинавское концертное агентство

Scotland Yard, 127

SE og HOR, 59 датский журнал

Seagrove Hotel, 28, 35 гостиница в Sandown на острове Уайт

Sgt Peppers, 100, 110 ночной клуб на Майорке, владелец Майк Джеффери

Sharon Lawrence, 64, 151, старинная подруга Джими из Лос–Анжелеса

Sid Rawles, 112, лидер хиппи в 1970 году сделал попытку с другими хиппи колонизировать Dorlch, остров в Ирландии, взятый специально для него в аренду у правительства Джоном и Йоко Леннонами

Sigurgeir Sigurjonsson, 39

Sly Stone, 23, 24, 68, 104, 121

Southampton Airport, аэропорт в Хэмпшире, 37

Speakeasy Club, Margaret Street near Oxford Circus, 13–14, 28, 107, 121

Stapleford Aerodrome, 28, аэродром в Witshire

Stella Douglas, 99, 110, 123–4, 164

Steve Clarkson, 21, репортёр Sunday Mirror

Steve Paul, 166

Steve Phillips, 166

Steve Stills, 22, 28

Stonehenge, 24

Stora Scenen, Grona Lund, 37 сцена в Tivoli Gardens, на

которой в 9 часов вечера 31 августа состоялся концерт, проходящий в рамках шведских гастролей
Stortenbecker, мистер Стортенбеккер, фермер острова Фехмарн на территории которого проходил фестиваль
Sunday Mirror, 21
Sunshine Of Your Love, 46, (Cream)
Suzy Benjamin, 26, — ---who is she?
Sven Wezelenburg, репортёр B. T. Frokosten, 50, 55
Tamika James Laurence Carpenter, 103, дочь подруги Джими Дианы Карпентер
Tandoori, 79, ресторан на Фулхем–Роуд
Templehof, 65, 72, аэропорт в Берлине
Ten Years After, 65, 85
Terry McVay, 102, гастрольный менеджер сначала The Animals, затем War
Terry Slater, 126–7, 150, много лет работал в концертном агенстве Anim, хорошо знал Джими с самого его приезда в Англию
The All Night Newsboys, 44
The Animals, 102
The Band Of Gypsys, 22, 25
The Blue Wild Angels, 30
The Doors, 16
The Electric Circus, 54–6
The Faces (Ron Wood, Rod Stewart, Ronnie Lane, Ian McLagan, Kenny Jones)
The First National Band, 80, группа Майка Несмита
The Kingsmen, 75
The Red Desert, 80, фильм Красная пустыня Антониони
The Rolling Stones, 44, 50, 52
The Star Splangled Banner, 42
The Story Of Life, 122, 149, поэма написанная за пару часов до смерти, некоторые считают её "запиской самоубийцы"
The Times, 16, 142
The Who, 16
The Wild Blue Angels, 30
Thue Ditlevsen, M.C,, 57 ведущий
Tivoli Gardens, 37, 39
Tim Sievers, 72 один из трёх организаторов фестиваля на острове Фехмарн, 30–ти летний студент Тим Северс Tommy Rander, 43 репортёр из шведской газеты Гётебург–Тильниген (Gothenburg–Tidningen)
Tom Hullet, 166
Tom Keene, 138, лондонский констебль, вызванный

санитарами скорой (не найден)

Torben Poulsen репортёр шведской Actuelt, 50

Track Records, 100 в Сохо на Олд–Комптон–Стрит

Trixie Sullivan, 110 бессменная скретарь Майка Джеффери

Upper Berkley Street, 103 на этой улице находилась лондонская квартира Час Чандлера

Upton, 149, лондонский констебль

Uschi Obermeier, Уши Обермайер, известная мюнхенская хиппи, приехавшая со своим другом, Райнером, на фестиваль на Фехмарне, в надежде потусоваться с Джими Хендриксом

Vejlby Risskov Hallen, 54 концертный зал в Архусе, Дания

Vesparax, 128, 152, немецкое снотворное, которым пользовалась Моника

Voodoo Chile Slight Return, 34,42

Wagner, 92

Walter Price, 147, сотрудник морга

War, 105

Wasformi, 106 на языке чероки "гром", так по словам Моники собирался Джими назвать своего сына

Wink Of An Eye, 137, 143, BBC Radio One's, Взгляд, радиопрограмма Би–Би–Си Радио–Один

Winnie The Pooh, 53, 57

With A Little Help From Jimi's Spirit, 131, 158, написанная в 1971 году и до сих пор не изданная рукопись Моники Даннеманн

World War Two, 94

Woodstock, 23, 25, 53, 66

Необходимое дополнение: Нужно помнить, что до того момента, как он умер имени его почти никто не знал, музыка его не передавалась белыми радиостанциями, потому что он чёрный, а чёрными - потому что его аудитория была в основном из белого хиппующего населения. Даже Куртиса Найта обвинили в коммерческом подлоге с его БАЛЛАДОЙ О ДЖИМИ 5-летней давности.

Открытое письмо, опубликованное Катей Этчингем:

Дорогая Кати, хочу присоединить свой голос к голосам протеста, которые всё чаще слышатся в связи с новым "биографическим" фильмом о Джими Джона Ридли.

Направляясь в кино, я шла снова увидеть Джими, думала, увижу людей, которых хорошо знала. Как ты знаешь, я была тогда в Лондоне 66-го и хорошо помню и тебя, и Джими!!!!

Я часто виделась с Джими, после того, как мы познакомились в начале 1967 года, вплоть до самой его смерти в 1970. Конечно

же мы с тобой остаёмся друзьями и до сих пор, поддерживаем связь, несмотря на то, что, покинув Лондон, наши дороги разошлись.

Но всё, что я смогла сказать, бежав из кинотеатра, пресыщенная неестественной атмосферой фильма мистера Ридли, было: "СПАСИБО, ТЕБЕ БОЖЕ, ЧТО Я НЕ ЗНАЛА ВСЕХ ЭТИХ ВЫДУМАННЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ!!!!!!"

Неужели Джон Ридли вообразил, что написав в титрах: "Основано на невымышленной истории", он получит право рисовать характер Джими грязью, изображать его парнем, который может ударить женщину кулаком в лицо или ногами на улице, или ударить её в баре телефонной трубкой, так сильно, что она потеряет сознание?

Ведь такого же никогда не было????

Джими был мужчиной-принцем - артистом, поэтом, человеком невероятной духовности. В частном общении он был чрезвычайно обаятелен, даже застенчив. Ты же это всё слышала много раз от женщин, которые его знали. Так как же мистер Ридли мог решиться на такое, чтобы одним из главных впечатлений, создавшихся у выходящих из зала людей было то, что Джими только и делал, что оскорблял и бил женщин?

Обидно за Джими, обидно, что его нет рядом с нами и он не может сам защитить своё честное имя. Определённо мистер Ридли никогда бы не решился на такой поступок, будь Джими жив.

Но вот несчастье! Не все мы ещё мертвы! Те из нас, кто гордится тем, что знали экстраординарную реальную жизнь Джими, способны всё ещё описать РЕАЛЬНУЮ историю - а не те тупые сумасшедшие фантазии, которыми мистер Ридли напичкал своё кино.

С наилучшими пожеланиями, Кати,
навсегда твоя Дэбби Штандер.

Переводчик: sasikainen
Tony Brown
Jimi Hendrix, The Final Days
Rogan House , Omnibus Press
New York October 1997
ISBN 10: 0711952388
ISBN 13: 978-0711952386